ISSN 2542-1697

ЭКОНОМИКА. СОЦИОЛОГИЯ. ПРАВО.

№4 (24)
2021

ББК 65+60+67
Э-40
Экономика. Социология. Право. №4 (24) (2021). Брянск: БГУ, 2021. – Точка доступа: http://profit-brgu.ru
Размещено на официальном сайте журнала: 29.12.2021г.

Председатель Редакционного совета:
Антюхов Андрей Викторович – доктор филологических наук, профессор, ректор ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского» (БГУ).

Главный редактор:
Бабич Оксана Викторовна - доктор экономических наук, доцент, директор НИИ ФиПИ БГУ

Редакционная коллегия:
Алексеев Андрей Алексеевич - доктор экономических наук, профессор кафедры экономики предприятия и производственного менеджмента, директор центра инновационного развития ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет»;
Артамонов Алексей Николаевич - кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин БГУ;
Бабосов Евгений Михайлович - доктор философских наук, академик, заведующий отделом Института социологии Национальной Академии Наук Республики Беларусь;
Голенкова Зинаида Тихоновна - доктор философских наук, профессор, заместитель директора Института социологии РАН по науке, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения Института социологии РАН;
Горбачёв Александр Николаевич - кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой земельного, трудового и экологического права БГУ;
Горина Светлана Алексеевна - доктор экономических наук, профессор, генеральный директор ООО «Аудит и консультирование» (г. Москва);
Гостенина Валентина Ивановна - доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии и социальной работы БГУ;
Донцова Людмила Васильевна - доктор экономических наук, профессор кафедры финансового контроля, анализа и аудита ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова» (г. Москва);
Кара Игорь Степанович - кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии БГУ;
Ковалева Наталья Николаевна - кандидат экономических наук, доцент, декан финансово-экономического факультета БГУ;
Ковальчук Юлия Александровна - доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и финансового менеджмента ФГБОУ ВО «Рязанский государственный радиотехнический университет»;
Крутиков Валерий Константинович - доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного права ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского» (г. Калуга);
Курбонов Абдулхайт Каримович - доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономического анализа и аудита Таджикского национального университета (г. Душанбе, Республика Таджикистан);

Мамедов Агамали Куламович - доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии коммуникативных систем ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова» (г. Москва);
Матюшкина Ирина Алексеевна - кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и управления БГУ (ответственный секретарь);
Омелин Виктор Николаевич - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии БГУ;
Рогова Елена Моисеевна - доктор экономических наук, профессор, профессор департамента финансов, декан факультета «Санкт-Петербургская школа экономики и менеджмента» Санкт-Петербургского филиала ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
Шилина Светлана Александровна - доктор социологических наук, доцент кафедры социологии и социальной работы БГУ.

В данном выпуске сетевого издания – электронного научного журнала «Экономика. Социология. Право» представлены материалы ученых по указанным направлениям научных исследований. Журнал предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов высших учебных заведений.

Ответственность за точность фактологического материала, используемого в статьях, несут авторы.

© БГУ, 2021

Научный журнал «Экономика. Социология. Право», 2021, №4(24)

ISSN 2542-1697

ECONOMICS. SOCIOLOGY. LAW.

№4 (24) 2021

BBK 65+60+67
E-40
Economics. Sociology. Law. No. 3 (23) (2021). Bryansk: BSU, 2021. –Access point: http://profit-brgu.ru
Posted on the official website of the journal: 29.12.2021 г.

Editorial Board Chairman:
Antyukhov Andrey Viktorovich – Doctor of Philology, Professor, Rector of I. G. Petrovsky Bryansk State University (BSU).

Editor in chief:
Babich Oksana Viktorovna – Doctor of Economics, Professor, Head of the chair of Economics and Management, BSU.

Editorial Board:
Alekseev Andrey Alekseyevich – Doctor of Economics, Professor of the Chair of Business Economics and industrial management, Director of the center for innovative development, St. Petersburg State University of Economics and Finance;
Artamonov Alexey Nikolayevich – candidate of Juridical Sciences, associate Professor, Head of the Chair of State and Law disciplines, BSU;
Babosov Evgeny Mikhailovich – Doctor of Philosophy, Academician, Head of the Department, Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of the Republic of Belarus;
Golenkova Zinaida Tikhonovna – Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Director for science of the Institute of Sociology of the Russian academy of science, Head of the Center for the study of social structure and social stratification, Institute of Sociology;
Gorbachev Alexander Nikolayevich – candidate of Juridical Sciences, associate Professor, Head of the Chair of Land, Labour and Environmental law, BSU;
Gorina Svetlana Alekseyevna – Doctor of Economics, Professor, Director General of OOO «Audit and Consulting» (Moscow)
Gostenina Valentina Ivanovna – Doctor of Sociology, Professor, Head of the Chair of Sociology and social work, BSU;
Dontsova Lyudmila Vasilyevna. – Doctor of Economics, Professor of the Chair of financial control, analysis and audit, Plekhanov Russian University of Economics (Moscow);
Kara Igor Stepanovich – candidate of Juridical Sciences, associate Professor, Head of the Chair of Criminal law and Criminology, BSU;
Kovaleva Natalia Nikolayevna – Candidate of economic Sciences, associate Professor, Dean of the faculty of finance and economics, BSU;
Kovalchuk Yuliya Aleksandrovna – Doctor of Economics, Professor of the chair of Economics and financial management, Ryazan state radio engineering University
Krutikov Valery Konstantinovich - Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of State Law, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky(Kaluga city);
Kurbonov Abdulhait Karimovich – Doctor of Economics, Professor, Head of the Chair of economic analysis and audit of the Tajik national University (Dushanbe, Republic of Tajikistan);
Mamedov Agamali Kulamovich – Doctor of Sociology, Professor, Head of the Chair o f sociology of communication systems, Moscow state University;
Matyushkina Irina Alekseevna - Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate

Professor of the Department of Economics and Management of BSU (Executive Secretary);
Omelin Viktor Nikolayevich – Doctor of Laws, Professor, Professor of Criminal law and criminology, BSU;
Rogova Elena Moiseevna, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Finance, Dean of the Faculty of St. Petersburg School of Economics and Management, St. Petersburg Branch of the National Research University Higher School of Economics;
Shilina Svetlana Aleksandrovna – Doctor of Sociology, associate Professor of the Chair of Sociology and social work, BSU.

In this network edition – electronic scientific journal «Economics. Sociology. Law» you can find materials of the scientists in these areas of research. The journal is intended to researchers, teachers, postgraduates and students of higher educational institutions.

The authors are responsible for the accuracy of the factual material used in the articles.

© BSU, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Белоусова О.В., Карасев М.М., Белоусова Е.А.
Маркетинговое исследование социального портрета потребителя лекарственных препаратов для профилактики и лечения варикозной болезни нижних конечностей…….…….... 9
Демченко И.Е.
Индикативный анализ бюджетно-налоговой безопасности Вологодской области 18
Ермакова Л.В., Дедова О.В., Мельгуй А.Э.
Внедрение налогового планирования на предприятии..……...…...……..... 28
Иванова С.П., Мясоедов А.И.
Новые подходы к моделям управления интеллектуальным капиталом……. 35
Ильина И.Ю.
Особенности формирования персонального бренда преподавателя вуза …..…… 43
Мандрон В.В., Будаев Н.С., Свиридов Д.Г.
Инвестиционная политика и инвестиционная деятельность ПАО «Сбербанк России»……..... 49
Рожков Е.В.
Перспективы промышленности Пермского края (от роботизации до искусственного интеллекта)…….…….. 58

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Булаева М.В.
К вопросу о разработке классификации теорий, школ и концепций образования для задач социологии управления…….. 67
Ефимочкина Н.Б., Мамедов А.К.
Эволюция цифровых полей социальных трансформаций мегаполиса ……..…..…. 73
Кирпиченко А.М.
Механизм социального управления…….....……. 86
Короленко А.В.
Временной ресурс современной семьи: опыт изучения на примере Вологодской области…….. 107
Мерзляков А.А.
Оценка потенциала субъектности в группах с различным отношением к деятельности органов власти и управления……... 119
Середнев В.А.
К вопросу гендерной сегрегации, в контексте разделения трудовых и социальных ролей (социально-философский аспект)…….……. 134
Сычева Е.Ю., Кусова Л.Н., Тимофеева В.А.
Дискурс природы конфликта в классической социологии…….. 144

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Сахарова Ю.В.
Хранение вещей в ломбарде как один из видов ломбардной деятельности…….. 159

CONTENTS

ECONOMICS

Belusova O.V., Karasev M.M., Belousov E.A.
Marketing study of social portrait of the consumer of medicines for prevention and treatment of varicosis of the lower limbs……..…… 9
Demchenko I.E.
Indicative analysis of budget and tax security of the Vologda oblast ……..... 18
Ermakova L.V., Dedova O.V., Melguy A.E.
Implementation of tax planning at the enterprise…...……...……...…... 28
Ivanova S.P., Myasoedov A.I.
New approaches to models of intellectual capital management…… 35
Ilina I. Yu.
Features of the formation of a personal brand of a university teacher……..… 43
Mandron V.V., Budaev N.S., Sviridov D.G.
Investment policy and investment activity Sberbank of Russia PJSC…….. 49
Rozhkov E.V.
Prospects for the industry of the Perm territory (from robotiza-tion to artificial intelligence)…….……. 58

SOCIOLOGY

Bulaeva M.V.
On the development of classification of theories, schools and concepts of education for the tasks of sociology of management……. 67
Efimochkina N.B., Mamedov A.K.
The evolution of the digital fields of social transfor-mations of the megalopolis……. 73
Kirpichenko A.M.
The mechanism of social management……..…… 86
Korolenko A.V.
The time resource of the modern family: the experience of studying on the example of the Vologda oblast……. 107
Merzlykov A.A.
The objectivity potential assessment in groups with different attitudes to the government and management activities…….…… 119
Serednev V.A.
On the issue of gender segregation in the context of division of labor and social role (socio-philosophical aspect)…….……. 134
Sycheva E.Y., Kusova L.N., Timofeeva V.A.
The discourse of the nature of conflict in classical sociology……... 144

LAW

Sakharova J. V.
On the issue of changing the legislative regulation of pawnshop activity……. 159

ЭКОНОМИКА

УДК 339.138

МАРКЕТИНГОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ПОРТРЕТА ПОТРЕБИТЕЛЯ ЛЕКАРСТВЕННЫХ ПРЕПАРАТОВ ДЛЯ ПРОФИЛАКТИКИ И ЛЕЧЕНИЯ ВАРИКОЗНОЙ БОЛЕЗНИ НИЖНИХ КОНЕЧНОСТЕЙ

Белоусова О.В.[1], Карасев М.М.[2], Белоусов Е.А.

[1]Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород
[2]Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, г. Орёл

Варикозная болезнь нижних конечностей (ВБНК) в настоящее время распространена повсеместно и имеет тенденцию к росту количества страдающих этой патологией людей. В статье представлены результаты социологического исследования с помощью анкетирования покупателей ЛП для профилактики и лечения ВБНК на локальном фармацевтическом рынке. Проведены исследования по половой принадлежности, возрастным показателям, наличию семьи, уровню образования, принадлежности к определенной социальной группе, доходам на 1 члена семьи, уровню среднемесячных трат на медицину, оценке собственного здоровья, наличию хронических заболеваний, наличию признаков ВБНК, обращению за консультациями в ЛПУ, наличию вредных привычек и борьбы с ними, частоте обращения в аптечную организацию, причинам и целям посещения аптеки. По результатам исследования построена лепестковая диаграмма. Сделаны выводы.
Ключевые слова: синдром тяжелых ног, тромбоз глубоких вен, статус потребителя, социологическое исследование

Введение. По данным Всемирной организации здравоохранения различные формы венозной патологии встречаются у 60-75% населения. Статистика говорит о том, что в той или иной степени данным заболеванием страдают от 53% до 74% населения планеты. В Российской Федерации венозной патологией нижних конечностей страдает более 15% мужчин, в то время как женщины подвержены данному заболеванию в значительной степени больше, более 30%. Данные цифры говорят об отнесении данной патологии к «заболеваниям цивилизации». Данная патология широко распространена среди людей среднего возраста, как правило, работающих, однако всё чаще венозные патологии диагностируются у более молодого поколения, в том числе учащихся и студентов [1,2,3].

Значительная часть больных обращается к врачу-специалисту уже при начинающихся осложнениях варикозной болезни, когда явно проступают признаки тромбофлебита, которыми являются тромбирование верхних вен и возможное продвижение патологии в более глубокие вены, что чревато очень серьёзным осложнением – тромбозом глубоких вен.

При продолжительно измененных варикозно-расширенных венах постепенно происходит наступление хронической стадии, то есть переход в хроническую венозную недостаточность (ХВН), которая непосредственно связана с патологией оттока крови из конечностей, что сопровождается серьезными болями, отёками, быстрой утомляемостью, судорожными явлениями, образованиями трофических изменений и в конечном итоге – трофическим язвам[2].

Варикозное расширение вен определяется развитием варикозных узлов и появлением неровных просветов вен. ВБНК есть у 20% мужчин и более чем 30% женщин. Более 50% трудоспособных людей страдают синдромом тяжелых ног, являющимся явным признаком варикоза. При данном состоянии наружные вены конечностей набухают и становятся явно видимыми в форме синих жгутов. При этом разрушается клапанная система сосудов, в том числе и в прилегающих отделах, нарушается система тока крови в конкретной конечности, что, в конце концов, может повлиять на систему общего кровотока [1,2].

На сегодняшний день основными причинами преждевременного развития ВБНК считаются: генетическая предрасположенность, недостаточность клапанного аппарата вен, в том числе приобретенная и врожденная, слабость венозной стенки, длительное пребывание человека в сидячем и стоячем положении, травмы конечностей, прием гормональных препаратов,

повышенная нагрузка, излишняя масса тела и другие патологические состояния[3.4].

На современном фармацевтическом рынке России наблюдается значительное увеличение лекарственных средств для профилактики и лечения ХВН в виде самых разных лекарственных форм мазей, гелей, кремов, капсул, таблеток, инъекционных растворов. Данные препараты способны благотворно повлиять трофику сосудов, улучшить кровообращение в прилегающих тканях, снять болевые ощущения, воспаление, снизить отечность [4.5].

Методы исследования: социологический, аналитический, графический, структурный..

Результаты и их обсуждение. Для составления медико - социального портрета респондентов с помощью специально разработанной анкеты, проведен опрос 254 посетителей аптечной организации «Фарма 2+». Анализ анкет распределил клиентов аптечной организации по гендерной принадлежности следующим образом (рис.1).

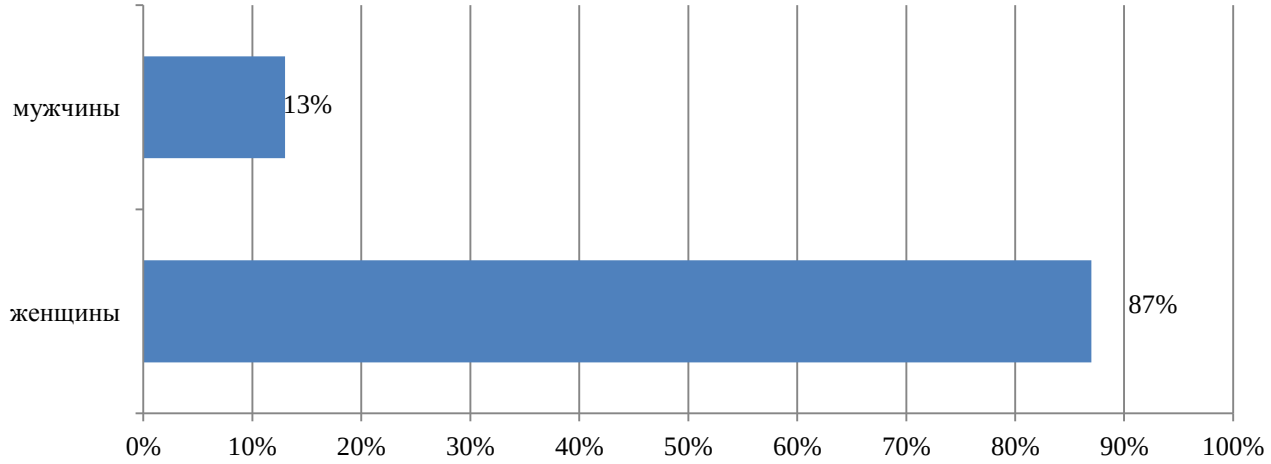

Рисунок 1 - Распределение посетителей по гендерному признаку, %

Выявлено, что варикозной болезнью вен нижних конечностей болеют женщины 87%, мужчины 13%. Исследование по возрастным показателям выявило следующие данные (рис. 2).

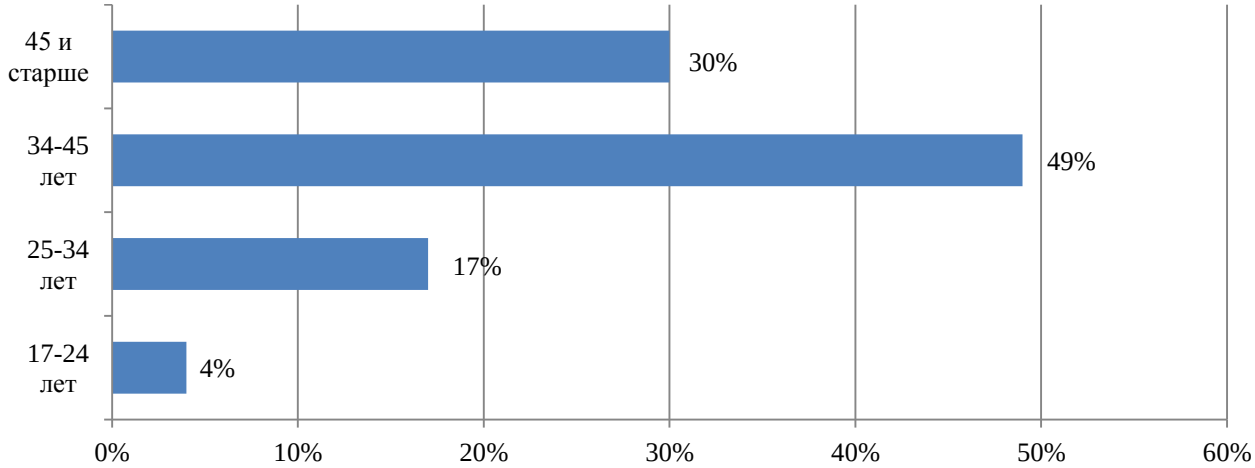

Рисунок 2 - Распределение респондентов по возрастному признаку, %

Респонденты в возрасте от 17 до 24 лет составляют наименьшую часть всего - 4%, респонденты в возрасте 25-34 лет определяют 17%, наибольшую группу потребителей ЛП для лечения ВБНК составляют клиенты от 35-45 лет - 49%, люди старше 45 лет 30%.

На следующем этапе проведено исследование по семейному положению интервьюируемых людей (рис. 3).

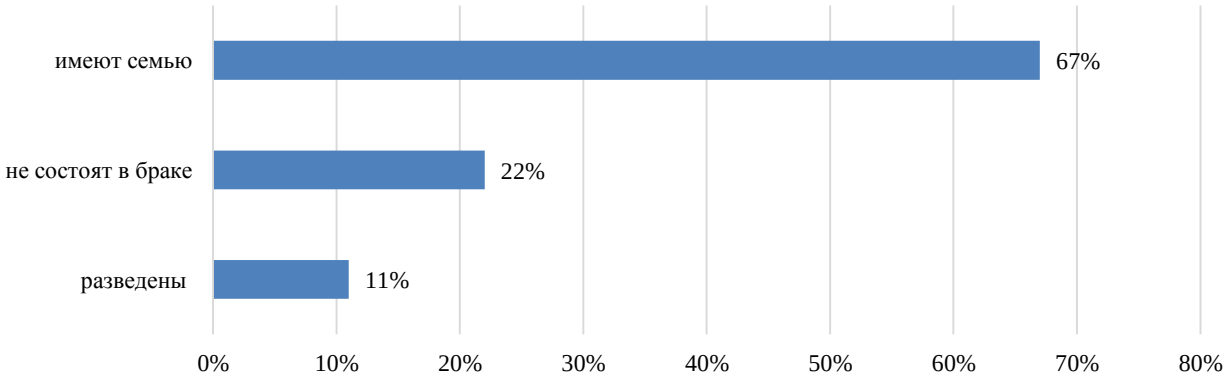

Рисунок 3 - Сегментирование по семейному положению, %

Ответы респондентов выявили, что семейными являются 67%, не состоят в браке 22%, разведены 11%.

Анализ уровня образования показал следующие результаты (рис. 4).

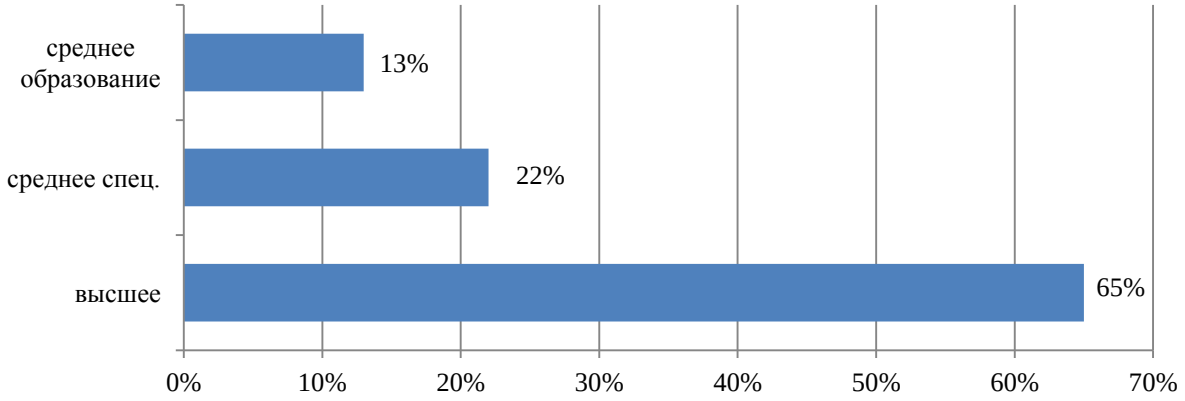

Рисунок 4 - Сегментирование по уровню образования, %

Установлено, что высшее образование имеют 65% , среднее специальное - 22%, среднее - 13%. На следующем этапе проведено исследование, учитывающее социальное положение посетителей аптечной организации.

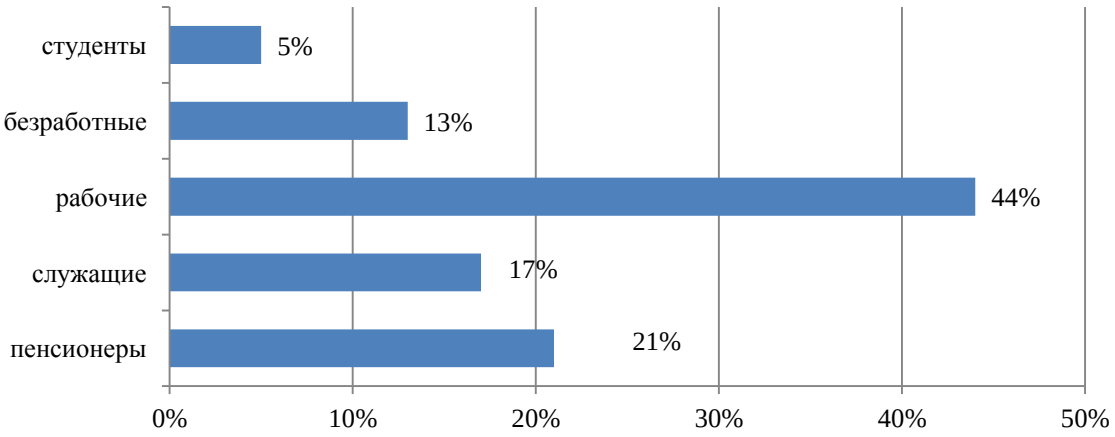

Рисунок 5 - Сегментация по принадлежности к той или иной социальной группе, %

Определено: служащие составляют 17%, рабочие специальности - 44%, не имеющие работы 13%, студенты 5%, пенсионеры 21%.

Исследование по уровню доходов определил следующие показатели (рис. 6).

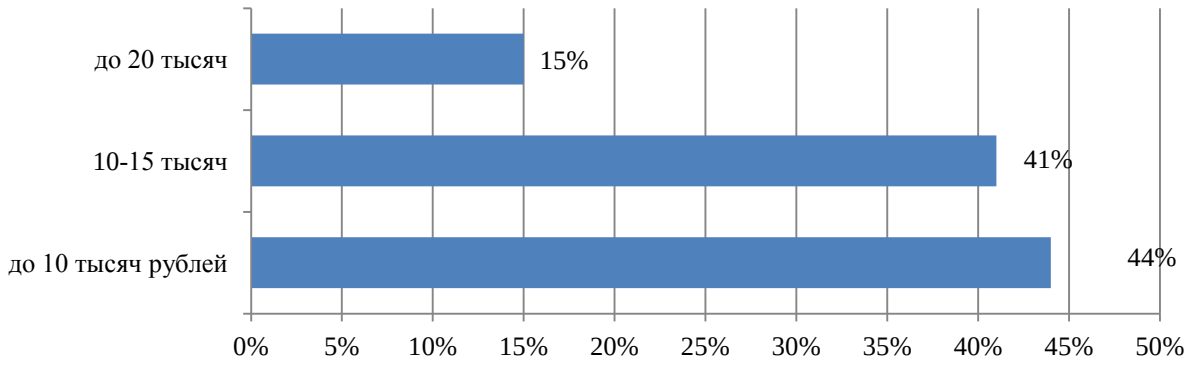

Рисунок 6 - Сегментация среднемесячного дохода на одного члена семьи, %

При анализе ответов респондентов на вопрос об их платежеспособности установлено, что доход на одного члена семьи до 10 тысяч рублей 44%, от 10 до 15 тысяч 41%, до 20 тысяч - 15%.

Следующее исследование позволило сегментировать клиентов по уровню готовности тратить денежные средства на медицину (рис. 7).

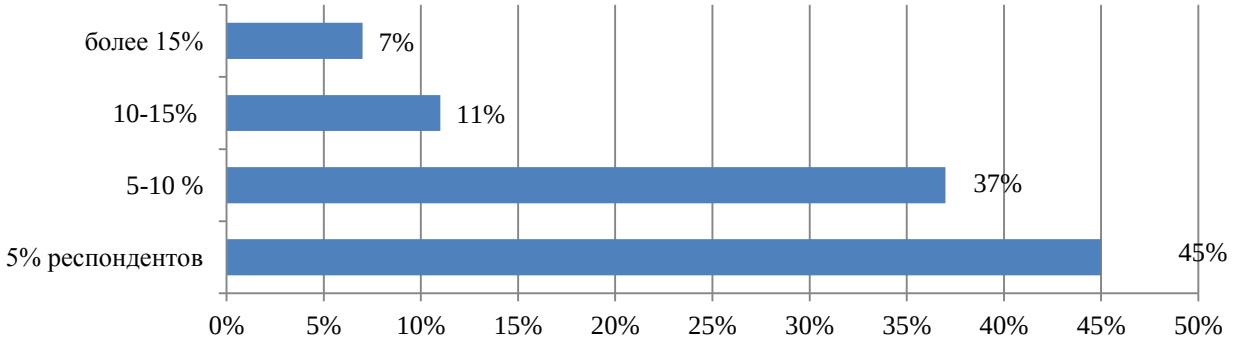

Рисунок 7 - Сегментирование среднемесячного уровня трат на медицину, %

Определено, что до 5% от дохода могут тратить 45% респондентов, от 5 до 10% - 37% опрошенных, от 10 до 15% - 11%, более 15 - 7%, участвующих в исследовании.

Анализ оценки своего здоровья посетителями, участвующими в исследовании показал следующие результаты (рис. 8).

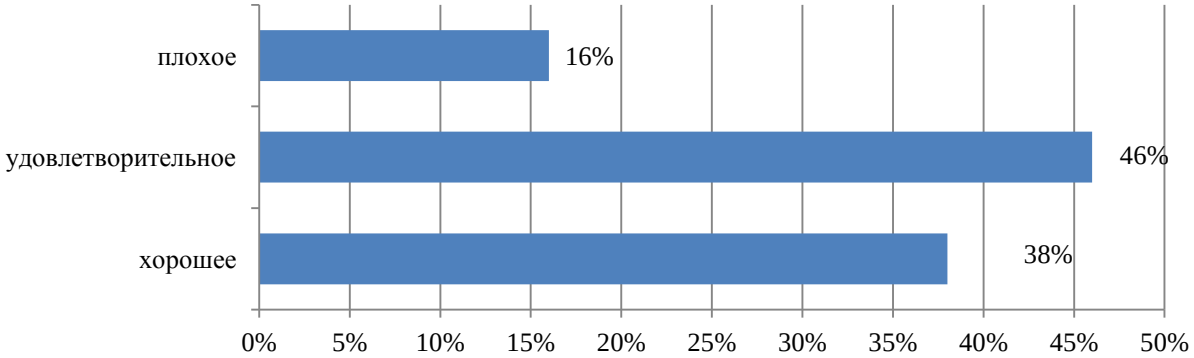

Рисунок 8 - Сегментация самооценки здоровья %

Исследование выявило, что только 38% опрошенных оценивают свое здоровье хорошим, 16% считают состояние своего здоровья плохим, а самую многочисленную группу 46% составляют респонденты, оценивающие свое здоровье, как удовлетворительное.

Следующее исследование показало наличие хронических заболеваний у них, по мнению самих анкетируемых (рис. 9).

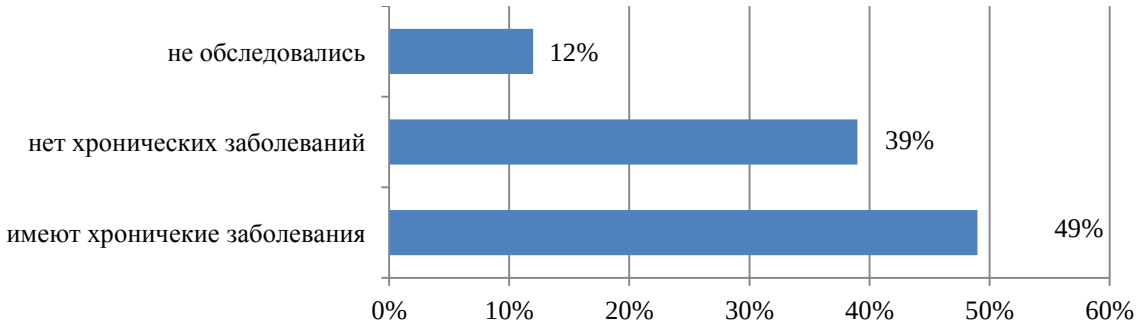

Рисунок 9 - Сегментация по наличию хронических заболеваний, %

Опрос показал, что хронические заболевания имеются у 49% опрошенных, отсутствуют у 39%, не обследовались 12%.

На следующем этапе проведено исследование по наличию признаков варикозной болезни нижних конечностей у интервьюируемых (рис. 10).

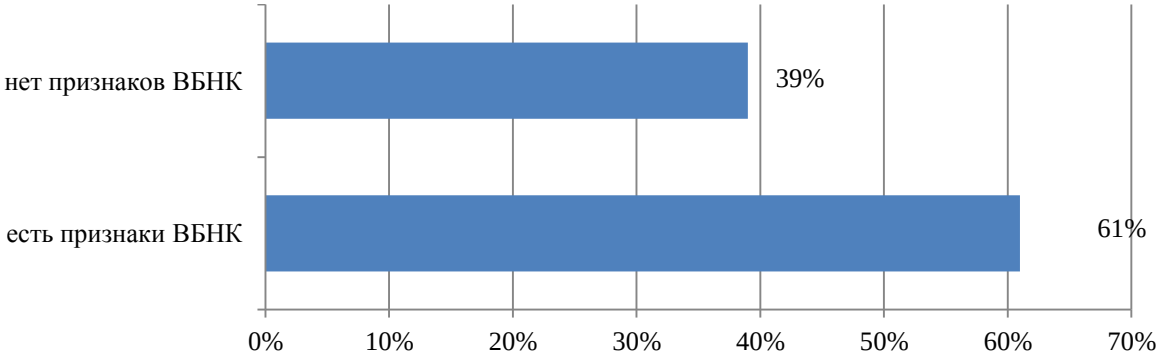

Рисунок 10 - Сегментация по наличию признаков ВБНК,%

При исследовании выяснено, что признаки варикозной болезни нижних конечностей имеются у 61%, отсутствуют - 39%. Таким образом можно сделать вывод, что более половины опрошенных могут страдать ВБНК.

По частоте обращения к медицинским работникам получены следующие результаты среди участвующих в исследовании (рис. 11).

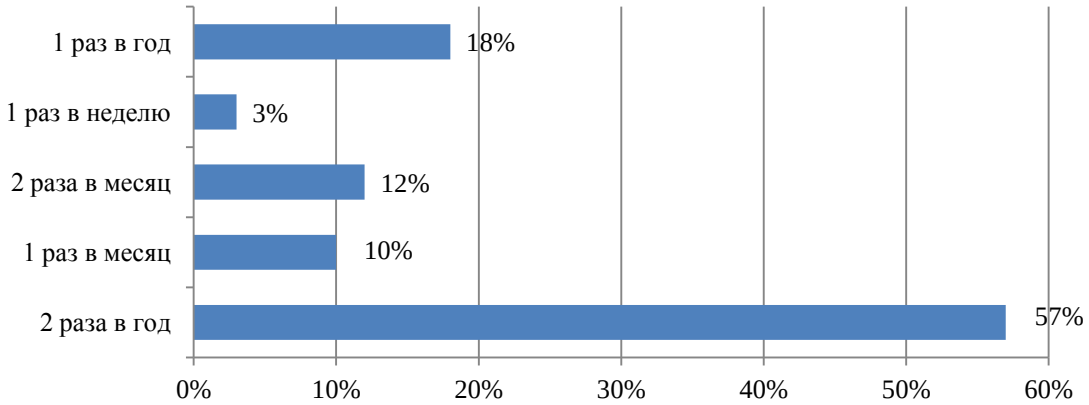

Рисунок 11 - Сегментация по частоте обращения за медицинской помощью, %

Установлено что 57% участвующих в анкетировании посещают поликлинику не чаще 2 раз в год, один раз в месяц обращаются за медицинской помощью 10% респондентов, два раза в месяц 12% и один раз в неделю 3%, 18% не чаще 1 раза в год.

Следующее исследование выявило наличие вредных привычек у респондентов (рис. 12).

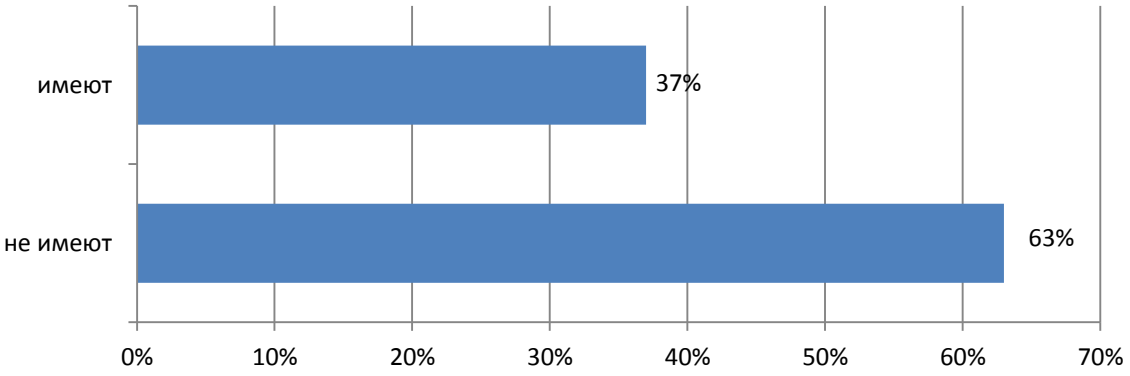

Рисунок 12 - Сегментация по наличию вредных привычек, %

На следующем этапе исследования установлено, что вредные привычки имеют 37%, ведут здоровый образ жизни 63%.

Следующий этап исследований установил способы борьбы с вредными привычками (рис. 13).

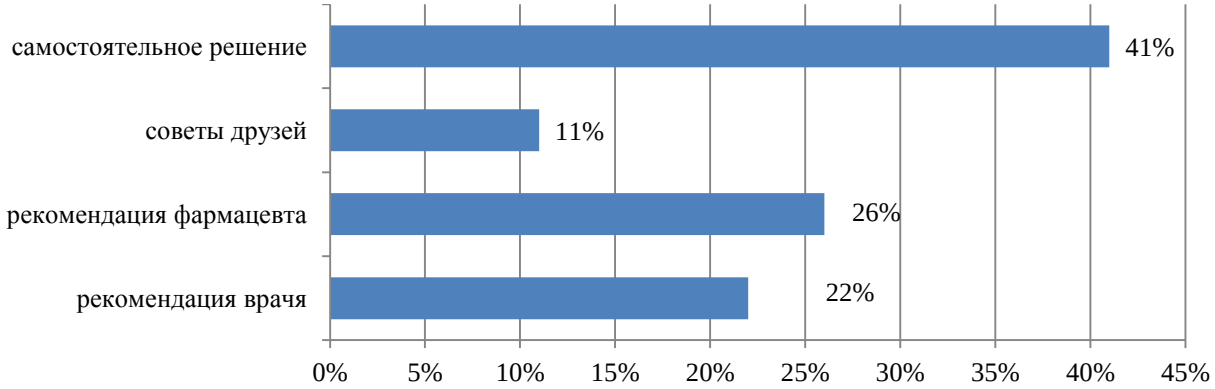

Рисунок 13 - Сегментация методов борьбы с вредными привычками, %

При анализе борьбы с вредными привычками выяснено, что борются сами 41%, прибегают к помощи врача 22%, пользуются рекомендациями фармацевтов 26%, слушают советы родственников и друзей 11%.

Анализ частоты посещения аптеки выявил следующие результаты (рис. 14).

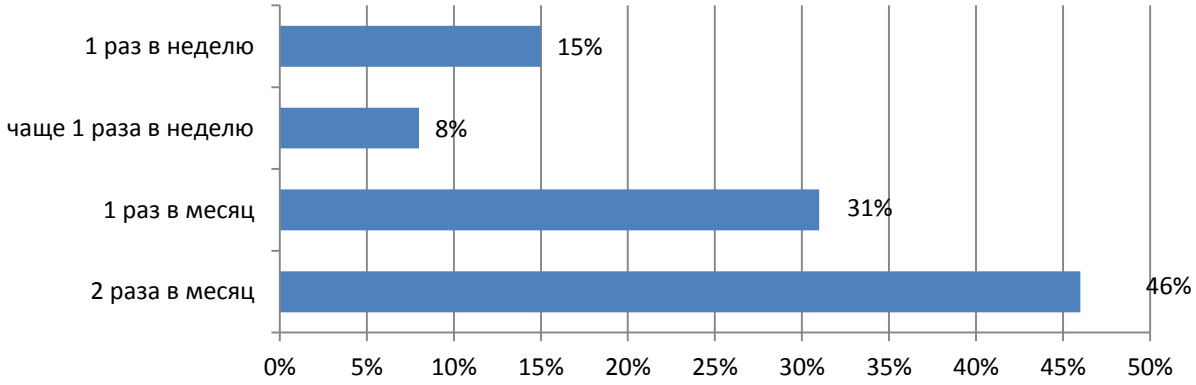

Рисунок 14 - Сегментация по частоте посещения аптеки, %

На вопрос о частоте посещения аптек респонденты ответили следующим образом: посещают 2 раза в месяц 46%, 1 раз в месяц 31%, 1 раз в неделю 15%, чаще, чем 1 раз в неделю 8%.

Выбор респондентами данной аптечной организации обусловлен следующими причинами (рис. 15).

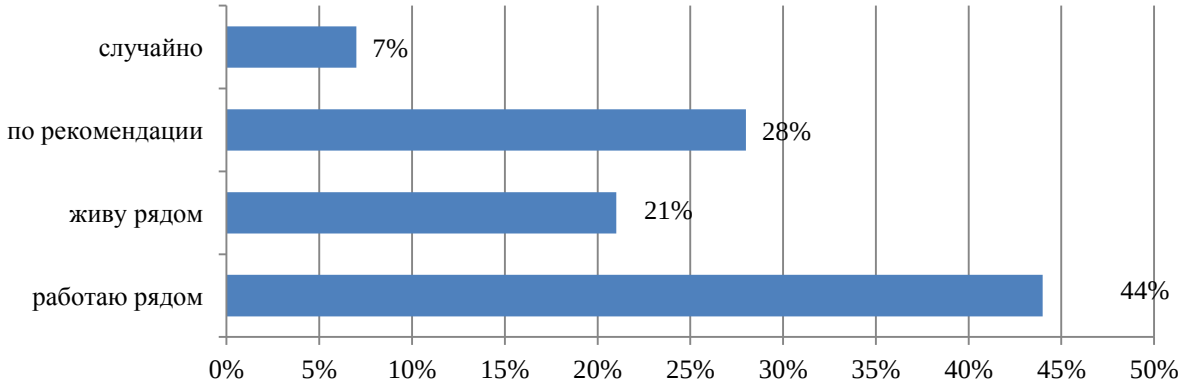

Рисунок 15 - Сегментация причин посещения аптеки «Фарма 2+», %

Данную аптечную сеть выбирают потому, что работают рядом 44%, живут рядом 21%, по рекомендации знакомых 28%, случайно зашел 7%.

На следующем этапе выявлены причины посещения аптечной организации (рис. 16).

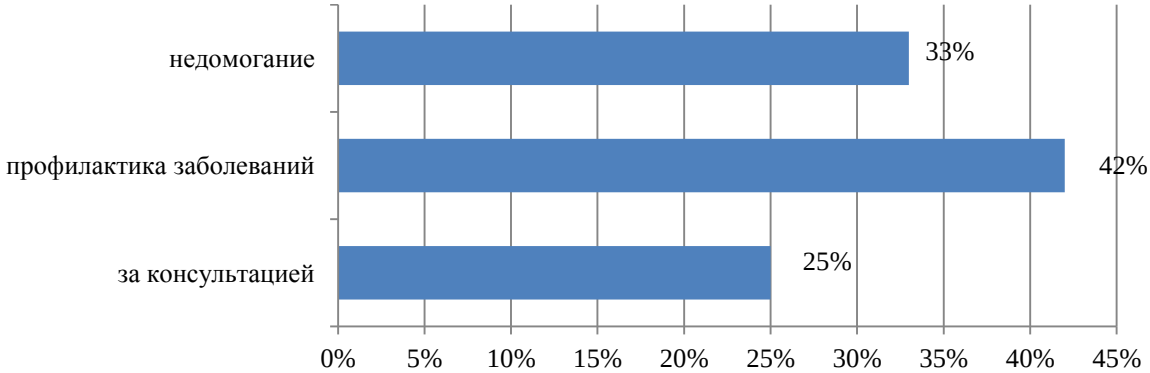

Рисунок 16 - Сегментация целей посещения аптеки «Фарма 2+», %

Целью посещения аптечной сети «Фарма 2+» является: недомогание 33%, профилактика заболеваний 42%, приходят к фармацевту за консультацией по применению лекарственных препаратовв том числе для профилактики и лечения ВБНК 25%.

На основе максимальных значений исследований, построена лепестковая диаграмма (рис. 17).

Рисунок 17 - Сегментирование основных признаков социального портрета потребителя ЛП для профилактики и лечения ВБНК, %

Заключение. В ходе социологического исследования был составлен медико-

социальный портрет потребителя препаратов для профилактики и лечения ВБНК. Проведя анализ построенной лепестковой диаграммы, можно сделать выводы, что женщины страдают от ВБНК в 87% случаев. Наиболее уязвимым возрастом является 35-45 лет. Большинство 65% респондентов имеют высшее образование, состоят в браке 67%. Люди рабочих специальностей составляют 44%, 44% имеют среднедушевой доход до 10 тысяч рублей и 45% готовы тратить на поддержание здоровья не более 5% от дохода. Удовлетворительным свое здоровье считают 46%, хронические заболевания 49%, признаки ВБНК 61%, обращаются за медицинской помощью не чаще 2 раз в год 57% опрошенных, вредные привычки наблюдаются у 63%, самостоятельно борются с вредными привычками 41%, посещают аптеку 2 раза в год 46% по причине расположения рядом с местом работы в 44% случаев, с целью профилактики заболеваний 42%.

Более детальное изучение потребителя в сегменте «профилактика и лечение ВБНК» позволит фармацевтической организации более точно определять ассортиментную и ценовую политику, улучшить обслуживание клиентов, привлечь дополнительных покупателей, что в свою очередь положительно отразится на прибыльности и имидже аптечной организации.

Список литературы

1. Богданов А.Е. Практическое значение инструментальных методов диагностики хронической венозной недостаточности нижних конечностей // Грудн. и сердечно - сосуд. хир. 1993. №2. С. 23–28.

2. Акименко А.Б., Бобровников А.Э., Максимов М.Л. Лечение ХВН и трофических язв. Возможности применения Актовегина в амбулаторной практике //Русский медицинский журнал, №30 от 24.12.2014 стр. 2140-2144.

3. Карасёв М.М, Белоусова О.В., Белоусов Е.А. Определение медико - социального статуса потребителей средств для похудения в аптечных организациях // Медицинское образование сегодня. КировскийГМУ. Июнь 2(6) 2019. г. Киров. С.15-26.

4. Пономарева А.В., Виноградова Ю.Г., Попов А.В. Структура ассортимента средств для лечения варикозного расширения вен. Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2 (часть 2).

5. Задорожная Л.И., Чеснокова Н.Н. Ассортимент лекарственных препаратов для лечения и профилактики варикозной болезни нижних конечностей. Ремедиум. №3(143) апрель 2016, с.37-39.

Сведения об авторах

Белоусова Ольга Викторовна - кандидат фармацевтических наук, преподаватель медицинского колледжа ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»; e-mail: belousovaov31@mail.ru.

Карасёв Михаил Михайлович – кандидат фармацевтических наук доцент кафедры фармакологии, клинической фармакологии и фармации Орловского государственного университета имени И.С.Тургенева; e-mail: mikhailkarasev@yandex.ru.

Белоусов Евгений Александрович – кандидат фармацевтических наук *e-mail: belousovea@mail.ru.*

UDK 316.61

MARKETING STUDY OF SOCIAL PORTRAIT OF THE CONSUMER OF MEDICINES FOR PREVENTION AND TREATMENT OF VARICOSIS OF THE LOWER LIMBS

Belusova O.V.[1], Karasev M.M.[2], Belousov E.A.

[1] Belgorod State National Research University, Belgorod
[2] Orel State University named after I.S. Turgenev, Orel

Varicose veins of the lower extremities (VLDV) is now widespread and tends to increase the number of people suffering from this pathology. The article presents the results of a marketing study of buyers of medicinal products (MP) for the prevention and treatment of VBLK in the local pharmaceutical market. Studies have been carried out on gender, age, family, educational level, belonging to a particular social group, income per family member, the level of average monthly spending on medicine, assessing one's own health, the presence of chronic diseases, the presence of VBLK signs, seeking medical advice. employees, the presence of bad habits and the fight against them, the frequency of contacting the pharmacy organization, the reasons and purposes of visiting the pharmacy. A radar diagram was constructed based on the results of the study. Conclusions are made..

Key words: heavy leg syndrome, deep veins thrombosis, consumer status, sociological research.

References

1. Bogdanov A.E. Prakticheskoe znachenie instrumental'nyh metodov diagnostiki hronicheskoj venoznoj nedostatochnosti nizhnih konechnostej // Grudn. i serdechno - sosud. hir. 1993. №2. S. 23–28.

2. Akimenko A.B., Bobrovnikov A.E., Maksimov M.L. Lechenie HVN i troficheskih yazv. Vozmozhnosti primeneniya Aktovegina v ambulatornoj praktike //Russkij medicinskij zhurnal, №30 ot 24.12.2014 str. 2140-2144.

3. Karasyov M.M, Belousova O.V., Belousov E.A. Opredelenie mediko - social'nogo statusa potrebitelej sredstv dlya pohudeniya v aptechnyh organizaciyah // Medicinskoe obra-zovanie segodnya. KirovskijGMU. Iyun' 2(6) 2019. g. Kirov. S.15-26.

4. Ponomareva A.V., Vinogradova YU.G., Popov A.V. Struktura assortimenta sredstv dlya lecheniya varikoznogo rasshireniya ven. Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2015. № 2 (chast' 2).

5. Zadorozhnaya L.I., CHesnokova N.N. Assortiment lekarstvennyh preparatov dlya lecheniya i profilaktiki varikoznoj bolezni nizhnih konechnostej. Remedium. №3(143) aprel' 2016, s.37-39.

Author`s information

Belousova Olga Viktorovna – PhD in Pharmaceutical Sciences, lecturer of the medical college, Belgorod State National Research University; e-mail: belousovaov31@mail.ru.

Karasev Mikhail Mikhailovich - PhD in Pharmaceutical Sciences, Senior Lecturer of the Department of Pharmacology, Clinical Pharmacology and Pharmacy of the Orlovsky State University named after I.S. Turgenev; e-mail: mikhailkarasev@yandex.ru/

Belousov Evgeny Alexandrovich – PhD in Pharmaceutical Sciences, e-mail: belousovea@mail.ru.

УДК 332.1

ИНДИКАТИВНЫЙ АНАЛИЗ БЮДЖЕТНО-НАЛОГОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Демченко И.Е.

Вологодский научный центр Российской академии наук, г. Вологда

Бюджетно-налоговая безопасность региона выступает в качестве гаранта обеспечения бесперебойного функционирования всех составных частей экономической системы. Цель данной статьи заключается в проведении первичного анализа состояния бюджетно-налоговой безопасности Вологодской области для выявления имеющихся проблем функционирования и определения дальнейших направлений совершенствования бюджетно-налоговой системы. Информационной базой послужили труды российских ученых, а также статистические данные Росстата. Анализ опирался на общенаучные (дедукция, сравнение, анализ, синтез) и экономико-статистические методы (элементарные методы обработки расчётных данных, индикативный метод, ранжирование). В ходе систематизации научных знаний о методике анализа бюджетно-налоговой безопасности были выявлены основные индикаторы, посредством которых происходила дальнейшая оценка ее состояния на примере конкретного региона. К числу таких индикаторов, были отнесены профицит (дефицит) консолидированного регионального бюджета на душу населения, удельный вес налоговых поступлений в бюджет в общей сумме доходов бюджета, доля задолженности по платежам в бюджет в общей сумме налоговых поступлений. По результатам исследования были выявлены проблемы, решение которых позволит повысить бюджетную устойчивость и самостоятельность региона. Среди них рост задолженности по уплате налогов, проблема поиска оптимального уровня налоговой нагрузки и зависимость от федеральных трансфертов. Материалы исследования могут быть использованы региональными органами власти, а также представлять практический интерес для исследователей, занимающихся данной проблематикой.

Ключевые слова: финансовая безопасность, бюджетно-налоговая безопасность, Вологодская область, индикаторы, бюджетно-налоговая политика, налоговая нагрузка.

Введение. Сохранение экономической свободы принятия хозяйственных решений, установление устойчивого состояния экономики, способного противостоять воздействию внешних и внутренних угроз, повышение её конкурентоспособности за счёт развития научно-технического, оборонно-промышленного и производственного потенциалов территории и обусловленное данными процессами повышение благосостояния населения, на ней проживающего, входят в систему экономических интересов Российской Федерации, которые отражены в Стратегии экономической безопасности на период до 2030 года [17]. Как и национальная, экономическая безопасность достигается безопасностью всех входящих в неё элементов: финансовая, продовольственная, социальная, ресурсная, научно-техническая, информационная и политическая безопасности. Однако, как элемент, отвечающий за достаточность и сбалансированность всех финансовых потоков, без которого невозможно функционирование ни одного из других экономических звеньев, финансовая безопасность является одним из важнейших среди них.

В свою очередь, финансовая безопасность также включает в себя несколько компонентов, а именно бюджетно-налоговую, кредитно-банковскую, денежно-инфляционную, инвестиционную и корпоративно-финансовую сферы деятельности [1]. В качестве стержневого звена, от которого зависит стабильность, устойчивость и эффективность деятельности страны, региона является бюджетно-налоговая безопасность, в рамках которой решаются наиболее актуальные задачи функционирования государства [2]. Более того, по мнению некоторых исследователей [3], она выступает в качестве гаранта обеспечения бесперебойного функционирования всех составных частей экономической системы, обеспечивая её необходимыми финансовыми средствами.

Для преодоления продолжающих воздействие на российскую экономику внешних экономических интересов, необходимым считается установление максимально устойчивого внутреннего состояния отечественной экономики. В связи с этим, актуальность приобретает постоянный мониторинг и прогнозирование возможных вариантов развития прежде всего бюджетно-налоговой сферы, ответственной за формирование и расходование денежных

средств территории.

Методический инструментарий исследования.

В четко обозначенную в работе Е. В. Кудряшовой иерархию – «национальная безопасность» – «экономическая безопасность» – «финансовая безопасность» [4] можно добавить «бюджетно-налоговую безопасность», представляющую собой один из составных компонентов финансовой безопасности. В научной литературе термин «безопасность» трактуется как защищенность той или иной системы от внутренних и внешних колебаний, деструктивных воздействий, угроз [5; 6].

Конкретно под финансовой безопасностью с позиции системной связи внутренних её составляющих можно понимать состояние бюджетной, денежно-кредитной, банковской, валютной систем страны или любой другой территории, страхового и фондового рынков, которое устойчиво ко внешним и внутренним угрозам [18]. С точки зрения комплексного подхода, финансовая безопасность включает в себя комплекс мер, методов и средств по защите финансово-экономических интересов государства на макроуровне, корпоративных структур, а также финансовой деятельности хозяйствующих субъектов на микроуровне [19].

Бюджетно-налоговая безопасность в понимании А. В. Минакова определяется как связующее звено всех элементов финансовой системы, обеспечивающее бесперебойное их функционирование с предотвращением или минимизацией последствий внешних и внутренних угроз [7]. В работах других авторов она отождествляется с обеспеченностью территории финансовыми средствами, ресурсами, достаточными для выполнения внутренних и внешних функций и задач [1]. Таким образом, финансовая и бюджетно-налоговая безопасность являются неразделимыми друг от друга понятиями, так как одна из них является частью другой.

В мировом научном сообществе большое внимание уделяется разработке методики оценки различных угроз, влиянию которых подвержена бюджетно-налоговая и в целом финансовая система экономики. Однако, сложность решения этой проблемы заключается в том, что на современном этапе не существует общепризнанного комплекса факторов, на основе которых можно было бы чётко определить стоящие перед системой препятствия и ограничения. Связано это, прежде всего, с их большим разнообразием, многоаспектностью факторов и изменчивостью происходящих в экономике процессов.

Крупным вкладом отечественной науки в эту проблематику стала идея использовать для изучения российской экономики метод предельно критических показателей. При этом под предельно критическими понимались те значения показателей, выход за границы которых сигнализировал о возникновении угрозы устойчивому функционированию экономической системы государства или же региона. В. А. Ильин ставит акцент на наличии показателей, чьи пороговые (критические) значения могут указывать на способность системы, с одной стороны, к простому воспроизводству, с другой стороны, к развитию [8]. Выход за границы пороговых значений первой группы показателей свидетельствует об утрате системы способности самосохранения, что говорит о возникновении угрозы либо её разрушения, либо перехода в качественно новое состояние. Выход за границы второй группы транслирует потерю системы своих конкурентных преимуществ, что вызывает угрозу утраты её независимости вследствие её подчинения или поглощения иной социально-экономической системой. Такие показатели, сравнение с пороговыми значениями которых свидетельствует о безопасном или опасном состоянии его экономической и финансовой системы, выступают в роли индикаторов безопасности [9].

Важным является осуществление постоянного мониторинга финансовой безопасности бюджетно-налоговой сферы в каждом отдельном субъекте РФ. Причиной пристальному вниманию к административно-территориальным образованиям послужил высокий уровень дифференциации регионов, что обусловливает необходимость контроля перечней показателей, пороговые значения которых могут нуждаться в актуализации в связи с постоянно изменяющейся внешней средой.

Тем не менее, подбор индикаторов должен основываться на следующих общепризнанных для всех территорий правил:

- индикатор должен соответствовать сущностным чертам финансовой и бюджетно-налоговой политики и ключевым направлениям развития территории, а также существующим угрозам безопасности;

- индикатор должен обладать высокой чувствительностью и изменчивостью для своевременного предупреждения о появлении угрозы;

- индикатор должен давать полную и всестороннюю характеристику безопасности, отвечать требованиям системности;

- количественная измеримость;

- соответствие системе национальной статистики для последующей возможности сопоставления с другими регионами [9].

Как было отмечено ранее, наиболее распространенной методикой является метод предельно критических показателей. Выбор пороговых (критических) значений осуществляется в соответствии с общероссийскими нормативами, значениями индикаторов для экономически развитых стран, чей пример является показательным, объективными экспертными заключениями. Такие пороговые значения играют роль критических точек таким образом, чтобы их не достижение или превышение повлекло за собой нарушение стабильного, устойчивого и безопасного функционирования финансовых отношений в области бюджетно-налоговой политики [9].

Отметим, что перечень индикаторов, пороговых значений и их количественные параметры могут сильно варьироваться относительно субъектов РФ вследствие высокого уровня дифференциации регионов. В связи с этим вопрос разработки методики подбора индикаторов на региональном уровне не теряет своей актуальности.

Тем не менее, на данный момент существуют индикаторы безопасности бюджетно-налоговой сферы, отслеживание которых является распространенным способом предупреждения угроз. Среди них:

- доходы регионального бюджета;

- расходы регионального бюджета;

- профицит (дефицит) консолидированного регионального бюджета – показывает, насколько расходы консолидированного бюджета региона превышают его доходы, или наоборот. Безусловно, дефицитный бюджет вполне приемлем, но его размер не должен превышать пороговое значение (3% от ВРП) [9];

- уровень бюджетных доходов на душу населения;

- бюджетный профицит (дефицит) на душу населения;

- налоговые поступления в бюджет;

- удельный вес налоговых поступлений в бюджет в общей сумме доходов бюджета;

- задолженность хозяйствующих субъектов по платежам в бюджет и внебюджетные фонды – выступает одним из существенных дестабилизирующих факторов. Наличие данного показателя должно быть одним из главных сигналов о стремительном ухудшении финансовой безопасности региона. Пороговое значение в данном случае не установлено, так как при благоприятных условиях такой индикатор должен быть равен нулю;

- доля задолженности по платежам в бюджет в общей сумме налоговых поступлений [1].

Результаты исследования.

В результате оценки бюджетно-налоговой составляющей финансовой безопасности Вологодской области была рассмотрена динамика показателей, принятых нами в качестве индикаторов безопасности в соответствии с методологической частью (табл. 1).

Полученные статистические данные свидетельствуют об одновременном росте как доходной, так и расходной части бюджета за рассматриваемый период. При этом последняя несколько опережает по темпам роста первую, что в конечном итоге приводит к образованию на конец 2020 года дефицита консолидированного бюджета Вологодской области в размере 0,31 млрд. руб. Отчасти к формированию дефицита привели принятые меры по противодействию распространению новой коронавирусной инфекции, однако, высокие темпы рос-

та расходов обусловливают необходимость поддержания и роста доходов для сохранения экономического потенциала региона и обеспечения сбалансированности бюджета.

Таблица 1 - Динамика основных индикаторов бюджетно-налоговой безопасности Вологодской области за 2014-2020 гг.

Показатель	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Доходы регионального бюджета, млрд. руб.	65,87	69,37	78,65	84,37	104,32	121,68	132,36
Расходы регионального бюджета, млрд. руб.	70,54	71,27	74,15	77,45	89,33	111,87	132,67
Профицит (дефицит) регионального бюджета, млрд. руб.	-4,67	-1,90	4,50	6,92	14,99	9,81	-0,31
Уровень бюджетных доходов на душу населения, тыс. руб.	55,25	58,33	66,33	71,49	89,00	104,53	114,52
Бюджетный профицит (дефицит) на душу населения, тыс. руб.	-3,92	-1,60	3,80	5,86	12,79	8,43	-0,27
Налоговые поступления в бюджет, млрд. руб.	42,60	43,45	51,92	58,68	73,39	77,90	73,61
Удельный вес налоговых поступлений в бюджет в общей сумме доходов бюджета, %	64,68	62,64	66,02	69,55	70,35	64,03	55,62
Задолженность хозяйствующих субъектов по платежам в бюджет и внебюджетные фонды, млрд. руб.	3,38	3,87	5,04	4,18	5,05	8,63	8,29
Доля задолженности по платежам в бюджет в общей сумме налоговых поступлений, %	7,94	8,90	9,71	7,12	6,88	11,08	11,26
Источник: составлено автором по данным Федерального Казначейства.							

Стоит отметить, что многим регионам в период сложной эпидемиологической ситуации удалось сохранить позитивную динамику общей суммы доходов лишь благодаря федеральным трансфертам, которые по данным Правительства Вологодской области за 2020 год были получены в беспрецедентном размере 36,3 млрд. руб., что в 1,7 раз больше уровня 2019 года [20].

Ситуация в этот период осложняется и снижением налоговых доходов региона на 5,5% и соответственно снижением удельного веса налоговых поступлений в бюджет в общей сумме доходов на 8,4 п. п. Нельзя не согласиться с тем фактом, что уровень налоговой нагрузки является определяющим фактором на пути претворения в жизнь большинства направлений социально-экономического характера. Поэтому, с одной стороны, налоговый механизм обеспечивает возможность совершенствования инфраструктуры региона, стимулирования роста доходов и уровня жизни населения за счёт пополнения бюджета, а, с другой стороны, определяет тот оптимальный объем налоговой нагрузки, который уравновесит интересы всех трех субъектов налогового регулирования: государства, хозяйствующих субъектов и граждан [10].

Особое внимание при анализе эффективности бюджетно-налоговой политики должно уделяться индикатору, отражающему объём неуплаченных налогов, следствием которого может быть снижение платёжеспособности, сокращение возможностей обеспечения расходов, возникновение дефицита. Все эти факторы несут в себе не потенциальную, а реальную угрозу финансовой безопасности. Доля задолженности по платежам в общей сумме налоговых поступлений Вологодской области продолжает расти, тем не менее, в 2020 году это объясняется прежде всего снижением налоговых доходов, так как задолженность хозяйствующих субъектов по платежам, наоборот, снизилась относительно уровня 2019 года на 4%.

Необходимость борьбы с пандемией и восстановления экономической активности населения и бизнеса имела своим следствием рост объемов финансирования. По сравнению с показателями 2019 года расходы консолидированного бюджета субъекта РФ увеличились на

18,6%. На протяжении всего года расходы, связанные с мероприятиями по предотвращению распространения коронавируса, вопросами обеспечения занятости трудоспособного населения, являлись первостепенными. Помимо них, значительные объемы средств были направлены на развитие социальной и дорожной инфраструктуры, а также на поддержку сельскохозяйственных товаропроизводителей.

В сравнении с другими регионами Северо-Западного федерального округа Вологодская область на конец 2020 года находится: на 3 месте по значению бюджетного профицита (дефицита) на душу населения; на 5 месте по удельному весу налоговых поступлений в бюджет в общей сумме доходов региона; на 6 месте по доле задолженности по платежам в бюджет в общей сумме налоговых поступлений (табл. 2).

Таблица 2 - Ранжирование субъектов СЗФО по основным индикаторам бюджетно-налоговой безопасности в 2020 году

Субъект СЗФО	Бюджетный профицит (дефицит) на душу населения, тыс. руб.	Ранг субъекта	Удельный вес налоговых поступлений в бюджет в общей сумме доходов бюджета, %	Ранг субъекта	Доля задолженности по платежам в бюджет в общей сумме налоговых поступлений, %	Ранг субъекта
Республика Карелия	-11,27	8	38,90	9	15,94	3
Республика Коми	-14,63	9	58,94	4	11,15	7
Архангельская область	-14,64	10	48,09	7	7,76	10
Вологодская область	-0,27	3	55,62	5	11,26	6
Калининградская область	0,22	2	37,53	10	29,15	1
Ленинградская область	-6,59	6	74,15	2	10,39	8
Мурманская область	2,36	1	69,00	3	9,25	9
Новгородская область	-4,95	4	49,83	6	26,06	2
Псковская область	-5,16	5	43,19	8	13,32	4
г. Санкт-Петербург	-6,90	7	75,73	1	12,54	5
Источник: составлено автором.						

Наиболее высокий бюджетный профицит на душу населения в 2020 году был в Мурманской области, являющейся лидером среди регионов СЗФО по динамике роста валового регионального продукта. Он обусловлен инвестиционным развитием региона, внешнеэкономическими факторами, а главное наращиванием налогового потенциала промышленного и рыбохозяйственного комплексов [21], о чём свидетельствует увеличение удельного веса налоговых поступлений в доходах бюджета, по значению которого Мурманская область среди регионов СЗФО заняла 3 место.

В отношении налогового потенциала лидирует г. Санкт-Петербург и соответственно Ленинградская область. Рост поступлений в бюджет данных регионов связан с тем, что основная часть налогоплательщиков – это крупные компании, многие из которых работают на внешних рынках и получают более высокие экспортные доходы в связи с подъемом мировых цен на свою продукцию. Однако, по мнению заместителя начальника отдела аналитических исследований Института комплексных стратегических исследований, темпы экономического роста и темпы роста доходов населения сейчас существенно отстают от темпа роста налоговых поступлений в бюджет [22], что свидетельствует об увеличении общей налоговой на-

грузки на экономику регионов и страны в целом. И это чрезмерное давление на бизнес, как уже известно, может стать фактором возникновения угрозы бюджетно-налоговой безопасности.

К примеру, по доле задолженности по платежам в бюджет Архангельская область занимает последнее место, что можно связать с низкой налоговой нагрузкой на предпринимателей и население области. Тем не менее, по бюджетному дефициту на душу населения область занимает последнее место. Напротив, по уровню налоговой нагрузки Мурманская область опережает Архангельскую, немного уступая ей по доли задолженности, и демонстрирует на конец 2020 года профицит бюджета. Отсюда следует, что эффективность исполнения бюджета напрямую связана с поиском оптимального уровня налоговой нагрузки, который, стоит отметить, определяется экономической и предпринимательской активностью на территории, её отраслевой спецификой и многими другими факторами, требующими отдельного внимания при формировании бюджетно-налоговой политики отдельного региона.

Сравнение показателей с пороговыми значениями выступает главным инструментом индикативного анализа. Напомним, что пороговыми считаются такие значения, отклонение от которых в долгосрочной перспективе приводит к ухудшению финансового состояния территории. В большинстве случаев пороговые значения определяются путем экспертных и расчетно-аналитических оценок, базирующихся на учете мировых показателей и тенденций, а также специфики развития экономики территории. Так, пороговые значения для индикаторов бюджетно-налоговой безопасности были взяты с учетом мировой практики их определения (табл. 3) [11].

Таблица 3 - Динамика индикаторов бюджетно-налоговой безопасности Вологодской области относительно пороговых значений за 2014-2020 гг.

Показатель	2014 год	2015 год	2016 год	2017 год	2018 год	2019 год	2020 год	Пороговое значение
Доходы регионального бюджета/ВРП, %	17,01	14,48	15,42	15,55	16,94	19,31	20,80	37%
Расходы регионального бюджета/ВРП, %	18,22	14,88	14,54	14,27	14,51	17,75	20,85	40%
Профицит (дефицит) регионального бюджета, млн. руб./ВРП, млн. руб., %	-1,21	-0,40	0,88	1,28	2,43	1,56	-0,05	3%
Налоговые поступления в бюджет/ВРП, %	11,00	9,07	10,18	10,81	11,92	12,36	11,57	34%
Источник: составлено автором по данным Федерального казначейства.								

Очевидно, что полученные значения индикаторов бюджетно-налоговой безопасности Вологодской области ниже, чем предлагаемые пороговые значения. Прежде всего, динамика индикаторов указывает на наличие резервов увеличения доли налоговых доходов субъекта РФ. Этому, в свою очередь, может поспособствовать проводимая в стране политика деофшоризации экономики и связанное с ней предотвращение утечки капитала [12], а также повышение собираемости налогов вследствие улучшения работы федеральных и региональных надзорных и контрольных органов власти [13].

Тем не менее, полученный на конец 2020 года дефицит регионального бюджета относительно валового регионального продукта не превышает 3%, что свидетельствует о сохранении бюджетной устойчивости области. По итогам оценки бюджетов субъектов РФ за 2019 год Министерством финансов Вологодская область отнесена к субъектам с высоким качеством управления региональными финансами, а по итогам 2020 года находится на 20 месте среди субъектов РФ [20].

Выводы. По результатам проведенного исследования можно отметить, что во многом обеспечение бюджетно-налоговой безопасности определяется эффективностью управления налоговыми отношениями, реализуемыми мерами по снижению налоговых правонарушений с целью увеличения основного источника бюджетных доходов региона – налоговых поступ-

лений [14]. Основные средства стимулирования данного направления совершенствования налоговой политики включают стандартизацию законов и нормативных актов, регулирующих деятельность хозяйствующих субъектов, являющихся налогоплательщиками, организацию эффективного сотрудничества правоохранительных органов и контрольных субъектов в налоговой сфере [15].

Как уже было отмечено, за рассматриваемый период задолженность по налогам в бюджет имеет тенденцию к росту. В связи с этим, можно сделать вывод, как о повышении эффективности работы правоохранительных органов в части выявления налоговых правонарушений, так и в количественном увеличении совершаемых налоговых преступлений. И в этом плане борьба с ними до сих пор остается актуальной и не только в части выявления и привлечения к ответственности, но и с точки зрения профилактики подобных явлений [15].

Наличие проблемы уклонения от уплаты налогов довольно распространенное явление и мониторинг ситуации с налоговыми правонарушениями, безусловно, является одним из эффективных инструментов налоговой политики. Однако, как было сказано ранее, поиск оптимального уровня налоговой нагрузки и установление налоговых льгот для определенных участников рыночных отношений с учетом экономической и предпринимательской активности на территории, её отраслевой специфики и многих других факторов, требующих отдельного внимания при формировании бюджетно-налоговой политики отдельного региона, также может дать значительный эффект.

Гурова В. А. в своей работе отмечает следующие причины разрушения налогового потенциала: изменение порядка определения налоговых баз, отмена налоговых льгот, изменение уровня ставок действующих налогов, высокие налоги на малое предприятие, двоякое прочтение налогового законодательства [16]. Все это обусловливает возрастание доли теневого сектора, спад хозяйственной активности и снижение инвестиционной привлекательности территории, что способствует уменьшению объема поступлений налогов и сборов, снижению роста числа налогоплательщиков и объектов налогообложения, существенное увеличение недоимки и задолженности по налогам и сборам. Рассмотренный сценарий развития бюджетно-налоговой системы в конечном итоге приводит к возрастанию количества регионов-реципиентов, увеличению зависимости территорий от федеральных трансфертов и высокой дифференциации регионов по уровню их социально-экономического развития.

Вышеизложенное позволяет резюмировать важность постоянного мониторинга основных индикаторов бюджетно-налоговой безопасности, которые позволяют своевременно реагировать на возникающие угрозы и корректировать направления развития бюджетно-налоговой политики региона.

Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № 0168-2019-0005 «Исследование факторов и методов устойчивого развития территориальных систем в изменяющихся мировых геополитических и геоэкономических условиях».

Список литературы

1. Шевелева О.Б., Слесаренко Е.В. Оценка финансовой безопасности Кемеровской области // Региональная экономика: теория и практика. 2013. № 4. С. 34-45.

2. Подкуйко М.С. Эффективность управления общественными финансами – инновационная задача обеспечения безопасности в бюджетно-налоговой сфере // Финансы и кредит. 2007. № 40 (280). С. 46-51.

3. Черникина Е.В. Обеспечение финансовой безопасности в бюджетно-налоговой сфере // Правовая безопасность личности, государства и общества: материалы XIX Международной науч. конф., 25 апреля 2019 г. / РГГУ. – Москва, 2019. С. 227-235.

4. Кудряшова Е.В. Финансовая безопасность в иерархии целей стратегического планирования в Российской Федерации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 124–138.

5. Потокина А.С., Бочарова О.Н., Ланина О.И. Сущность и механизмы обеспечения экономической безопасности региона // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 3 (037). С. 82-90.

6. Ускова Т.В. Ключевые угрозы экономической безопасности России // Проблемы развития территории. 2019. № 1 (99). С. 7-16.

7. Минаков А.В. Бюджетно-налоговая безопасность как основное условие экономической безопасности в России // Экономический анализ: теория и практика. 2004. № 7 (22). С. 49-56.

8. Ильин В.А. Национальная и региональная безопасность: взгляд из региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. № 3 (27). С. 9-20.

9. Каранина Е.В. Диагностика индикаторов финансовой безопасности региона // Инновационное развитие экономики. 2019. № 5-2 (53). С. 127-133.

10. Калашникова И.В., Малинин С.А., Резвушкин С.В. Налоговый механизм и его влияние на экономику Российской Федерации // Инновационная наука. 2015. № 10-2. С. 59-63.

11. Шахова Г.Я., Маненок П.Л. Разработка пороговых значений бюджетных индикаторов с учетом мировой практики // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2016. № 15 (297). С. 15-30.

12. Петров Ю.А. Деофшоризация экономики, противодействие «минимизации» налогов и пресечение утечки капитала // Российский экономический журнал. 2013. № 6. С. 15–35.

13. Петров Ю.А. К формированию новой экономической модели: рестрикция бюджетных расходов или повышение собираемости налогов? // Российский экономический журнал. 2013. № 4. С. 24–39.

14. Кулькова Т.А. Обеспечение финансовой безопасности государства и его регионов в условиях современной налоговой политики // Инновационное развитие экономики. 2018. № 2 (44). С. 138-142.

15. Швецов А.В., Ханафеев Ф.Ф. Финансовая безопасность и ее обеспечение в бюджетно-налоговой сфере // Инновационное развитие экономики. 2017. № 2 (38). С. 381-384.

16. Гурова В.А., Перзеке Н.Б., Швец Ю.Ю. Причины разрушения налогового потенциала страны в современных условиях // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. 2018. № 3 (44). С. 34-44.

17. Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс]. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71572608/ (дата обращения: 18.10.2021).

18. Экономическая безопасность / под ред. Г. Вечканова. – Санкт-Петербург, 2013. – 376 с.

19. Финансово-кредитный энциклопедический словарь / под общ. ред. А.Г. Грязновой. – Москва: Финансы и статистика, 2002. – 1168 с.

20. Бюджет Вологодской области. Итоги 2020 года. URL: https://df.gov35.ru/dokumenty-strategicheskogo-planirovaniya/Буклеты/Буклет%20Бюджет%20 Вологодской %20области%20Итоги%20за%202020%20год%20-%20на%20сайт.pdf (дата обращения: 20.10.2021).

21. Мурманская область лидирует на Северо-Западе по динамике роста валового регионального продукта [Электронный ресурс]. – URL: https://severpost.ru/read/124003/ (дата обращения: 25.10.2021).

22. Доходы росли под налоговым прессом [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. – 2021. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/5041788 (дата обращения: 25.10.2021).

Сведения об авторах

Демченко Ирина Евгеньевна – программист, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: irisha.demchencko@yandex.ru

UDK 332.1

INDICATIVE ANALYSIS OF BUDGET AND TAX SECURITY OF THE VOLOGDA OBLAST

Demchenko I.E.

Federal State Budgetary Institution of Science «Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (VolRC RAS)», Vologda

The fiscal security of the region acts as a guarantor of ensuring the smooth functioning of all components of the economic system. The purpose of this article is to conduct a primary analysis of the state of budget and tax security of the Vologda Oblast to identify existing problems of functioning and determine further directions for improving the budget and tax system. The information base was the works of Russian scientists, as well as statistics from Rosstat. The analysis was based on general scientific (deduction, comparison, analysis, synthesis) and economic-statistical methods (elementary methods of processing calculated data, indicative method, ranking). In the course of systematization of scientific knowledge about the methodology of analysis of fiscal security, the main indicators were identified, through which further assessment of its state took place on the example of a specific region. Such indicators included the surplus (deficit) of the consolidated regional budget per capita, the share of tax revenues to the budget in the total amount of budget revenues, the share of arrears on payments to the budget in the total amount of tax revenues. According to the results of the study, problems were identified, the solution of which will increase the budgetary stability and independence of the region. Among them are the growth of tax arrears, the problem of finding the optimal level of tax burden and dependence on federal transfers. The research materials can be used by regional authorities, as well as be of practical interest to researchers dealing with this issue.
Keywords: financial security, fiscal security, Vologda Oblast, indicators, fiscal policy, tax burden.

References

1. SHeveleva O.B., Slesarenko E.V. Ocenka finansovoj bezopasnosti Kemerovskoj oblasti // Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika. 2013. № 4. S. 34-45.

2. Podkujko M.S. Effektivnost' upravleniya obshchestvennymi finansami – innova-cionnaya zadacha obespecheniya bezopasnosti v byudzhetno-nalogovoj sfere // Finansy i kredit. 2007. № 40 (280). S. 46-51.

3. CHernikina E.V. Obespechenie finansovoj bezopasnosti v byudzhetno-nalogovoj sfere // Pravovaya bezopasnost' lichnosti, gosudarstva i obshchestva: materialy XIX Mezhdu-narodnoj nauch. konf., 25 aprelya 2019 g. / RGGU. – Moskva, 2019. S. 227-235.

4. Kudryashova E.V. Finansovaya bezopasnost' v ierarhii celej strategicheskogo planirovaniya v Rossijskoj Federacii // Pravo. ZHurnal Vysshej shkoly ekonomiki. 2019. № 2. S. 124–138.

5. Potokina A.S., Bocharova O.N., Lanina O.I. Sushchnost' i mekhanizmy obespecheniya ekonomicheskoj bezopasnosti regiona // Social'no-ekonomicheskie yavleniya i processy. 2012. № 3 (037). S. 82-90.

6. Uskova T.V. Klyuchevye ugrozy ekonomicheskoj bezopasnosti Rossii // Problemy razvitiya territorii. 2019. № 1 (99). S. 7-16.

7. Minakov A.V. Byudzhetno-nalogovaya bezopasnost' kak osnovnoe uslovie ekonomicheskoj bezopasnosti v Rossii // Ekonomicheskij analiz: teoriya i praktika. 2004. № 7 (22). S. 49-56.

8. Il'in V.A. Nacional'naya i regional'naya bezopasnost': vzglyad iz regiona // Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz. 2013. № 3 (27). S. 9-20.

9. Karanina E.V. Diagnostika indikatorov finansovoj bezopasnosti regiona // In-novacionnoe razvitie ekonomiki. 2019. № 5-2 (53). S. 127-133.

10. Kalashnikova I.V., Malinin S.A., Rezvushkin S.V. Nalogovyj mekhanizm i ego vliyanie na ekonomiku Rossijskoj Federacii // Innovacionnaya nauka. 2015. № 10-2. S. 59-63.

11. SHahova G.YA., Manenok P.L. Razrabotka porogovyh znachenij byudzhetnyh indikatorov s uchetom mirovoj praktiki // Finansovaya analitika: problemy i resheniya. 2016. № 15 (297). S. 15-30.

12. Petrov YU.A. Deofshorizaciya ekonomiki, protivodejstvie «minimizacii» nalo-gov i presechenie utechki kapitala // Rossijskij ekonomicheskij zhurnal. 2013. № 6. C. 15–35.

13. Petrov YU.A. K formirovaniyu novoj ekonomicheskoj modeli: restrikciya byud-zhetnyh raskhodov ili povyshenie sobiraemosti nalogov? // Rossijskij ekonomicheskij zhur-nal. 2013. № 4. C. 24–39.

14. Kul'kova T.A. Obespechenie finansovoj bezopasnosti gosudarstva i ego regionov v usloviyah sovremennoj nalogovoj politiki // Innovacionnoe razvitie ekonomiki. 2018. № 2 (44). S. 138-142.

15. SHvecov A.V., Hanafeev F.F. Finansovaya bezopasnost' i ee obespechenie v byud-zhetno-nalogovoj sfere // Innovacionnoe razvitie ekonomiki. 2017. № 2 (38). S. 381-384.

16. Gurova V.A., Perzeke N.B., SHvec YU.YU. Prichiny razrusheniya nalogovogo poten-ciala strany v sovremennyh usloviyah // Nauchnyj vestnik: finansy, banki, investicii. 2018. № 3 (44). S. 34-44.

17. Strategiya ekonomicheskoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda [Elektronnyj resurs]. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71572608/ (data obrashcheniya: 18.10.2021).

18. Ekonomicheskaya bezopasnost' / pod red. G. Vechkanova. – Sankt-Peterburg, 2013. – 376 s.

19. Finansovo-kreditnyj enciklopedicheskij slovar' / pod obshch. red. A.G. Gryaznovoj. – Moskva: Finansy i statistika, 2002. – 1168 s.

20. Byudzhet Vologodskoj oblasti. Itogi 2020 goda. URL: https://df.gov35.ru/dokumenty-strategicheskogo-planirovaniya/Buklety/Buklet%20Byudzhet%20 Vologodskoj %20oblasti%20Itogi%20za%202020%20god%20-%20na%20sajt.pdf (data ob-rashcheniya: 20.10.2021).

21. Murmanskaya oblast' lidiruet na Severo-Zapade po dinamike rosta valovogo re-gional'nogo produkta [Elektronnyj resurs]. – URL: https://severpost.ru/read/124003/ (data obrashcheniya: 25.10.2021).

22. Dohody rosli pod nalogovym pressom [Elektronnyj resurs] // Kommersant". – 2021. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/5041788 (data obrashcheniya: 25.10.2021).

Author`s information

Demchenko Irina Evgenievna – programmer, Federal State Budgetary Institution of Science «Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences». 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: irisha.demchencko@yandex.ru

УДК 336.22

ВНЕДРЕНИЕ НАЛОГОВОГО ПЛАНИРОВАНИЯ НА ПРЕДПРИЯТИИ

Ермакова Л.В., Дедова О.В., Мельгуй А.Э.

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск

В статье рассматривается процесс организации налогового планирования на предприятии. Цель исследования заключается в рассмотрении методов, приводящих к снижению законными способами налоговой нагрузки и оптимизации налоговых отчислений. Налоговое планирование - один из управленческих инструментов, играющий значительную роль в регулировании фискальной нагрузки хозяйствующего субъекта при принятии стратегических решений. Планируя будущие налоговые обязательства, хозяйствующий субъект на законных основаниях снижает налоговую нагрузку на свой бизнес, обеспечивая при этом сокращение расходов и повышая конкурентоспособность выпускаемой продукции. Кроме того, государство само заинтересовано в предоставлении налоговых льгот для стимулирования производственной сферы предприятий, отдельных категорий налогоплательщиков, а также регулирования социально-экономического развития регионов. Налоговое планирование в связи с изменениями налогового законодательства постоянно развивается, поэтому необходимо учитывать новые формы и режимы налогообложения, вводимые и исключаемые льготы, возможности дифференциации объектов налогообложения и применяемых ставок.

Ключевые слова: налоговое планирование, налогоплательщики, налоговая нагрузка, методы, оптимизация, налоговые режимы, налоговые льготы.

Введение. Налоговое планирование – это одно из успешных условий хозяйствования. Данный процесс неразрывно связан с желанием субъекта предпринимательской деятельности платить меньше средств в бюджет, так как налоговые выплаты являются для него безвозмездными платежами.

Вектор развития налогового планирования направлен на обеспечение максимально возможного в условиях действующего налогового законодательства сохранения финансовых средств экономическим субъектом, путем законной минимизации величины налоговых платежей в результате корректировки объема налоговой базы по тому или иному налогу. Это оптимизирует структуру налоговых выплат хозяйствующего субъекта в результате своевременного принятия эффективных управленческих решений и соблюдения платежной дисциплины в части налоговых выплат.

Довольно часто возникает ситуация, когда налоговое бремя значительное, а деятельность хозяйствующего субъекта низкорентабельна и не приносит прибыль для развития предприятия. Поэтому перед налогоплательщиком встает вопрос о минимизации расходов по всем направлениям, в том числе в виде сокращения уплачиваемых в казну государства налоговых платежей. На помощь бухгалтерам приходит налоговое планирование, которое дает возможность заранее определить величину налоговых обязательств и воспользоваться инструментами оптимизации налоговых платежей [2].

Методы. Налоговое планирование состоит из комплекса мер (методов), сосредоточенных на исчислении налоговой нагрузки исходя из сложившихся условий функционирования и повышении финансовой эффективности работы хозяйствующих субъектов. Для этого применяются внутренние и внешние меры по снижению налогового бремени. Внешние меры налогового планирования в отдельных случаях влекут для бизнеса глобальные последствия, поэтому их применение ограничено (замены налогового субъекта, изменения вида деятельности и налоговой юрисдикции). Остановимся на внутренних методах планирования, на которые может повлиять главный бухгалтер без всяких последствий.

Наиболее задействованным при реализации процедур налогового планирования является балансовый метод. Он эффективен при осуществлении анализа на стадии определения оптимальной формы коммерческой сделки и заключения соответствующего хозяйственного договора с контрагентом, предусматривающего оптимизацию налоговых последствий от предполагаемых к реализации хозяйственных операций. Также полезно его использование при разработке отдельных положений учетной политики экономического субъекта в призме

оптимизации налоговой нагрузки в результате выбора наиболее приемлемых методов бухгалтерского и налогового учета по ряду хозяйственных операций.

Принцип осуществления налогового планирования с использованием балансового метода подразумевает объединение однородных хозяйственных операций в отдельные блоки, которые подвергаются анализу по каждому вариативному блоку и выбираются наиболее оптимальные варианты в плане налоговой нагрузки блоков объединенной информации, на основании которых будет формироваться бухгалтерская и налоговая отчетность [1].

Таблица 1 – Внутренние методы планирования, поддающиеся регулированию налогоплательщиком

Метод	Описание
Проведение переоценки основных средств	Эффективен для налога на имущество организаций. При снижении остаточной стоимости производственных зданий и сооружений, другой недвижимости (кроме земли и природных ресурсов) сокращается налоговая база по данному налогу.
Применение повышающего коэффициента для начисления амортизации	Это дает возможность существенно и легально сэкономить предприятию при уплате налога на прибыль организаций путем увеличения расходов в виде амортизации в первые месяцы эксплуатации.
Применение договорных схем при производстве и реализации готовой продукции	Перевод производственных мощностей в провинции поближе к дешевой рабочей силе и к источникам сырья (заключив сделку с работающей и хорошо зарекомендовавшей организацией сэкономит на его издержках), использование хозяйствующим субъектом в договорах не стандартных понятий и формулировок, а четких и ясных, приближенных к реальной сделке, использование нескольких договоров, сопровождающих одну сделку.
Ведение налогового учета для исчисления налогооблагаемых баз и их составляющих	С помощью этого способа можно регулировать изменения: объемов работ, услуг (налог на прибыль и НДС); среднесписочной численности работников (отчисления во внебюджетные фонды); имущества организации (налог на землю, налог на имущество); штрафы, пени и неустойки и прочее.
Балансовый метод	Рассматривая баланс в разрезе имущества и источников, выделяются причины, которые спровоцировали изменение сумм налоговых платежей.
Нормативный метод	Подразумевает расчет будущих налоговых платежей, исходя из планируемых показателей с учетом действующего налогового законодательства. Оптимизация планов и решений означает проработку нескольких вариантов прогнозов с целью выбора оптимального.

Важными характеристиками балансового метода являются простота его применения и наглядность получаемых результатов при осуществлении налоговой оптимизации экономической деятельности хозяйствующего субъекта. Легко на уровне прогнозируемых схем проследить весь ход бухгалтерского и налогового сопровождения группы однородных хозяйственных операций вплоть до их влияния на финансовые результаты предприятия и предполагаемые налоговые последствия.

Балансовый метод позволяет:

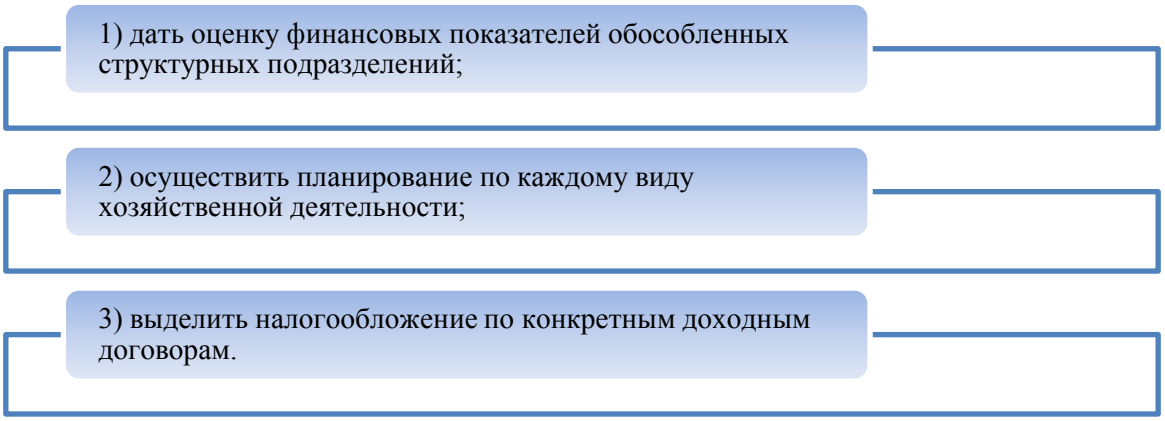

Рисунок 1 - Возможности балансового метода.

Использование экономико-математических методов дает полную информацию об

объеме налоговой нагрузки, о возможных вариантах оптимального и эффективного способа, максимально сочетающего различные правила снижения налоговых платежей. Совместно с балансовым и расчетно-аналитическим методом при налоговом планировании могут оцениваться бухгалтерские управленческие решения, их влияние на финансовый результат хозяйствующего субъекта [4].

Для подготовки обоснованных управленческих решений при осуществлении оперативного планирования экономической деятельности хозяйствующего субъекта весьма перспективно использовать метод оптимизации плановых решений. Он также предполагает разработку наиболее перспективных альтернативных вариантов налоговой оптимизации, с обязательным расчетом предполагаемых налоговых платежей по каждому варианту осуществления предпринимательской деятельности, уровню получаемых дополнительных издержек при реализации каждого варианта, прогнозных возможностей изменения налогового законодательства, как в позитивную, так и в негативную сторону, и на этой основе выбор наиболее эффективного варианта налоговой оптимизации.

В случае широких масштабов осуществления предпринимательской деятельности, приходится разрабатывать достаточно сложные схемы оптимального направления производственной и финансовой деятельности, которые должны учитывать большое количество влияющих на экономический субъект негативных факторов и различных вариантов налогообложения, что требует использования одновременно сразу нескольких методов налогового планирования, с последующим выбором самого оптимального из них. Это требует серьезного подхода к квалификации и компетентностным характеристикам привлеченного для осуществления этой работы персонала.

При использовании метода создания налогового поля хозяйствующий субъект вправе сам выбрать перечень уплачиваемых налогов на региональном, федеральном и местном уровне; отдать предпочтение оптимальной системе налогообложения (общая, упрощенная или ЕСХН); возможности получения льгот по тем или иным налогам.

Использование льгот, разрешенных налоговым законодательством, - один из важнейших элементов снижения налоговой нагрузке. Это один из способов стимулирования государством сфер экономики, которые социально значимы для него и затруднены возможности государственного финансирования [3].

В основном во многих управленческих структурах экономических субъектов применяются общие методы налоговой оптимизации, которые не так узкопрофильны как специальные методы. Но и налоговая оптимизация на базе специальных методов доступна практически каждому предприятию.

Таблица 2 – Специальные методы налогового планирования

Метод	Сущность
Метод замены отношений - основан на выборе одного варианта из предложенных в рамках существующего законодательства.	Предприятие выбирает любой из предложенных вариантов, допустимых как с точки зрения экономической эффективности операции, так и с точки зрения оптимизации налогообложения.
Метод разделения отклонений базируется на методе замены.	Заменяется не вся хозяйственная операция, а только ее часть либо хозяйственная операция заменяется на несколько операций.
Метод отсрочки налогового платежа.	В соответствии с действующим законодательством есть возможность переноса момента уплаты налогового обязательства на другой налоговый период.
Метод прямого сокращения объекта налогообложения.	Используется возможность снизить размер объекта налогообложения или заменить его другим, облагаемым по более низким ставкам или не облагаемым вообще.

Обсуждение. При внедрении на хозяйствующем субъекте процесса налогового планирования выделяют определенные этапы (рис. 2).

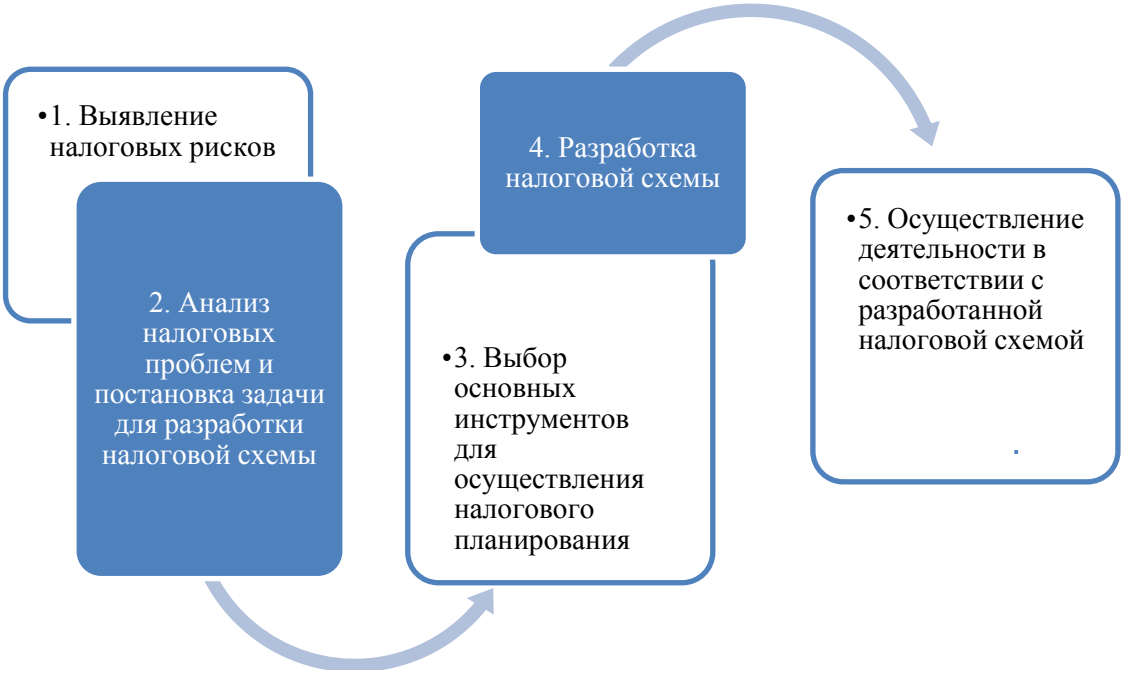

Рисунок 2 - Основные этапы налогового планирования

Риски налогового планирования и налоговой оптимизации несут за собой финансовые потери. Под понятием общих рисков налоговой минимизации понимается возможность финансовых потерь в случае, если методы налоговой оптимизации будут оспорены налоговыми органами и признаны не соответствующими налоговому законодательству. При этом обычно возникают дополнительные издержки в результате урегулирования конфликтной ситуации с государственными органами [6].

Под налоговыми рисками понимаются:

- возможность более пристального внимания к деятельности экономического субъекта со стороны налоговых органов;

- рост налоговых платежей по другим налогам в результате оптимизации одного из них;

- вероятность нарушения налогового законодательства с соответствующими последствиями.

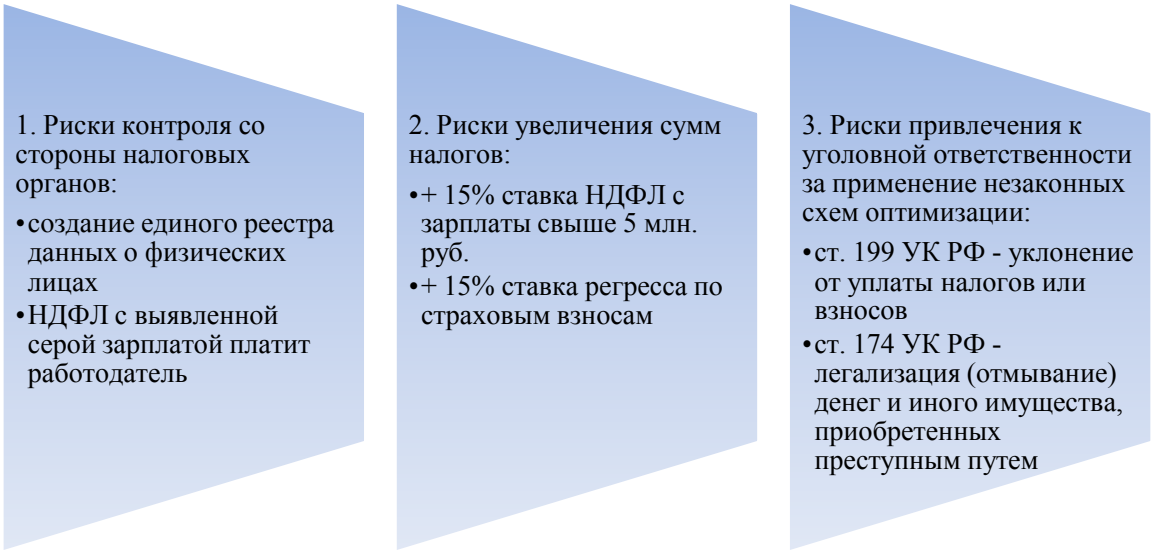

Рисунок 3 - Налоговые риски и их последствия

Второй этап осуществления налогового планирования характеризуется реализацией

аналитических процедур, связанных с выявлением проблем в части неэффективных методов налогообложения, применяемых экономическими службами хозяйствующего субъекта, с дальнейшим определением целей по их налоговой оптимизации, с разработкой необходимых инструментов для их реализации.

При реализации методик и процедур налогового анализа особое внимание заключается в определении специфики осуществления хозяйственной деятельности экономического субъекта, и на ее основе выбора оптимальных методов налогообложения.

Действующее налоговое законодательство позволяет использовать разные инструменты при проведении операций, приводящих к появлению объектов налогообложения [5].

Для оптимизации налогового бремени имеет значение рассмотрение некоторых альтернатив организации бухгалтерского и налогового учета у налогоплательщика, представленных в таблице 3.

Таблица 3 – Варианты организации учета объектов налогообложения для снижения налогового бремени

№ п/п	Наименование способа	Детализация по видам
1.	Начисление амортизации основных средств	Линейный способ, способ уменьшаемого остатка, способ списания стоимости пропорционально объему продукции (работ)
2.	Начисление амортизации нематериальных активов	Линейный способ, способ уменьшаемого остатка, способ списания стоимости пропорционально объему продукции (работ)
3.	Списание товарно-сырьевых запасов	По себестоимости каждой единицы, но средней себестоимости, по методу ФИФО
4.	Методика списания расходов	Расходы, связанные с производством и реализацией, и внереализационные расходы
5.	Определение выручки от реализации продукции (работ, услуг) для целей налогообложения	Доходы от реализации и внереализационные доходы

Таким образом, в зависимости от используемых инструментов налоговое планирование может опираться на использование следующих инструментов (рис.4).

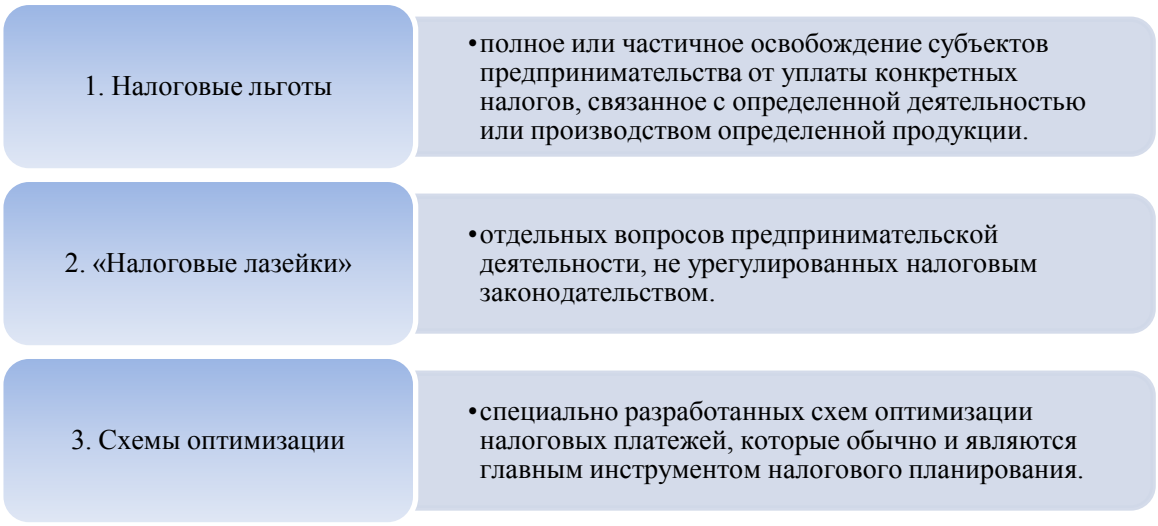

Рисунок 4 - Использование налогового планирования в рамках действующего законодательства

То есть в процессе налогового планирования предприятие определяет наилучшую схему оптимизации налогообложения и снижения налоговой нагрузки.

Заключение. Исходя из проведенного анализа можно сделать вывод, что легальная (в рамках действующего налогового законодательства) оптимизации налоговых выплат экономическими субъектами имеет широкую историю и свою разработанную базу различных методов и приемов законного уменьшения налоговых платежей, а соответственно налоговой

нагрузки на предприятие. Оптимальное сочетание методов и приемов налоговой оптимизации в рамках правового поля, может привести к значительной экономии финансовых средств экономического субъекта на налоговых платежах.

Таким образом, потенциал налогового планирования очень широкий, так как существуют разные налоговые схемы, которые позволяют вносить исправления в сам процесс планирования, снизить налоговые риски и прогнозировать налоговые отчисления в будущем, что характеризуется снижением налоговой нагрузки.

Список литературы

1. Дворецкая Ю.А., Дедова О.В., Ермакова Л.В., Катков Ю.Н., Ковалева Н.Н., Кузнецова О.Н., Мельгуй А.Э. Налогообложение юридических и физических лиц. Брянск, 2019.

2. Дворецкая Ю.А., Кузнецова О.Н., Ермакова Л.В. Проблемы развития малого предпринимательства в условиях налоговых преобразований // Научные исследования и разработки. Экономика. 2020. Т. 8. № 2. С. 31-36.

3. Дедова О.В., Дворецкая Ю.А. Совершенствование налогового учета на предприятии // Вестник Брянского государственного университета. 2019. № 3 (41). С. 112-119.

4. Дедова О.В., Довыденко В.А. Налоговая нагрузка как фактор экономической безопасности субъекта хозяйствования // Финансы и учетная политика. 2020. № 2 (17). С. 5-10.

5. Кислов Д.В. Налоговая нагрузка: как рассчитать и зачем контролировать // Справочник экономиста. – 2019. – № 7.

6. Салькова О.С., Чистякова Д.О. Концепция оценки налоговой нагрузки как фактор повышения информативности показателя налоговой нагрузки // Финансы и кредит. – 2017. – Т. 23. – № 22 (742). – С. 1274-1280.

Сведения об авторах

Ермакова Людмила Владимировна - кандидат экономических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: tkdtkd@yandex.ru

Дедова Ольга Васильевна - кандидат экономических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: o.vod2012@yandex.ru

Мельгуй Андрей Эдуардович - кандидат экономических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: mae1089@yandex.ru

UDK. 336.22

IMPLEMENTATION OF TAX PLANNING AT THE ENTERPRISE

Ermakova L.V., Dedova O.V., Melguy A.E.

Bryansk State University named after Academician I. G. Petrovsky, Bryansk

The article discusses the process of organizing tax planning at the enterprise. The purpose of the study is to consider methods that lead to a reduction in the tax burden by legal means and optimization of tax deductions. Tax planning is one of the management tools that plays a significant role in regulating the fiscal burden of an economic entity when making strategic decisions. By planning future tax liabilities, the business entity legally reduces the tax burden on its business, while reducing costs and increasing the competitiveness of its products. In addition, the state itself is interested in providing tax incentives to stimulate the production sector of enterprises, certain categories of taxpayers, as well as regulate the socio-economic development of the regions. Tax planning in connection with changes in tax legislation is constantly evolving, so it is necessary to take into account new forms and regimes of taxation, introduced and excluded benefits, the possibility of differentiation of objects of taxation and applicable rates.

Keywords: *tax planning, taxpayers, tax burden, methods of tax planning, tax optimization, tax regimes, tax base, tax benefits.*

References

1. Dvoretskaya Yu.A., Dedova O.V., Ermakova L.V., Katkov Yu.N., Kovaleva N.N., Kuznetsova O.N., Melguy A.E. Nalogooblozhenie yuridicheskih i fizicheskih lits. Bryansk, 2019.

2. Dvoretskaya Yu.A., Kuznetsova O.N., Ermakova L.V. Problemyi razvitiya malogo predprinimatelstva v usloviyah nalogovyih preobrazovaniy // Nauchnyie issledovaniya i razrabotki. Ekonomika. 2020. T. 8. № 2. S. 31-36.

3. Dedova O.V., Dvoretskaya Yu.A. Sovershenstvovanie nalogovogo ucheta na predpriyatii // Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. № 3 (41). S. 112-119.

4. Dedova O.V., Dovyidenko V.A. Nalogovaya nagruzka kak faktor ekonomicheskoy bezopasnosti sub'ekta hozyaystvovaniya // Finansyi i uchetnaya politika. 2020. № 2 (17). S. 5-10.

5. Kislov D.V. Nalogovaya nagruzka: kak rasschitat i zachem kontrolirovat // Spravochnik ekonomista. – 2019. – № 7.

6. Salkova O.S., Chistyakova D.O. Kontseptsiya otsenki nalogovoy nagruzki kak faktor povyisheniya informativnosti pokazatelya nalogovoy nagruzki // Finansyi i kredit. – 2017. – T. 23. – № 22 (742). – S. 1274-1280.

Author`s information

Ermakova Lyudmila Vladimirovna - Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky, E-mail: tkdtkd@yandex.ru

Dedova Olga Vasilievna - Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky, E-mail: o.vod2012@yandex.ru

Melguy Andrey Eduardovich - Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky, E-mail: mae1089@yandex.ru

УДК 330.14.01

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К МОДЕЛЯМ УПРАВЛЕНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМ КАПИТАЛОМ

Иванова С.П.[2], Мясоедов А.И.[1]

[1] Московский государственный психолого-педагогический университет, г. Москва
[2] Тольяттинский государственный университет, г. Тольятти

В статье рассмотрена идея управления интеллектуальным капиталом в организации, которая приобрела популярность как в академических кругах, так и в деловой среде. Идея о том, что текущая годовая финансовая отчетность не позволяет эффективно управлять ею, в настоящее время, по-видимому, получила широкое признание, поскольку она не охватывает широкий спектр нематериальных активов, которые рассматриваются как фундаментальные детерминанты успеха фирм. Поэтому необходимо, чтобы интеллектуальный капитал использовался более эффективно для достижения компанией устойчивого конкурентного преимущества. Несмотря на растущее значение управления интеллектуальным капиталом, неспособность информационных систем выявлять, измерять и контролировать нематериальные активы с целью повышения эффективности управления и улучшения финансовых показателей может привести к потере компании из-за того, что менеджеры не но идентифицировали или эксплуатировали нематериальные активы. На помощь менеджерам приходят предложенные модели управления интеллектуальным капиталом, разработанные, в основном, учеными из стран Северной Европы. Цель данной статьи - разработать новую модель управления интеллектуальным капиталом, направленную на обновление и максимизацию ценности интеллектуальных активов в масштабах всего предприятия.
Ключевые слова: город, интеллектуальный капитал, устойчивое конкурентное преимущество, управление интеллектуальным капиталом, модель.

По мере того, как интеллектуальный капитал укреплялся по сравнению с материальными активами, было широко признано, что он является новой фундаментальной основой конкуренции: он является наиболее важным фактором в создании экономической ценности и конкурентных преимуществ. В настоящее время интеллектуальный капитал в его различных формах является важнейшим ресурсом для всех типов компаний. Когда интеллектуальный капитал стал основным фактором устойчивого конкурентного преимущества в современной экономике, различные исследователи в области управления интеллектуальным капиталом предложили различные модели управления интеллектуальным капиталом, чтобы помочь менеджерам в управлении интеллектуальным капиталом, существующим в их компаниях [19]. Однако, несмотря на то, что существует множество исследований, посвященных моделям управления интеллектуальным капиталом, существует лишь несколько моделей, показывающих, какие шаги необходимо предпринять. Общая цель исследования разделена на три исследовательских вопроса, которые имеют разные точки зрения на одно и то же явление: описание концепции управления интеллектуальным капиталом, важность управления интеллектуальным капиталом и существующие модели управления интеллектуальным капиталом [3]. Вопросы исследования изучаются с помощью литературы и предлагают новую модель управления интеллектуальным капиталом, которая, применяя ее на практике, дает в конечных результатах устойчивое конкурентное преимущество [1]. Предлагаемая модель пытается преодолеть ограничения традиционных моделей, используемых для объяснения, измерения и управления организационной конкурентоспособностью, без учета сохранения лидирующих позиций. Наиболее важным вкладом исследования является описание того, как применять управление интеллектуальным капиталом в компания без какой-либо модели управления интеллектуальным капиталом [2].

В эпоху внезапных перемен успех во многом зависит от способности организации эффективно управлять нематериальными активами, существующими в компании. Таким образом, менеджеры должны знать концепции, которые управляют интеллектуальным капиталом. На помощь приходят различные исследователи, предлагающие множество определений, связанных с управлением интеллектуальным капиталом. Исследуя различные определения в литературе, авторы представляют эволюцию концепции интеллектуального капитала с 1997

г. и до настоящего времени в таблице 1. Можно видеть, что эти определения включают общие и разные императивы. Большинство определений объединяют три возникающие конструкции: создание ценности, извлечение ценности и максимизация ценности. Итак, все определения показывают положительную взаимосвязь между интеллектуальным капиталом и конкурентным преимуществом [4]. Управление интеллектуальным капиталом предлагает менеджерам способ превратить фразу «люди - самые важные активы» из слов в реальность [21].

Таблица 1 - Определения управления интеллектуальным капиталом (ICM)

Автор	Год	Определение
Дж. А. Никерсон и Б. С. Сильверман	1997	“ICM предполагает создание методов мониторинга, измерения и управления, которые обеспечивают безопасность интеллектуальных активов для использования компанией и которые сканируют окружающую среду на предмет конкурентных угроз/возможностей для этих интеллектуальных активов" [18]
П. Салливан	1999	“ICM должна быть направлена на балансировку и приведение IC компании в соответствие с видением компании” [22]
Б. Марр и Г.Шиума	2001	”ICM состоит из четырех видов деятельности: определение ключевых активов знаний, определение ключевых процессов знаний, планирование действий по разработке процессов и, наконец, осуществление действий и мониторинг результирующего улучшения активов знаний" [13]
Меритум	2002	"ICM включает в себя три этапа: определение стратегических интеллектуальных активов и связанных с ними видов деятельности, их измерение и мониторинг их развития” [16]
Б. Марр, О. Гупта, С. Пайк и Г. Рос	2003	“ICM - это серия действий, которые происходят внутри организации, направленных на создание и извлечение ценности”
Д. М. Вьедма	2004	"ICM состоит из мероприятий по стратегическому планированию и внедрению, связанных с нематериальными активами, и его явной целью является улучшение возможностей компаний по созданию стоимости” [25].
К. Елчич П.Куянсиву	2007	”ICM означает сосредоточение всей деятельности организации на будущем - укрепление способностей фирмы, инициирование плана действий по устранению недостатков и, таким образом, постоянное улучшение бизнес-операций" [10]
	2008	“ICM включает идентификацию, измерение, оценку, приобретение и отчетность об интеллектуальном капитале” [12]
Л.М. Хоган и Д.К. Дюран	2014	“ICM - это циклический и непрерывный процесс, который координирует деятельность по выявлению, оценке и инициированию плана действий и отчетности о нематериальных активах для достижения устойчивого конкурентного преимущества” [9]

В нынешней экономике все больше и больше менеджеров борются с финансовым кризисом, пытаясь найти всевозможные решения для увеличения стоимости компании, а управление интеллектуальным капиталом имеет большое значение, даже жизненно важное для некоторых компаний. Эта новая эра технологий, новых изобретений и инноваций оказывает большое влияние на стратегии, цели и задачи многих компаний; поэтому многие исследователи в области экономики рассматривают интеллектуальный капитал как надежный источник увеличения стоимости компаний. Литература во многих статьях показывает важность управления интеллектуальным капиталом в организациях [11,17,20,]. В связи с этим Ульрих выделил несколько причин, по которым управление интеллектуальным капиталом важно [24]:

• Управление интеллектуальным капиталом осуществляется на иерархических уровнях и повышает понимание функционирования организации. Менеджер получает обратную связь о том, что происходит в производственной деятельности [8]. Это ведет к устранению пробелов в координации и достижению будущих целей, что способствует принятию постоянных решений.

• В процессе управления определяются наиболее важные факторы создания ценности, позволяющие найти общий язык, избежать недопонимания и способствовать конструктив-

ному обсуждению.

• Процессы и процедуры, установленные для управления интеллектуальным капиталом, являются важной отправной точкой для улучшения структуры и процессов.

• Спрос на интеллектуальных работников в растущей сфере услуг растет (субъекты, связанные с человеческим капиталом), создавая синергию и стремясь к инновационной атмосфере.

• Обучение и инновации становятся все более важными в новой экономике.

• Первая линия становится все более важной в отношении ценности для потребителя (объекты, связанные с сетями), поэтому она предназначена для изучения потребностей потребителей, что позволяет лучше ориентироваться на добавленную стоимость и конкурентные преимущества.

• Знание сильных и слабых сторон фирмы создает прозрачность и доверие между сотрудниками, организационными подразделениями и функциями.

В этой главе представлены различные подходы, разработанные исследователями в области управления интеллектуальным капиталом с целью проиллюстрировать, как можно управлять интеллектуальным капиталом внутри организации [7]. Предлагая концептуальный взгляд, модели предлагают управленческие действия, которые помогают повысить ценность интеллектуального капитала для повышения конкурентных преимуществ и создания богатства. Наиболее важными моделями управления интеллектуальным капиталом являются:

- Модель Meritum;
- Модель Wissensbilanz

Модель Meritum - результат исследования, проведенного группой специалистов из ряда европейских стран, учрежденных Европейским Союзом. Эта модель побуждает Европу принять ряд срочных мер для стимулирования организаций и начать разработку руководящих принципов управления интеллектуальным капиталом. Цель этой модели - повысить эффективность управления и помочь организациям в производстве и раскрытии своевременной, актуальной и сопоставимой информации, которая позволяет акционерам эффективно оценивать выгоды и риски будущих инвестиционных возможностей. Модель Meritum состоит из трех основных этапов подхода [15]:

1. Идентификация нематериальных активов - этот этап имеет в качестве отправной точки видение компании, которое является руководством к миссии и стратегическим целям. Компания должна определить нематериальные активы, которые имеют решающее значение для достижения стратегических целей. Выявленные нематериальные активы являются основными факторами создания стоимости. Компании должны быть осторожны с ситуацией с нематериальными активами и действиями, которые необходимо предпринять для поддержания и улучшения этих нематериальных активов. Результатом процесса идентификации является список жизненно важных нематериальных активов, дающий точную картину существующих нематериальных активов, которые будут развиваться в будущем [6].

2. Измерение нематериальных активов - этот этап включает определение конкретных показателей (общих характеристик, характерных для отрасли или компании), которые будут использоваться в качестве инструмента для измерения репрезентативности различных нематериальных активов, которые были идентифицированы. Эти индикаторы должны иметь определенные характеристики, чтобы считаться полезными (сопоставимые достижимые, объективные, надежные, проверяемые и выполнимые).

3. Действия с нематериальными активами - включает оценку влияния предыдущих инвестиций в нематериальные активы. Организации следует провести SWOT-анализ существующей деятельности. После оценки могут быть разработаны и реализованы новые виды деятельности, связанные с нематериальными активами. На этом этапе организация должна оценить его влияние как на внутренних, так и на внешних пользователей.

Модель Wissensbilanz - это руководство по управлению интеллектуальным капиталом, разработанное Федеральным министерством экономики и труда Германии. Модель была разработана в 2004 году и адресована малым и средним предприятиям, а также другим фор-

мам организаций, которые имеют сопоставимую структуру. Руководство направлено на оказание помощи менеджерам в управлении интеллектуальным капиталом путем предоставления рекомендаций по принципам и методам, полезным для разработки отчетов об интеллектуальном капитале. Модель обеспечивает основу для адаптации и принятия различными организациями. При применении модели организации должны четко сформулировать организационные цели, относящиеся к достижению результатов. Руководство состоит из шести этапов, состоящих из четырех этапов:

1. Первый этап - это заявление об интеллектуальном капитале в простейшей форме. Для достижения этой стадии необходимы три шага. Первым шагом является оценка исходной ситуации в отношении нематериальных активов, стратегии компании и бизнеса. Второй шаг - признание интеллектуального капитала, то есть определение процессов, обеспечивающих производительность, и факторов, влияющих на интеллектуальный капитал. Третий шаг - оценить интеллектуальный капитал и метод смысловой самооценки, чтобы получить быстрый обзор сильных и слабых сторон интеллектуального капитала, существующего в организации.

2. Второй этап - его цель - предложить соответствующие индикаторы, которые могут быть измерены в форме чисел или дат специалистами в области интеллектуального капитала.

3. Третий этап - предварительный отчет, в котором в структурированной форме описывается наиболее важная информация, касающаяся интеллектуального капитала.

4. Четвертый этап - рассматривается как представление полного отчета об интеллектуальном капитале. В этом итоговом отчете объединены корреляционный анализ и оценки, которые предоставляют информацию о том, как все будет происходить до тех пор, пока принятые меры не приведут к эффективности работы организации.

В стремлении занять лидирующие позиции на рынке необходимо внедрять управленческие практики, создающие устойчивые конкурентные преимущества. В целях улучшения существующих моделей предложена новая модель управления интеллектуальным капиталом и связанная с ней методология, которая направлена на то, чтобы помочь менеджерам в управлении интеллектуальным капиталом, чтобы быть лидерами на рынке. Предлагаемая модель направлена на выявление, описание, измерение и отчетность об интеллектуальном богатстве с более комплексной точки зрения, связанной с эксплуатацией нематериальных активов организаций [5]. Эта модель основана на пяти этапах:

1. Определение интеллектуального капитала - это этап определения и описания нематериальных ресурсов, который может повлиять на конкурентоспособность организации. Их можно идентифицировать на уровне организации, отдела или на индивидуальном уровне. В качестве инструментов для сбора данных о нематериальных активах (человеческий капитал - HC, структурный капитал - SC и относительный капитал - RC) можно использовать онлайн-анкеты, фокус-группы или интервью. Этот шаг выполняется специалистом в данной области, называемым внутренним аудитором. Этот шаг направлен на создание ценности для компании.

2. Измерение интеллектуального капитала - этот этап начинается после того, как существующие нематериальные ресурсы на уровне компании, отдела или отдельного лица определены и считаются жизненно важными для получения конкурентного преимущества. Оценка проводится для каждого нематериального актива, чтобы увидеть степень его реализации в компании. Измерение интеллектуального капитала направлено на извлечение созданной стоимости.

3. План действий - этот шаг включает поиск способов улучшения результатов, полученных на этапе измерения интеллектуального капитала. Запуск плана действий - это процесс предложения и определение правильной опционной стратегии, включающей выполнение корректирующих действий и снижающих риски, связанные с интеллектуальным капиталом. Эффективность этого шага способствует достижению целей организации и максимизирует созданную ценность.

4. Мониторинг интеллектуального капитала - после реализации плана действий цель

достигается, если цели поставлены менеджером. Цель этого шага - поддерживать созданную ценность.

5. Отчет - на этом этапе результаты измерения интеллектуального капитала представляются руководителю (общий балл), создавая обзор стоимости, созданной для организации этих нематериальных активов.

Выводы. По сути, способность организации к достижению богатства заключается не в оборудовании, машинах и других капитальных благах, которыми они обладают, а в особом знании, способности прояснять различные вопросы и предлагать уникальный ответ. Учитывая меняющуюся роль нематериальных активов в современной организации, Элвин Тоффлер и Хейди Тоффлер полагают, что до тех пор, пока отсталые секторы промышленности инвесторы по-прежнему считают традиционные материальные активы - заводы, оборудование, акции критическими, инвесторы из ИТ-секторов и наиболее быстрорастущих компаний на совершенно иных факторах, способствующих поддержанию инвестиций [23]. В результате прибыль организации в первую очередь является следствием хороших отношений, которые она поддерживает со своими сотрудниками, поставщиками, клиентами и даже с конкурентами. Управление интеллектуальным капиталом позволяет определить эффективность, с которой компания развивает нематериальные и материальные ресурсы. Направления тесно связаны со стратегической логикой организации и, следовательно, с типом ресурсов и изменениями, которые имеют основополагающее значение для создания ценности внутри организации и, следовательно, конкурентного преимущества. Еще одним вкладом исследования является проверка и проверка модели управления интеллектуальным капиталом на малых и средних предприятиях.

Список литературы

1. Мясоедов А.И. Интеллектуальный капитал в свете креативности и конкурентоспособности: обзор нематериальных активов организаций на примере Украины / А.И. Мясоедов // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2020. Т. 9. № 2. С. 57-68.

2. Мясоедов А.И. Конфликтогенная природа городского пространства: методология исследования на примере Украины / А.И. Мясоедов, С.П. Иванова // Экономика. Социология. Право. 2021. № 1 (21). С. 9-21.

3. Мясоедов А.И. Модель эффективности для оценки интеллектуального капитала / А.И. Мясоедов // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2021. Т. 10. № 1. С. 84-91.

4. Мясоедов А.И. Укрепление и воспроизведение стереотипов: этические соображения при проведении исследований / А.И. Мясоедов // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. – 2021. – Т. 10. – № 3. – С. 93-100. – DOI 10.12737/2306-1731-2021-10-3-93-100.

5. Пряжникова Е.Ю. Психология труда: теория и практика: учебник для бакалавров. - М.: Издательство Юрайт, 2019. - 452 с.

6. Радостева М.В. К вопросу о производительности труда / М.В. Радостева // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика. - 2018. - Т. 45. № 2. - С. 268-272.

7. Радостева М.В. Производительность труда как фактор экономического роста / М.В. Радостева // Исследование отношений, механизмов и институтов рынка: вопросы экономики и управления: сборник научных трудов. М.: Изд-во Моск. Гуманит. Ун-та, 2003. С. 39

8. Радостева М.В. Производительность труда: основные тенденции и ключевые факторы развития на современном этапе / М.В. Радостева // Экономика и менеджмент систем управления. - 2018. - Т. 29. № 3-1. - С. 162-172.

9. Gogan, L. M. & Duran, D. C. Intellectual capital management- A new model. Practical Application of Science, 2014, 2(6), 57-64.

10. Jelcic, K. Intellectual capital: Handbook of intellectual capital management in com-

panies. Croatia, Intellectual Capital Center. 2007.

11. Kianto, A., Andreeva, T., & Pavlov, Y. The impact of intellectual capital management on company competitiveness and financial performance. Knowledge Management Research & Practice, 2013, 11(2), 112-122.

12. Kujansivu, P. Intellectual Capital, Knowledge Management & Organisational Learning. In K. O'Sullivan (Ed.), Understanding why organisations do not apply IC management models UK: Academic Publishing Limited. 2008. pp 249–256.

13. Marr, B., & Schiuma, G. Measuring and managing intellectual capital and knowledge assets in new economy organisations. In M. Bourne (Ed), Handbook of Performance Measurement. London: GEE Publishing. 2001.

14. Marr, B., Gupta, O., Pike, S., & Roos, G. Intellectual capital and knowledge management effectiveness. Management Decision, 2003, 41(8), 771-781.

15. Meritum Guidelines for Managing and Reporting on Intangibles. 2005.

16. Meritum Guidelines for managing and reporting on intangibles. Spain, Fundación Airtel-Vodafone. 2002.

17. Mitchell, H. J. A model for managing intellectual capital to generate wealth: a thesis presented in partial fulfilment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in Business, Massey University, Albany, New Zealand. 2010.

18. Nickerson, J. A., & Silverman, B. S. Intellectual capital management strategy: the foundation of successful new business generation. Journal of Knowledge Management, 1997, 1(4), 320–331.

19. Pienaar, J. J., & Du Toit, A. S. A. Role of the learning organisation paradigm in improving intellectual capital. Journal of Contemporary Management, 2009, 121-137.

20. Sánchez, M.P., Chaminade, C., Olea, M. Management of intangibles. An attempt to build a theory. Journal of Intellectual Capital, 2000, 1(4), 312 – 328.

21. Senyucel, Z. Study guide: Managing the human resource in the 21st century. Ventus Publishing: Denmark. 2009.

22. Sullivan, P. Profiting from intellectual capital. Journal of Knowledge Management, 1999, 3(2), 132–143.

23. Toffler, A., & Toffler, H. Revolutionary Wealth: How it will be created and how it will change our lives. In C. Business (Ed.), Capitalism's future (pp. 253-286). 2007. New York, United State of America.

24. Ulrich, W. System thinking, system practice, and practical philosophy: a program for research. System Practice, 1998. 1, 137-163.

25. Viedma, J. M. CICBS: A methodology and a framework for measuring and managing intellectual capital of cities. A practical application in the city of Mataró. Knowledge Management Research & Practice, 2004. 2(1), 13–23.

Сведения об авторах

Иванова Светлана Петровна, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Теория и практика управления» института «Иностранные языки, современные коммуникации и управление», Московский государственный психолого-педагогический университет, Россия, г. Москва, ул. Сретенка, д. 29, e-mail: 76sivanova@mail.ru

Мясоедов Алексей Иванович., магистр ианститут финансов, экономики и управления, Тольяттинский государственный университет, Россия, Самарская обл., г.Тольятти, Белорусская ул., 14, e-mail:retvil@mail.ru.

UDK 330.14.01

NEW APPROACHES TO MODELS OF INTELLECTUAL CAPITAL MANAGEMENT

Ivanova S.P.[1], Myasoedov A.I.[2]

[1] Moscow state University of Psychology and Education, Moscow
[2] Tolyatti State University, Tolyatti

Annotation. The article discusses the idea of intellectual capital management in an organization, which has gained popularity both in academic circles and in the business environment. The idea that the current annual financial statements do not allow effective management of it seems to be widely accepted at the moment, since it does not cover a wide range of intangible assets, which are considered as fundamental determinants of the success of firms. Therefore, it is necessary that intellectual capital be used more efficiently to achieve a sustainable competitive advantage by the company. Despite the growing importance of intellectual capital management, the inability of information systems to identify, measure and control intangible assets in order to improve management efficiency and improve financial performance can lead to the loss of the company due to the fact that managers did not identify or exploit intangible assets. The proposed models of intellectual capital management, developed mainly by scientists from the Nordic countries, come to the aid of managers. The purpose of this article is to develop a new model of intellectual capital management aimed at updating and maximizing the value of intellectual assets throughout the enterprise.
Keywords: city, intellectual capital, sustainable competitive advantage, intellectual capital management, model.

References

1. Myasoedov A.I. Intellectual capital in the light of creativity and competitiveness: an overview of the intangible assets of organizations on the example of Ukraine / A.I. Myasoedov // Research and Development. Social and humanitarian research and technology. 2020.Vol. 9.No. 2.P. 57-68.
2. Myasoedov A.I. Conflict-related nature of urban space: research methodology on the example of Ukraine / A.I. Myasoedov, S.P. Ivanova // Economics. Sociology. Right. 2021. No. 1 (21). S. 9-21.
3. Myasoedov A.I. An efficiency model for assessing intellectual capital / A.I. Myasoedov // Research and Development. Social and humanitarian research and technology. 2021. T. 10. No. 1. S. 84-91.
4. Myasoedov A.I. Strengthening and reproduction of stereotypes: ethical considerations in research / A.I. Myasoedov // Research and Development. Social and humanitarian research and technology. - 2021. - T. 10. - No. 3. - S. 93-100. - DOI 10.12737 / 2306-1731-2021-10-3-93-100.
5. Pryazhnikova E.Yu. Labor psychology: theory and practice: a textbook for bachelors. - M .: Yurayt Publishing House, 2019 .-- 452 p.
6. Radosteva M.V. On the issue of labor productivity / M.V. Radosteva // Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: Economics. Computer science. - 2018. - T. 45.No. 2. - S. 268-272.
7. Radosteva M.V. Labor productivity as a factor of economic growth / M.V. Radosteva // Research of relations, mechanisms and institutions of the market: issues of economics and management: collection of scientific papers. M .: Publishing house Mosk. Humanist. University, 2003.S. 39
8. Radosteva M.V. Labor productivity: main trends and key development factors at the present stage / M.V. Radosteva // Economics and management of control systems. - 2018. - T. 29.No. 3-1. - S. 162-172.
9. Gogan, L. M. & Duran, D. C. Intellectual capital management- A new model. Practical Application of Science, 2014, 2 (6), 57-64.
10. Jelcic, K. Intellectual capital: Handbook of intellectual capital management in companies. Croatia, Intellectual Capital Center. 2007.
11. Kianto, A., Andreeva, T., & Pavlov, Y. The impact of intellectual capital management on company competitiveness and financial performance. Knowledge Management Research & Practice, 2013, 11 (2), 112-122.
12. Kujansivu, P. Intellectual Capital, Knowledge Management & Organisational Learning. In K. O'Sullivan (Ed.), Understanding why organizations do not apply IC management models

UK: Academic Publishing Limited. 2008. pp. 249–256.

13. Marr, B., & Schiuma, G. Measuring and managing intellectual capital and knowledge assets in new economy organizations. In M. Bourne (Ed), Handbook of Performance Measurement. London: GEE Publishing. 2001.

14. Marr, B., Gupta, O., Pike, S., & Roos, G. Intellectual capital and knowledge management effectiveness. Management Decision 2003, 41 (8), 771-781.

15. Meritum Guidelines for Managing and Reporting on Intangibles. 2005.

16. Meritum Guidelines for managing and reporting on intangibles. Spain, Fundación Airtel-Vodafone. 2002.

17. Mitchell, H. J. A model for managing intellectual capital to generate wealth: a thesis presented in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in Business, Massey University, Albany, New Zealand. 2010.

18. Nickerson, J. A., & Silverman, B. S. Intellectual capital management strategy: the foundation of successful new business generation. Journal of Knowledge Management, 1997, 1 (4), 320–331.

19. Pienaar, J. J., & Du Toit, A. S. A. Role of the learning organization paradigm in improving intellectual capital. Journal of Contemporary Management, 2009, 121-137.

20. Sánchez, M. P., Chaminade, C., Olea, M. Management of intangibles. An attempt to build a theory. Journal of Intellectual Capital, 2000, 1 (4), 312 - 328.

21. Senyucel, Z. Study guide: Managing the human resource in the 21st century. Ventus Publishing: Denmark. 2009.

22. Sullivan, P. Profiting from intellectual capital. Journal of Knowledge Management, 1999, 3 (2), 132-143.

23. Toffler, A., & Toffler, H. Revolutionary Wealth: How it will be created and how it will change our lives. In C. Business (Ed.), Capitalism's future (pp. 253-286). 2007. New York, United State of America.

24. Ulrich, W. System thinking, system practice, and practical philosophy: a program for research. System Practice, 1998.1, 137-163.

25. Viedma, J. M. CICBS: A methodology and a framework for measuring and managing intellectual capital of cities. A practical application in the city of Mataró. Knowledge Management Research & Practice, 2004.2 (1), 13–23.

Author`s information

Ivanova Svetlana Petrovna, candidate of economic Sciences, associate Professor of the Department of "Theory and practice of management" of the Institute "Foreign languages, modern communications and management", Moscow state psychological and pedagogical University, 29 Sretenka street, Moscow, Russia, e-mail:76sivanova@mail.ru

Myasoedov Alexey Ivanovich, Master's Degree Institute of Finance, Economics and Management, Tolyatti State University, Russia, Samara region, Tolyatti, Belorusskaya str., 14, e-mail:retvil@mail.ru

УДК 316.354

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПЕРСОНАЛЬНОГО БРЕНДА ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВУЗА

Ильина И.Ю.

ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

В статье рассматриваются современные подходы к определению персонального бренда преподавателя вуза. Раскрыты особенности формирования персонального бренда преподавателя для двух целевых аудиторий – студентов и профессионального образовательного сообщества. Проанализированы основные элементы персонального бренда преподавателей вузов. Выделены объективные и субъективные факторы, определяющие индивидуальные стратегии преподавателей по формированию личного бренда.

Ключевые слова: персональный бренд, целевая аудитория, преподаватель вуза, элементы персонального бренда, факторы формирования персонального бренда

Современный интерес к формированию персонального бренда связан со многими объективными факторами. В условиях дестабилизации профессиональных рынков труда актуализируется проблема повышения конкурентоспособности специалистов в различных сферах. Персональный бренд – как один из самых эффективных инструментов повышения конкурентоспособности – становится объектом научных и общественных дискуссий. Разрабатываются новые подходы к созданию, поддержанию и продвижению личного бренда с учетом трансформации внешней и внутренней профессиональной среды, ее интенсификации и цифровизации.

Одним из первых категорию «personal branding» в 1997 году начал разрабатывать Том Питерс - американский бизнесмен и писатель. Раскрывая концепцию персонального бренда, Т.Питерс акцентировал внимание на тех возможностях, которые дает грамотное самопродвижение, использование и «продажа» уникальных личностных качеств. Сам бренд рассматривался как образ в сознании других людей, который генерирует дополнительную ценность и создает выгоды для нас [1].

Традиционные подходы к определению персонального бренда в последнее десятилетия дополнены исследованиями, посвященными разработке авторских концепций формирования личных брендов (с учетом отраслевых, профессиональных особенностей), а также апробации новых технологий самопродвижения и самобрендинга.

Адресный характер бренда, его ориентацию на конкретную целевую аудиторию отмечают многие эксперты. Персональный имидж рассматривается как «воспринимаемый образ специалиста отдельными представителями контактных групп потребителей (клиентов), выраженный в ассоциациях и сформированный на основе информации, разработанной и распространяемой самим специалистом» [2]; как «реальный образ человека, который транслирует его уникальность в определенной сфере деятельности в определенной целевой аудитории» [3, с. 186-187].

Создание личного бренда часто раскрывается в контексте выстраивания оптимальной для специалиста модели маркетинговых коммуникаций. Например, формирование персонального бренда рассматривается как «эффективный вид коммуникации, посредством которого взаимоотношения между конкретной медийной личностью (представителем бренда производителя), транслирующей уникальность товара, и представителями целевой аудитории зависят от характера социального восприятия личностных качеств данной персоны». [4, с. 46]. Персональный бренд, по мнению специалистов, имеет важнейшей целью обеспечение «узнаваемости, востребованности и повышения «стоимости» на рынке труда» [3, с. 186]. Оцениваются возможности использования личного бренда для установления баланса между профессиональной и личной жизнью (work and life balance) [5, с. 109]. В некоторых концепциях предлагается выделять уровни формирования целей личного бренда: имиджевый, который подразумевает реализацию эго человека, не ведет к непосредственному зарабатыва-

нию денег; репутационный, в рамках которого целью бренда является зарабатывание денег, построение карьеры; уровень бренда – создание сильного личного бренда, который может применяться в любых областях. [6]. Данное разделение, на наш взгляд, имеет условный характер, так как не отражает специфику таких понятий, как «имиджевый» и «репутационный».

В последние годы существенно расширяется диапазон профессиональных и отраслевых сегментов, представители которых заинтересованы в формировании персонального бренда. Если ранее выраженная потребность в создании личного бренда была характерна в основном для политиков, «публичных» бизнесменов, а также различных «медийных» личностей, то в настоящее время идея персонального брендинга является актуальной для представителей самых разнообразных профессий.

Идея формирования личного бренда преподавателей вуза активно обсуждается в профессиональном образовательном сообществе в последние годы. Общие подходы к определению персонального бренда, связанные с профессиональными достижениями, известностью, позитивной репутацией и т.п., реализуются и в сфере высшего образования. Но особенности формирования личного бренда преподавателя, значение данного бренда как инструмента повышения конкурентоспособности в профессиональном образовательном сообществе еще не получили серьезного научного осмысления.

Специфика профессиональной деятельности преподавателя вуза обусловливает выделение двух основных целевых аудиторий, на которые следует ориентироваться при создании личного бренда:

- студенты,
- профессиональное преподавательское сообщество,

Эти тесно связанные между собой категории тем не менее характеризуются некоторыми различиями в восприятии и оценке личностных и профессиональных характеристик преподавателя. В настоящее время наиболее подробно (по крайней мере на эмпирическом уровне) рассмотрен механизм формирования персонального бренда преподавателя для студенческой аудитории.

Проведенные исследования свидетельствуют о высоком интересе студентов не только к топовым вузам с ярким и устойчивым брендом, но и о запросе на преподавателей, обладающих собственным персональным брендом. Почти 70% опрошенных студентов считают, что преподаватель вуза должен иметь собственный бренд; 66,7% респондентов отмечают, что во время своего обучения они взаимодействовали с такими педагогами» [5, с. 108].

Оценивая значение персонального бренда преподавателя, студенты выделили следующие аспекты:

– бренд необходим для успешной карьеры, такой преподаватель узнаваем и популярен, ему доверяют студенты; у целевой аудитории есть понимание его глубины как специалиста, эксперта;

– бренд ассоциируется с авторитетом, что в конечном итоге привлекает студентов на курсы конкретного преподавателя или даже в конкретный университет;

– брендовые преподаватели важны для любого учебного учреждения; наличие таких педагогов повышает престиж обучения, создает конкурентное преимущество для организаций, в которых они работают.

В ходе исследования студентам было предложено выделить несколько ключевых характеристик «преподавателя-бренда». Наиболее популярными стали такие качества, как «востребованность», «широкая известность специалиста», «известность в научном сообществе», «известность за пределами образовательной организации», «профессионализм», «компетентность», «опыт», «высокая квалификация». Также студенты отметили «креативность», «уникальность» «авторитет», «готовность к развитию», «харизму».

По данным других исследований, первостепенное значение для студентов имеют профессиональные, экспертные знания преподавателя, на втором месте - уровень владения педагогическими технологиями. Немаловажным фактором является поведенческий аспект,

связанный с саморегуляцией, решением конфликтных ситуаций во время проведения занятий. Менее значимым для студентов является внешний вид преподавателя [7, с. 50].

Студенческая аудитория – не единственный целевой сегмент, который может оценить уровень сформированности персонального бренда преподавателя вуза. Другая целевая аудитория, способная дать компетентную оценку личного бренда, - профессиональное преподавательское сообщество. Именно на это аспекте акцентируют внимание некоторые исследователи, определяя личный бренд преподавателя вуза как «сформированный, целостный, узнаваемый и привлекательный, обладающий социальным статусом, признанный образ персоны (личности ученого), складывающийся в окружающей его профессиональной среде» [8, с. 55].

На наш взгляд, можно выделить 3 основных элемента персонального бренда преподавателя вуза:

1. Преподаватель как педагог.

Классическая педагогическая работа (ведение лекций и семинарских занятий, учебно-методическое обеспечения учебного процесса) составляет «ядро» профессиональной деятельности преподавателя вуза. Но в реальности ситуация с выполнением учебной нагрузки очень сложная. С одной стороны, в последнее время стабильно растет обязательная доля аудиторной нагрузки, ежегодно возникает необходимость подготовки новых учебных дисциплин и методических материалов в соответствии с постоянно перерабатываемыми учебными планами вузов. Но с другой стороны, учебно-методическая работа – это первоочередная обязанность преподавателей, которой не уделяется особого внимания, выполнение нагрузки контролируется жестко, но формально. В большинстве вузов отсутствует постоянно действующий механизм проверки качества проводимых занятий, что провоцирует некоторых преподавателей на формальный подход к подготовке или даже открытую халтуру. Тем более педагогические новации, нестандартный подход к проведению занятий и просто высокое педагогическое мастерство практически никак не отмечаются и не поощряются. Даже если в студенческой аудитории преподаватель пользуется особой популярностью, среди коллег этот факт может остаться абсолютно незамеченным, и никак не отразится в системе стимулирующих выплат.

Следует признать, что в условиях цифровизации образования существенный вклад в формирование личного бренда преподавателя как педагога вносят его методические онлайн-разработки, курсы видеолекций и т.п. по востребованным на рынке образовательных услуг дисциплинам. Но возможности развития преподавателя в данном направлении часто ограничены техническими ресурсами или даже общей позицией вуза, не считающего целесообразным активно разрабатывать материалы для обучения в онлайн-формате.

2. Преподаватель как исследователь.

Важнейшая веха на пути к формированию собственного бренда как ученого - защита диссертации как минимум кандидата, а как максимум, доктора наук. Присуждение ученой степени дает возможность преподавателю вуза занять более высокую ступеньку в иерархической системе образовательного и научного сообщества [9]. Более высокий профессионально-квалификационный статус остепененного преподавателя подтверждается повышением уровня оплаты его труда, а также получением новых возможностей для карьерного роста и экспертной активности.

Современная концепция модернизации вузов предусматривает их развитие как эффективных многопрофильных научно-образовательных учреждений. Поэтому показатели научной активности преподавателя – важнейший элемент в системе формирования персонального бренда с позиций профессионального преподавательского сообщества. Основные параметры, по которым ежегодно оценивается научная активность каждого преподавателя, - публикационная активность, участие в научных мероприятиях, проведение исследований в рамках грантов. Разработка и реализация эффективного механизма оценки научных достижений преподавателей широко обсуждаются в образовательном сообществе не первый год. Используемые в настоящее время показатели в большинстве случаев отражают научные результаты формально, не слишком корректно и очень поверхностно. И тем не менее большое

количество публикаций в рейтинговых международных журналах, а также уровень их цитирования - важнейшая составляющая персонального бренда преподавателя с точки зрения коллег и администрации вуза. Именно эти показатели становятся наиболее значимыми характеристиками преподавателя и в случае его выхода на межвузовский рынок труда.

3. Преподаватель как эксперт.

Экспертные функции преподавателей вузов всегда была востребованы в различных сферах жизнедеятельности, а в современной ситуации именно этот «публичный» аспект профессиональной деятельности преподавателя играет определяющую роль в формировании персонального бренда. Существенно возрастает имиджевая ценность различных форм экспертной работы, особенно связанных с «медийной» активностью.

В прошлом особо ценилась вовлеченность преподавателя в работу классических академических структур, затем существенно вырос интерес к сотрудничеству с крупными бизнес-ассоциациями. В течение многих десятилетий важным элементом персонального брендинга можно считать участие в работе экспертных комиссий, аффилированных с отраслевыми ведомствами и правительственными структурами. В последнее время наиболее значимой для персонального бренда считается общая «медийная» известность преподавателя, которая обеспечивается, в частности, размещением публикаций на интернет-ресурсах, актуальными комментариями по наиболее дискуссионным вопросам развития общества и др.

Персональный бренд преподавателя как эксперта во многих вузах конвертируется в доплаты за счет выполнения «имиджевых» показателей, отраженных в эффективном контракте. И, безусловно, данный аспект личного бренда существенно повышает конкурентоспособность преподавателя и его влияние в локальном вузовском и межвузовском сообществе. Активно и успешно выполняющий экспертные функции преподаватель, аффилируя себя с определенным вузом, вносит заметный вклад в формирование бренда данного учебного заведения.

На наш взгляд, значительные трудности в формирования персонального бренда преподавателя вуза обусловлены рядом объективных и субъективных причин:

- существенный рост нагрузки и общей интенсивности труда, не компенсируемый соответствующим уровнем вознаграждения,
- недостаточно высокий уровень цифровой грамотности, усложняющий переход к новым онлайн-форматам работы,
- восприятие открытости и «публичности» в профессиональной деятельности как угрозы личному спокойствию и благополучию,
- отсутствие системных представлений о механизмах формирования личного бренда и возможностях его «коммерциализации»,
– сохранение иллюзий, что высокий профессионально–квалификационный статус (ученая степень кандидата или доктора наук, ученое звание профессора или доцента) – пожизненная гарантия востребованности и конкурентоспособности в системе высшего образования.

В целом, анализируя особенности формирования персонального бренда преподавателя вуза, можно сделать следующие выводы;

- концепция формирования персонального бренда преподавателя предусматривает как ряд общих показателей (профессиональные достижения, известность, хорошая репутация), так и ряд специфических характеристик, обусловленных особенностями профессиональной деятельности;
- персональный бренд преподавателя вуза формируется с ориентацией на две основные целевые аудитории – студенты и коллеги-преподаватели; восприятие преподавателя-бренда с позиций данных целевых сегментов не идентично;
- возрастает значение персонального бренда преподавателя как инструмента повышения его личной конкурентоспособности в условиях нестабильности профессионального вузовского и межвузовского рынка труда;
- наметившийся тренд - цифровизация образования – обусловливает запрос на «ме-

дийность» преподавателя, повышение его известности, профессиональной активности и востребованности в образовательной онлайн-среде.

На наш взгляд, в большинстве вузов пока не используется потенциал персональных брендов преподавателей, а также возможности синергетического эффекта в данной сфере для формирования сильного бренда самих образовательных организаций. Можно ожидать, что в условиях ускоренной цифровизации вузы акцентируют внимание на формировании, поддержании и продвижении персональных брендов преподавателей (особенно с использованием онлайн-форматов) для повышения своей конкурентоспособности на рынке образовательных услуг.

Список литературы

1. Питерс Т. Человек-бренд. 50 верных способов превратиться из рядового работника в бренд оригинальности, преданности и инициативности / Т. Питерс. — М.: ИД «Вильямс», 2006. — 223 с.
2. Полякова Н.В., Щеглатов А.А. Персональный бренд как форма социального капитала // Baikal Research Journal. 2012. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/personalnyy-brend-kak-forma-sotsialnogo-kapitala (дата обращения: 08.10.2021).
3. Бренд-менеджмент в управлении персоналом: Учебное пособие./ Под ред. Н.И.Архиповой. М.: РГГУ, 2020, 201 с.
4. Довжик Г.В., Довжик В.Н., Мусатова С.А. Теоретико-методологические аспекты формирования персонального бренда в цифровой среде // Цифровая социология. 2021. №2. [Электронный ресурс] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-metodologicheskie-aspekty-formirovaniya-personalnogo-brenda-v-tsifrovoy-srede (дата обращения: 08.10.2021).
5. Мантуленко В.В., Зотова А.С. Персональный бренд преподавателей вузов в цифровом пространстве // Профессиональное образование и рынок труда. 2020. №4 (43). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/personalnyy-brend-prepodavateley-vuzov-v-tsifrovom-prostranstve (дата обращения: 08.10.2021).
6. Чумиков А.Н., Бочаров М.П. Связи с общественностью: теория и практика. 2003. М.: Дело. 495 с.
7. Лукашенко М.А., Ожгихина А.А. Имидж преподавателя вуза: мнения и приоритеты студентов // Высшее образование в России. 2019. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/imidzh-prepodavatelya-vuza-mneniya-i-prioritety-studentov (дата обращения: 08.10.2021).
8. Гуртовенко О. М., Левкин Г. Г. Бренд преподавателя высшего учебного заведения // Основы ЭУП. 2014. №6 (18). [Электронный ресурс] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/brend-prepodavatelya-vysshego-uchebnogo-zavedeniya (дата обращения: 08.10.2021).
9. Ильина И.Ю. Научно-педагогическая карьера преподавателя вуза: показатели карьерного роста и мотивация//Экономика образования. 2020. № 2 (117). С. 51-58.

Сведения об авторах

Ильина Ирина Юрьевна - доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры организационного развития ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», 125047, ГСП-3, г. Москва, Миусская площадь, д. 6. Тел.: 8-903-5059779. E-mail: plesheeva6@yandex.ru.

UDK 316.354

FEATURES OF THE FORMATION OF A PERSONAL BRAND OF A UNIVERSITY TEACHER

Ilina I. Yu.

Russian State University for the humanities, Moscow

The article discusses modern approaches to determining the personal brand of a university teacher. The features of the formation of a personal brand of a teacher for two target audiences – students and the professional educational community are revealed. Based on the results of sociological surveys, the main elements of the personal brand of university teachers are identified, which are the most significant in the perception of students. The role of objective and subjective factors determining individual strategies of teachers for the formation of a personal brand is assessed. Difficulties in the formation of a personal brand of a university teacher at the present stage are highlighted.
Keywords: personal brand, target audience, university teacher, elements of personal brand, factors of personal brand formation

References

1. Piters T. CHelovek-brend. 50 vernyh sposobov prevratit'sya iz ryadovogo rabotnika v brend original'nosti, predannosti i iniciativnosti / T. Piters. — M.: ID «Vil'yams», 2006. — 223 s.
2. Polyakova N.V., SHCHeglatov A.A. Personal'nyj brend kak forma social'nogo kapitala // Baikal Research Journal. 2012. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/personalnyy-brend-kak-forma-sotsialnogo-kapitala (data obrashcheniya: 08.10.2021).
3. Brend-menedzhment v upravlenii personalom: Uchebnoe posobie./ Pod red. N.I.Arhipovoj. M.: RGGU, 2020, 201 s.
4. Dovzhik G.V., Dovzhik V.N., Musatova S.A. Teoretiko-metodologicheskie aspekty formirovaniya personal'nogo brenda v cifrovoj srede // Cifrovaya sociologiya. 2021. №2. [Elektronnyj resurs] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-metodologicheskie-aspekty-formirovaniya-personalnogo-brenda-v-tsifrovoy-srede (data obrashcheniya: 08.10.2021).
5. Mantulenko V.V., Zotova A.S. Personal'nyj brend prepodavatelej vuzov v cifrovom prostranstve // Professional'noe obrazovanie i rynok truda. 2020. №4 (43). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/personalnyy-brend-prepodavateley-vuzov-v-tsifrovom-prostranstve (data obrashcheniya: 08.10.2021).
6. CHumikov A.N., Bocharov M.P. Svyazi s obshchestvennost'yu: teoriya i praktika. 2003. M.: Delo. 495 s.
7. Lukashenko M.A., Ozhgihina A.A. Imidzh prepodavatelya vuza: mneniya i prioritety studentov // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2019. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/imidzh-prepodavatelya-vuza-mneniya-i-prioritety-studentov (data obrashcheniya: 08.10.2021).
8. Gurtovenko O. M., Levkin G. G. Brend prepodavatelya vysshego uchebnogo zavedeniya // Osnovy EUP. 2014. №6 (18). [Elektronnyj resurs] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/brend-prepodavatelya-vysshego-uchebnogo-zavedeniya (data obrashcheniya: 08.10.2021).
9. Il'ina I.YU. Nauchno-pedagogicheskaya kar'era prepodavatelya vuza: pokazateli kar'ernogo rosta i motivaciya//Ekonomika obrazovaniya. 2020. № 2 (117). S. 51-58.

Author`s information

Ilina Irina Yurievna - doctor of economic sciences, Professor of the of the Department of organizational development, Russian State University for the humanities, Miusskaya sq. 6, Moscow, GSP-3, 125993, Russia

УДК 336.71

ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПОЛИТИКА И ИНВЕСТИЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАО «СБЕРБАНК РОССИИ»

Мандрон В.В., Будаев Н.С., Свиридов Д.Г.

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск

В статье проводится комплексное исследование инвестиционной деятельности ПАО «Сбербанк России» как одного из самых крупных игроков и институциональных инвесторов финансового рынка. Рассматривается состав банковских инвестиций, проводится анализ динамики и структуры формируемых банком инвестиционных портфелей. Исследуется инвестиционная стратегия ПАО «Сбербанк» на фондовом рынке, раскрываются факторы влияющие на его инвестиционную политику.

Ключевые слова: банковские инвестиции, доходность, диверсификация, инвестиционный портфель, инвестиционные риски, инвестиционные инструменты, ценные бумаги, фондовый рынок.

ПАО «Сбербанк России» осуществляет инвестиционную деятельность, которая характеризуется эффективностью вложений в ценные бумаги, и предполагает соблюдение принципов консервативной модели инвестирования – стабильная доходность и высокая надежность [3, с. 259]. Для достижения данной цели финансовый институт формирует портфель дохода, формируя свой инвестиционный портфель преимущественно из государственных, муниципальных и корпоративных долговых ценных бумаг, эмитентами которых выступает Правительство Российской Федерации, субфедеральные органы власти и иностранные государства.

На рисунке 1 представлена динамика общей величины активов банка и инвестиции в ценные бумаги.

Рисунок 1 – Объем вложений в ценные бумаги в активах ПАО «Сбербанк» за 2018-2020 гг., млрд. руб.

Большую долю в активных операциях ПАО «Сбербанк» занимают инвестиционные операции. Удельный вес вложений в ценные бумаги в общей сумме активов увеличился и составил: в 2018 году – 14,35%, в 2019 году – 11,6%, в 2020 году – 15,13%.

Модель инвестиционной деятельности ПАО «Сбербанк» предполагает вложения свободных денежных средств в инструменты фондового рынка с целью получения доходов в форме купонных выплат, дисконтов по ценным бумагам, положительного спрэда, связанного с ростом рыночной стоимости ценных бумаг, получения прав на участие в управлении деятельностью других экономических субъектов. Операции и сделки с ценными бумаги инве-

стиционного характера осуществляются ПАО «Сбербанк» по широкому спектру инструментов долгового и долевого рынка, связано это с тем, что на практике применяется европейская модель универсальности банковских организаций.

Важнейшие конъюнктурные показатели, характеризующие состояние российского финансового рынка в последние годы, определялись нестабильностью национальной экономики и геополитики, снижением активности внешнеторговой деятельности, спадом активности на инвестиционных рынках и нестабильностью денежно-кредитной политики Банка России. Принцип организации инвестиционной политики ПАО «Сбербанк» – повышение стоимости собственных акций и рост рыночной капитализации банка. Сформированность у банка диверсифицированного кредитного портфеля, в котором включены ценные бумаги, изменение справедливой стоимости которых отражается через счета прибылей и убытков; инвестиционные ценные бумаги, имеющиеся в наличии для продажи; инвестиционные ценные бумаги до погашения все это подтверждает что у банки большие перспективы инвестиционной политики. Гибкие инструменты включают в себя числящиеся на балансе у банка инвестиционные бумаги.

На рисунке 2 отражена динамика инвестиционных вложений банка в ценные бумаги.

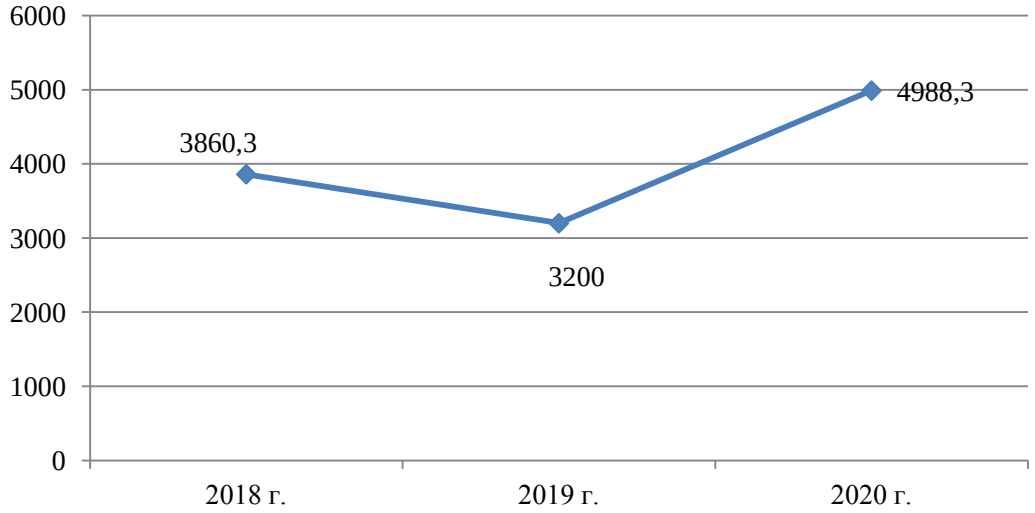

Рисунок 2 – Динамика инвестиций ПАО «Сбербанк» в ценные бумаги за 2018-2020 гг., млрд. руб.

В 2018 г. объем совокупного инвестиционного портфеля составил 3860,3 млрд. руб., в 2019 г. – 3 200,0 млрд. руб., в 2020 г. – 4 988,3 млрд. руб. За три года объем инвестиционного портфеля банка увеличился на 1 128,0 млрд. руб. (или 29,22%). Рост вложений в ценные бумаги вызвано тем, что финансовый институт в 2020 г. внес коррективы в организацию своей инвестиционной деятельности. Произошли изменения в структуре формируемых портфельных инвестиций, и банк значительно увеличил инвестиции в ценные бумаги, которые оцениваются по справедливой стоимости через прочий совокупный доход.

Нестабильность российской экономики и отношений на международной политической и экономической арене, общее ухудшение ситуации на финансовом рынке Российской Федерации внесло существенные коррективы в инвестиционную политику ПАО «Сбербанк» [1, с. 57].

Включение долговых ценных бумаг в состав инвестиционных портфелей возможно в течение неопределенного периода. Финансовый институт исключает ценные бумаги из инвестиционного портфеля в наиболее благоприятный момент, когда наблюдается рост рыночного курса. В таких условиях ПАО «Сбербанк России» учитывает все факторы, которые влияют на стоимость активов финансового рынка. К основным, факторам, которые банк учитывает при формировании инвестиционной политики, относятся: требования к высокой ликвидности ценных бумаг, изменение процентных ставок, волатильность курсов валют, рыночный курс ценной бумаги. До 01.01.2019 г. в совокупном инвестиционном портфеле ценных бумаг

ПАО «Сбербанк» находился портфель «ценные бумаги, предназначенные для продажи», с 2019 г. они отнесены в состав «ценные бумаги, оцениваемые по справедливой стоимости через прочий совокупный доход».

Ценные бумаги, удерживаемые банком до погашения имеют закрепленные сроки погашения. При этом такие бумаги приносят наибольшую доходность, но и риск по ним несколько выше. Определение их в соответствующую категорию банком происходит в момент их приобретения.

Ценные бумаги, изменение справедливой стоимости которых отражается через счета прибылей и убытков, включают ценные бумаги, которые были отнесены к этой категории при первоначальном признании, то есть, отнесены только те ценные бумаги, управление и оценка по справедливой стоимости осуществляется в соответствии с политикой банка по классификации портфелей ценных бумаг [2, с. 286].

В таблице 1 представлены данные по динамике и структуре инвестиционного портфеля банка.

Таблица 1 - Состав и структура инвестиционного портфеля ПАО «Сбербанк» за 2018 - 2020 гг. млрд. руб.

Портфель ценных бумаг	2018 г.		2019 г.		2020 г.	
	млрд. руб.	% от суммы	млрд. руб.	% от суммы	млрд. руб.	% от суммы
Ценные бумаги, оцениваемые по справедливой стоимости через прочий совокупный доход	2 966,4	76,84	2 494,3	77,95	4 135,5	82,91
Чистые вложения в ценные бумаги, оцениваемые по амортизационной стоимости	695,7	18,03	705,7	22,05	852,8	17,09
Ценные бумаги, учитываемые по справедливой стоимости через прибыль или убыток	198,2	5,13	-	-	-	-
Итого портфель ценных бумаг:	3 860,3	100,00	3200,0	100,00	4 988,3	100,00

Совокупный инвестиционный портфель банка представлен следующими видами: «ценные бумаги, оцениваемые по справедливой стоимости через прочий совокупный доход», «чистые вложения в ценные бумаги, оцениваемые по амортизационной стоимости», «ценные бумаги, учитываемые по справедливой стоимости через прибыль или убыток». Объем инвестиционного портфеля «ценные бумаги, оцениваемые по справедливой стоимости через прочий совокупный доход» в 2018 г. составил 2 966,4 млрд. руб., в 2019 г. – 2 494,3 млрд. руб., в 2020 г. – 4135,5 млрд. руб. За весь исследуемый период произошел рост вложений банком в ценные бумаги, учитываемых по справедливой стоимости, через прочий совокупный доход на 1 169,1 млрд. руб. или на 39,41%.

Чистые вложения банком в ценные бумаги, оцениваемые по амортизационной стоимости, также имеют положительную динамику. Так в 2018 г. объем вложений составил в данный инвестиционный портфель – 695,7 млрд. руб., в 2019 г. – 705,7 млрд. руб., в 2020 г. – 852,8 млрд. руб. За период с 2018 г. по 2020 г. инвестиции банка в данную категорию ценных бумаг увеличилось на 157,1 млрд. руб. или на 22,58%.

Объем инвестиций в ценные бумаги, учитываемые по справедливой стоимости через прибыль или убыток в 2018 г. составил 198,2 млрд. руб., в последующие годы Сбербанк не осуществлял вложений в состав данного инвестиционного портфеля. Наибольший удельный вес на протяжении всего анализируемого периода составляют вложения в портфель ценных бумаг «ценные бумаги, оцениваемые по справедливой стоимости через прочий совокупный доход» (2018 г. – 76,84%, 2019 г. – 77,95%, 2020 г. – 82,91%). Удельный вес чистых вложений в ценные бумаги, оцениваемые по амортизационной стоимости в 2018 г. составил 18,03%, 2019 г. – 22,05%.

На рисунке 3 представлена структура инвестиционного портфеля банка.

Рисунок 3 – Структура инвестиционного портфеля ПАО «Сбербанк» за 2020 год

По итогам 2020 г. ПАО «Сбербанк» сократил долю инвестиционных бумаг входящих в состав «чистые вложения в ценные бумаги, оцениваемые по амортизационной стоимости» в 2018 г. с 18,03% до 17,09% в 2020 г.. Увеличен удельный вес инвестиционного портфеля «ценные бумаги, оцениваемые по справедливой стоимости через прочий совокупный доход: с 76,84 % в 2018 г. до 82,91 % в 2020 г. Прирост данного портфеля связан с тем, что после 31.12.2018 банк исключил из состава портфеля «ценные бумаги, предназначенные для продажи» и перевел их в состав данного портфеля. Исходя из анализа качества инвестиционных параметров ценных бумаг входящих в состав инвестиционных портфелей банка, то модель инвестиционной деятельности банка направлена на формирование консервативной инвестиционной деятельности, и финансовый институт имеет долгосрочный запас ликвидности.

Вложения в российские государственные облигации занимают наибольший удельный вес. В 2018 году российские государственные ценные бумаги составляли в структуре анализируемого портфеля 1 419,1 млрд. руб., в 2019 г. – 1 597,8 млрд. руб., в 2019 г. – 3 453,7 млрд. руб. Удельный вес данной категории ценных бумаг в инвестиционном портфеле составил: 2018 г. – 47,83%; 2019 г. – 64,06%; 2020 г. – 83,52%.

С каждым годом Сбербанк наращивает объемы инвестиций в российские государственные ценные бумаги, выпущенные федеральными и муниципальными органами власти. Инвестиции в данный вид ценных бумаг имеют высокую степень надежности, так как государственные облигации имеют высокий уровень ликвидности, надежности и входят в систему льготного налогообложения. Министерство финансов РФ использует преимущественно данный инструмент для покрытия дефицита государственного бюджета и на без инфляционной основе.

Кроме этого, Сбербанк вкладывает и в другие активы долгового рынка ценных бумаг – корпоративные облигации крупнейших эмитентов, таких как ПАО «МобильныеТелеСистемы», ПАО «Лукойл», ОАО «РЖД» и многие другие. Объем инвестиций в корпоративные облигации российских эмитентов в 2018 г. составил 223,4 млрд. руб., в 2019 г. – 312,1 млрд. руб., в 2020 г. – 385,8 млрд. руб. Удельный вес данной категории ценных бумаг в структуре портфеля составил: 2018 г. – 7,53%; 2019 г. – 12,51%; 2020 г. – 9,33%.

ПАО «Сбербанк» инвестирует в облигации, еврооблигации банков и других финансовых организаций, корпоративные облигации иностранных компаний. Инвестиции в облигации, еврооблигации банков и других финансовых организаций в 2018 г. составили 298,2 млрд. руб., в 2019 г. – 290,1 млрд. руб., в 2020 г. – 232,1 млрд. руб. Удельный вес инвестиций в данные инструменты относительно структуры рассматриваемого инвестиционного портфеля составил: 2018 г. – 10,05%, 2019 г. – 11,63%, 2020 г. – 5,62%.

Финансовые инструменты, входящие в состав инвестиционного портфеля банка, имеют разную купонную доходность. Российские государственные облигации имели в 2020 г. доход от 1,13% до 12,75%. Купонный доход корпоративных облигаций российских эмитен-

тов в 2020 г. от 2,20% до 12,10%. Доход по облигациям, еврооблигациям банков и других финансовых организаций от 3,85% до 9,76%.

В состав инвестиционного портфеля «ценные бумаги, оцениваемые по справедливой стоимости через прочий совокупный доход» входят облигации Банка России, в 2018 г. Сбербанком было инвестировано 189,2 млрд. руб., в 2019 г. – 249,2 млрд. руб., в 2020 году данные ценные бумаги были исключены из состава инвестиционного портфеля. Купонная доходность данной категории ценных бумаг была относительно высокой: 2018 г. – 7,75, 2019 г. – 6,25%.

В составе инвестиционного портфеля находятся и другие долговые ценные бумаги выпущенные субъектами РФ, иностранными государствами и корпорациями.

За анализируемый период произошло увеличение инвестиционного портфеля «чистые вложения в ценные бумаги и иные финансовые активы, оцениваемые по амортизационной стоимости». В состав данного портфеля входят исключительно долговые ценные бумаги различных российских и иностранных эмитентов.

С 01.01.2019 г. чистые вложения, в ценные бумаги, удерживаемые до погашения, вошли в состав чистых вложений в ценные бумаги и иные финансовые активы, оцениваемые по амортизационной стоимости. На протяжении всего анализируемого периода наибольший удельный вес принадлежит корпоративным облигациям российских эмитентов: 2018 г. – 510,7 млрд. руб., 2019 г. – 350,2 млрд. руб., 2020 г. – 350,8 млрд. руб. В 2018 г. они занимали 73,41% в структуре инвестиционного портфеля данной категории, в 2019 г. – 49,63%, в 2020 г. – 41,14%.

С 2019 года ПАО «Сбербанк» включает в состав портфеля еврооблигации таких компаний как ТНК-ВР, ПАО «АК «Транс-нефть», ПАО «ВымпелКом», ПАО «Лукойл». Облигации этих компаний принесли высокий купонный доход, не меняющийся в течении длительного времени, так как валюта достаточно устойчива [5].

Для банка как для консервативного инвестора при вложениях в корпоративные облигации имеется широкий набор преимуществ:

– купонная доходность известна заранее;

– информация по активам эмитента прозрачна и доступна;

– высокая надёжность инвестиций в сравнении с долевыми ценными бумагами.

В облигации субъектов РФ в 2018 г. ПАО «Сбербанком» было направлено 150,9 млрд. руб., в 2019 г. – 166,7 млрд. руб., 2020 г. – 234,2 млрд. руб. С каждым годом финансовый институт наращивал объем вложений в облигации субъектов РФ. Формируемые портфели ценных бумаг банка на 98,0% представлены долговыми инструментами, которые показывают качественный риск-профиль и, в основном, используется для управления ликвидностью. Наибольшую долю в портфеле ценных бумаг банка занимают облигации федерального займа (ОФЗ) выпускаемые Министерством РФ, для покрытия дефицита государственного бюджета на без инфляционной основе. Банк при диверсификации своего портфеля осуществляет выход на новые сегменты рынка ценных бумаг. При этом, важным фактором является то, что основная часть приобретаемых ценных бумаг входят в Ломбардный список Банка России, что дает банку широкие возможности при рефинансировании в Банк России в случае непредвиденных ситуаций.

Таким образом, инвестиционную деятельность Сбербанка России на в целом можно назвать достаточно эффективной, несмотря на нестабильное положение экономики и финансовой отрасти в 2020 г. на фоне объявленной ВОЗ пандемии «Covid-19» и реализуемой Банком России направлений денежно-кредитной политики.

В структуру инвестиционных операций ПАО «Сбербанк» входят прямые инвестиции в дочерние и зависимые организации (рис. 4).

В 2018 г. инвестициям в дочерние и зависимые организации принадлежало 803,4 млрд. руб., в 2019 г. – 752,0 млрд. руб., в 2020 г. – 776,7 млрд. руб. За период 2018-2020 гг. произошло на 26,7 млрд. руб. или на 3,23% снижение объемов инвестиций ПАО «Сбербанк» в данную категорию инвестиционных активов.

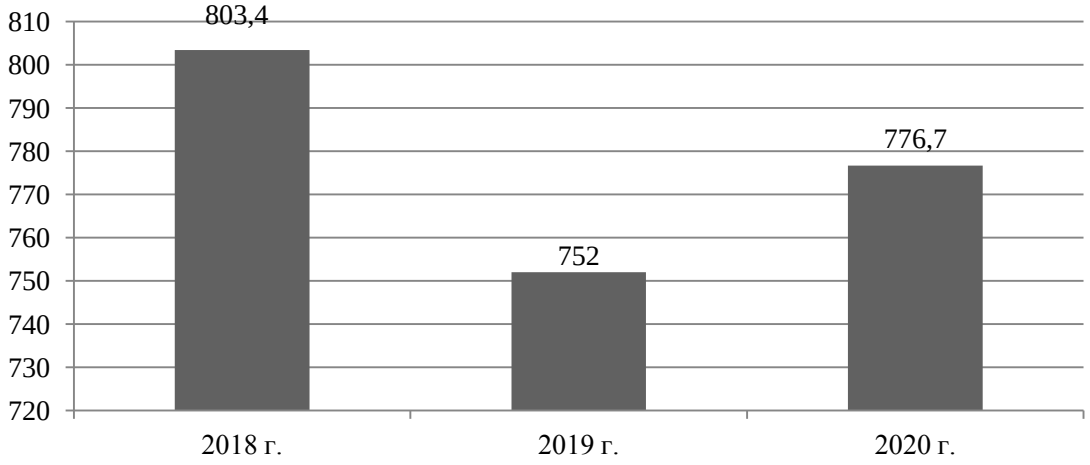

Рисунок 4 – Динамика инвестиций ПАО «Сбербанк» в дочерние и зависимые организации за 2018-2020 гг., млрд. руб.

Кредитная организация инвестирует в различные отросли экономики: цифровые технологии, финансы и страховая деятельность, недвижимость, профессиональная деятельность на рынке ценных бумаг, научная, техническая деятельность, предоставление прочих услуг.

Сбербанк выступает крупнейшим финансовым посредником на денежном и рынке капиталов. Несмотря на то, что традиционно основным доходным активом коммерческого банка выступает ссудная задолженность, доходные вложения в ценные бумаги и финансовые инструменты также формируют определенную долю доходов ПАО «Сбербанк». Диверсифицированное и эффективное проведение инвестиционных вложений, соблюдение основополагающих принципов модели инвестиционной деятельности влияет на результаты банковской деятельности как одного банка, так и банковского сектора в целом.

На рисунке 5 отражен чистый доход ПАО «Сбербанк» от операций с финансовыми активами, оцениваемыми по справедливой стоимости через прибыль или убыток. В 2018 г. доход портфеля составил 68 790,1 млн. руб., в 2019 г. банком был сформирован отрицательный финансовый результат (-903,9) млн. руб. В 2020 г. убыток при переоценки ценных бумаг входящих в состав данного портфеля составил (-88 731,1) млн. руб.

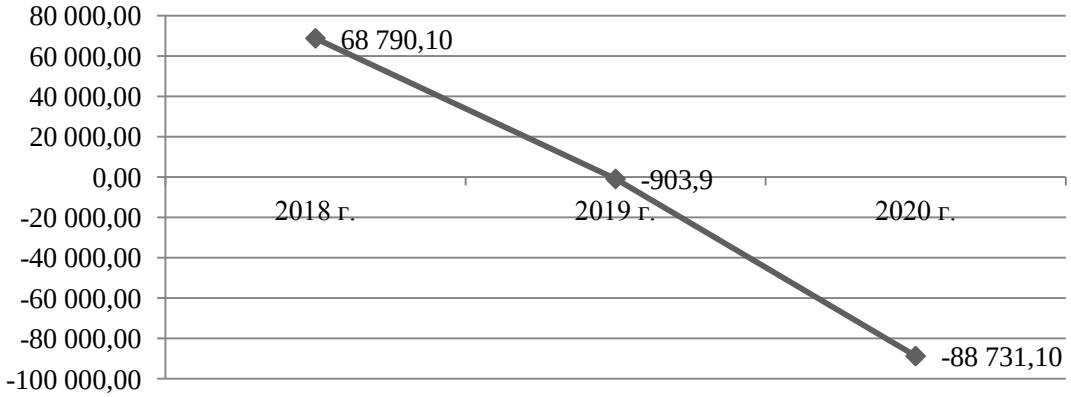

Рисунок 5 – Чистый доход от операций с финансовыми активами, оцениваемыми по справедливой стоимости через прибыль или убыток в ПАО «Сбербанк» за 2018-2020 гг., млн. руб.

На рисунке 6 отражен финансовый результат банка по формируемому инвестиционному портфелю «чистые доходы от операций с ценными бумагами, оцениваемыми по справедливой стоимости через прочий совокупный доход».

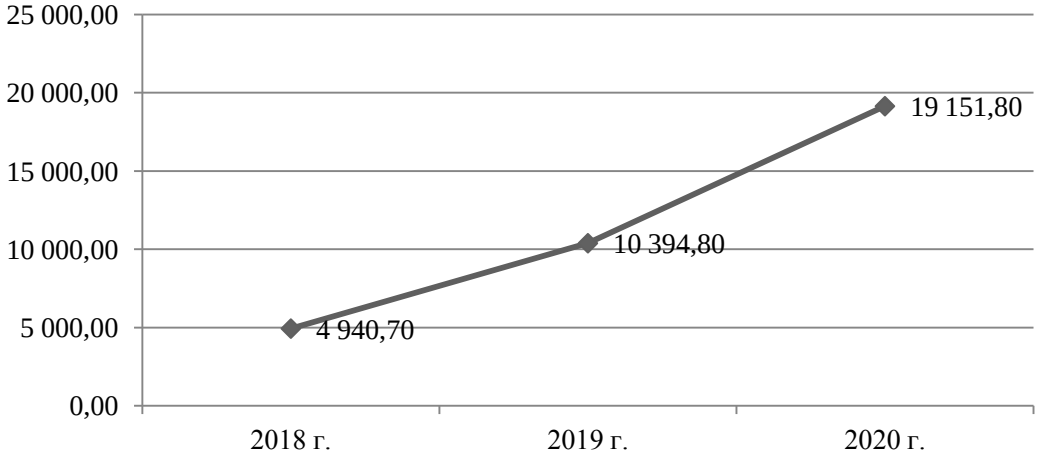

Рисунок 6 – Чистый доход ПАО «Сбербанк» от операций с ценными бумагами, оцениваемыми по справедливой стоимости через прочий совокупный доход за 2018-2020 гг., млн. руб.

В 2018 г. банком было заработано прибыли от ценных бумаг, входящих в состав инструментов оцениваемых по справедливой стоимости через прочий совокупный доход 4 940,7 млн. руб., в 2019 г. – 10 394,8 млн. руб., в 2020 г. – 19 151,8 млн. руб., С каждым годом банк наращивает доход по данной категории инвестиционного портфеля.

На рисунке 7 отражен финансовый результат от операций с ценными бумагами, оцениваемыми по амортизационной стоимости.

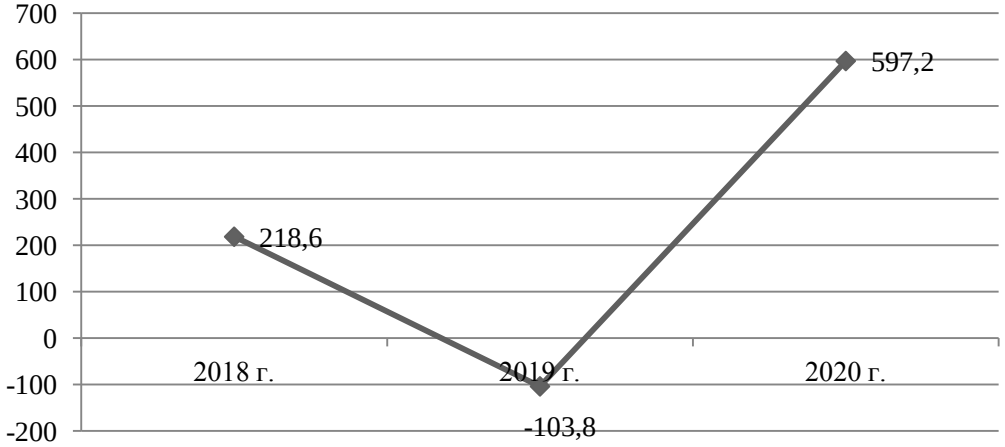

Рисунок 7 – Чистый доход ПАО «Сбербанк» от операций с ценными бумагами, оцениваемыми по амортизационной стоимости, за 2018-2020 гг., млн. руб.

В 2018 г. и 2020 г. банком была сформирована прибыль по операциям с ценными бумагами, которые оцениваются по амортизационной стоимости 218,6 млн. руб. и 597,2 млн. руб., соответственно. В 2019 г. ПАО «Сбербанк» от владения ценными бумагами, входящими в данную категорию инвестиционного портфеля имел убыток (-103,8) млн. руб.

ПАО «Сбербанк» был получен значительный убыток по операциям с финансовыми активами, оцениваемыми по справедливой стоимости через прибыль или убыток в 2019 г. и 2020 г.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что рост портфеля ценных бумаг для продажи свидетельствует о долгосрочном запасе ликвидности в ПАО «Сбербанк России». Портфель ценных бумаг банка в 2020 году на 97,2 % представлен долговыми инструментами, которые показывают качественный риск-профиль и, в основном, используется для управления ликвидностью [4, с. 210].

Основная часть вложений банком в ценные бумаги представлена такой группой активов как «ценные бумаги, оцениваемые по справедливой стоимости через прочий совокупный

доход». Наиболее существенным фактором роста торговых доходов от операций с ценными бумагами в 2021 г. является повышение рыночной доходности облигаций, связанное со стабилизаций экономической обстановки, что повышает стоимость портфеля долговых ценных бумаг, которые составляют 96,2% совокупных инвестиций Группы в ценные бумаги.

Список литературы

1. Мандрон В.В., Летяго Е.С. Механизм организации инвестиционной деятельности в коммерческом банке // Экономика. Социология. Право. 2019. №2 (14). С.57-63.

2. Мандрон В.В., Катрущенко В.С., Козыркина Н.Н. Механизм формирования ресурсной базы банковского сектора Российской Федерации // Финансовая экономика,.2019. №7. С. 286-290.

3. Савинова Е.А., Ковалерова Л.А. Стимулирующее банковское регулирование // Наука и бизнес: пути развития, 2019. №11. С. 259-261.

4. Савинова Е.А., Ковалерова Л.А. Оценка влияния ликвидации банков на состояние банковского сектора и экономики России // Вопросы региональной экономики, 2020. №2 (43). С. 210-217.

5. ПАО «Сбербанк России» [официальный сайт]. – Текст: электронный. – URL: https://sberbank.ru/ (дата обращения: 01.11.2021).

Сведения об авторах

Мандрон Виктория Валериевна – кандидат экономических наук, доцент Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, mandron.v@yandex.ru

Будаев Никита Сергеевич – студент 2 курса, направления подготовки Экономика, профиль Финансы в банковской сфере (уровень магистратуры), kitchennikita@yandex.ru

Свиридов Дмитрий Геннадьевич – студент 2 курса, направления подготовки Экономика, профиль Финансы в банковской сфере (уровень магистратуры), sdg032@mail.ru

UDK 336.71

INVESTMENT POLICY AND INVESTMENT ACTIVITY SBERBANK OF RUSSIA PJSC

Mandron V.V., Budaev N.S., Sviridov D.G.

Bryansk State University named after Academician I. G. Petrovsky, Bryansk

The article provides a comprehensive study of the investment activity of PJSC Sberbank of Russia as one of the largest players and institutional investors in the financial market. The composition of bank investments is considered, the dynamics and structure of investment portfolios formed by the bank are analyzed. The investment strategy of Sberbank PJSC on the stock market is investigated, the factors influencing its investment policy are revealed.

Keywords: bank investments, profitability, diversification, investment portfolio, investment risks, investment instruments, securities, stock market.

References

1. Mandron V.V., Letyago E.S. The mechanism of organization of investment activity in a commercial bank // Economy. Sociology. Right. 2019. №2 (14). S. 57-63.

2. Mandron V. V. Atroshchenko, V. S., N. Kozyrin.N. The mechanism of formation of the resource base of the banking sector of the Russian Federation // Financial Economics.2019. No. 7. P. 286-290.

3. Savinova E. A., Kovalerova L.A Stimulating the banking regulation // Science and business: ways of development, 2019. No. 11. P. 259-261.

4. Savinova E.A., Kovalerova L.A. Assessment of the impact of bank liquidation on the state of the banking sector and the Russian economy // Issues of Regional Economy, 2020. No.2 (43). pp. 210-217.

5. Sberbank of Russia PJSC [official website]. - Text: electronic. - URL: https://sberbank.ru

/ (accessed: 01.11.2021).

Author`s information

Mandron Viktoria Valerievna – candidate of economic Sciences, associate Professor of Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky, mandron.v@yandex.ru

Budaev Nikita Sergeevich- 2nd year student, Economics, profile Finance in Banking (Master's degree level), kitchennikita@yandex.ru

Sviridov Dmitry Gennadievich - 2nd year student, Economics, Finance in Banking (Master's degree level), sdg032@mail.ru

УДК 332.08

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ПЕРМСКОГО КРАЯ (ОТ РОБОТИЗАЦИИ ДО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА)

Рожков Е.В.

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

В статье рассматриваются вопросы по необходимости перехода промышленности региона от использования роботизированных систем к системам применяемых искусственный интеллект. Цель работы заключается в определении промышленности региона создавать не только современные технические устройства в виде роботов, но и беспилотную технику, а также технические устройства на основе искусственного интеллекта. В современной экономике и промышленности, переход от использования роботизированных систем и использования роботов до применения искусственного интеллекта пройдёт совсем немного времени, тем более при необходимости конкурировать с другими странами. Применение искусственного интеллекта как промышленными предприятиями, так и государственными и муниципальными структурами это не завтрашнее будущее, а сегодняшняя реальность. В городе Перми имеется ряд производственных компаний, которые готовы производить продукцию ИИ с учётом определённой поддержки от государства в виде снижения налогов, возможности создания учебных центров по обучению новым профессиям в сфере ИИ.

Ключевые слова: цифровизация, роботизация, робот, искусственный интеллект, промышленность.

Если к современным исследованиям развития будущего можно было бы применить философские изречения древних греков о пророчествах Кассандры, то, наиболее приемлемым анализом современного использования новых технологий, которые ориентированы на будущее будет считаться, и считается метод FTA (future-oriented technology analysis) [21; 22; 23]. И одним из направлением которого, является «Прогнозирование», которое в свою очередь имеет длительную историю. Задачей такого направления заключается в том, чтобы посредством сложных приёмов экстраполяции тенденций или системного анализа и моделирования предложить точный и количественный прогноз вероятного будущего [2]. Также, учёными применяется такой метод, как - «Форсайт», который предполагает предвидение будущего и содействие участникам его формирования.

В своей работе всё большее количество организаций и компаний проводят современные технологические изменения. А для их решений учёными предлагается идея цифровизации бизнес – логики, что должно привести к уменьшению человеческого фактора. Цифровизация бизнес - логики в отличие от ERP-систем подразумевает автоматизацию на основе нейронных алгоритмов, представляющих возможность самостоятельной выработки методик решения возникающих проблем без участия людей. Следовательно, перед процессами по цифровизации ставится задача на основе искусственного интеллекта высвободить ресурсы участников рынка для дальнейшего развития [14, С. 81].

Изучением технологических преобразований в промышленности в современных (цифровых) условиях занимались: Болотов А.М.[1], Дубровский В.Ж. [3], Миролюбова Т.В.[8], Мокроносов А.Г. [9], Орехова С.В. [10; 12], и др.

Такие экономисты, как Орехова С.В., считают, что в стране меньше внимания уделяется модернизации традиционных отраслей промышленности, составляющих экономическую основу индустриальных регионов [11].

Также, необходимо учитывать, что одна из функций прав собственности состоит в том, чтобы давать стимулы для большей интернализации экстерналий. А по теории кейнсианства следует агрегирование либерализма классиков, что государственное регулирование экономики есть ни что иное как необходимость в сложных условиях [18].

Цифровизация не более чем следствие когнитивной творческой активности субъекта познания в пределах психического сопереживания и осмысления свободы и страха. Как бы ни были абстрагированы понятия «цифровизация» или «искусственный интеллект», они антропоцентричны по своей сути [7, С. 148].

Цель работы заключается в определении промышленности региона создавать не толь-

ко современные технические устройства в виде роботов, но и беспилотную технику, а также технические устройства на основе искусственного интеллекта.

Например, Концепция развития цифровой экономики Пермского края предполагает наличие серьёзных налоговых льгот для компаний IT-отрасли (1,1 % - налог на имущество; 0% - налог для собственников имущества IT-технопарка) и широкого использования современных информационно-коммуникационных технологий в региональном управление и управлении на уровне муниципальных образований. Концепция цифровизации Пермского края складывается из двух направлений, это – предложение и спрос. Предложение на использование информационно-коммуникационных технологий будут формировать компании IT-отрасли, осуществляющих свою деятельность в области информационных технологий и т.д. Спрос на информационные продукты будет формироваться жителями, органами местного самоуправления, государственными структурами и бизнес - структурами. На территории города Перми находятся два IT-технопарка, это: ООО «Морион Диджитал» (основные резиденты: АО «ЭР-Телеком Холдинг» - федеральный телеком-оператор и ПАО «Морион» - производитель автономных сервисных роботов «Promobot») и ООО «Технопарк Пермь» [16].

Кроме того, в Пермском крае создаётся «Цифровая долина» в виде фонда, который в свою очередь сможет объединить не только производственные мощности, но и экспертов для развития лучших проектов в IT-сфере.

В городе Перми производятся двигатели для современного российского самолёта SSJ-100, производится оборудование для российских вертолётов и руководству городских предприятий вполне по силам организовать совместную работу с учёными и частными IT-компаниями по созданию общественного транспорта нового поколения - летательных гибридных аппаратов (рис. 1) и беспилотных автомобилей (рис. 2).

Рисунок 1 – Беспилотный летательный транспорт

Беспилотные автомобили разрабатываются во всём мире и если модели уровня L 1-3, уже эксплуатируются и местные органы власти озабочены предоставлением парковочных мест, то модели L-4 и L-5 на стадии проектирования и производства [19, С. 336].

Рисунок 2 – Беспилотный автомобиль

Пермская компания «Промобот» разработала человекоподобных роботов, которые уже сегодня трудятся во многих странах мира в качестве администраторов, консультантов, гидов и консьержей. «Promobot Robo-C» созданный в Перми, является одной из немногочисленных роботов-компаньонов с человеческой внешностью. Он может копировать человеческие эмоции. Лицо робота состоит из 18 движущихся частей, что позволяет ему двигать глазами, бровями и губами.

Рисунок 3 - Производство роботов

Компания разрабатывает также роботов для бизнеса (рис. 4). Promobot V.4 умеют распознавать лица и речь, передвигаются сами и не нуждаются в контроле со стороны человека.

«Промоботы» сегодня работают в 43 странах мира.

Рисунок 4 - Роботы для бизнеса

В аэропорту города Перми, компанией «Промобот» установлен робот, который может проверять QR-коды (у привитых от «коронавируса»). Система искусственного интеллекта интегрирована с порталом «Госуслуг».

Человекоподобные роботы способны заменить сотрудников компаний в рутинных операциях. А это, в свою очередь говорит о возможности применения искусственного интеллекта на пользу людям (рис. 5).

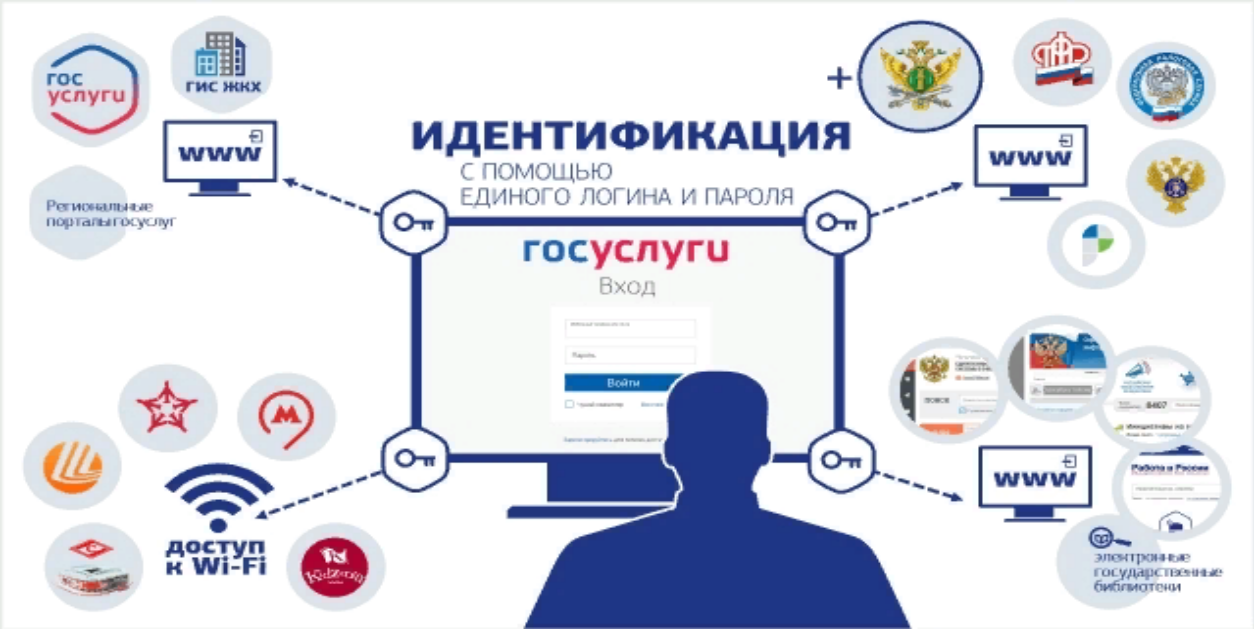

Рисунок 5 - Возможность применения искусственного интеллекта

К 2025 году планируется создание единой цифровой системы позволяющей гражданам получить полную информацию о доступных мерах государственной поддержки и оформить социальные выплаты он-лайн. В рамках первого этапа проекта российские ИТ-компании «САТЕЛ» и «Ростелеком» совместно создают цифровой продукт для приёма обращений в социальные службы. Информационная система «Единый контакт-центр» (ИС ЕКЦ) — полностью российская разработка компании «САТЕЛ». Она объединяет автоматизированные рабочие места операторов, систему управления взаимоотношениями с клиента-

ми (CRM), интерактивное голосовое меню (IVR), личные кабинеты граждан и автономные боты, способные распознавать речь. Звонки, поступающие по всей стране в профильные государственные учреждения, переадресуются на единую линию. По общим вопросам наравне с операторами консультации дает робот «Яна». Быстро обрабатывать обращения ей позволяет интегрированная в ЕКЦ база знаний. В период проведения опытной эксплуатации системы в нескольких регионах России голосовые роботы и чат-боты обрабатывали в среднем 18% входящих запросов.

Благодаря встроенным алгоритмам искусственного интеллекта продукт способен оперативно принимать и распределять обращения граждан в реальном времени. Решение оснащено функцией автоматического обзвона и информирования, а также возможностью записи отложенных и пропущенных заявок для последующей подготовки ответа. Время дозвона составляет не более одной минуты. В случае увеличения потока обращений выводятся резервные группы операторов. Новая платформа объединит информационные системы Министерства труда, ПФР, ФСС, Федеральной службы по труду и занятости (Роструд) и учреждений медико-социальной экспертизы. Она будет проактивно информировать граждан о доступных мерах социальной поддержки.

В Пермском крае работают несколько предприятий в области наноиндустрии (табл. 1)[15].

Таблица 1 - Предприятия Пермского края производящие товары и услуги, относящиеся к продукции наноиндустрии*

№ п/п	Наименование отрасли	Наименование предприятия	Форма собственности
1	2	3	4
1	машиностроение	ЗАО «Новомет-Пермь»	частная
2	машиностроение	ЗАО «Пермская компания нефтяного машиностроения»	частная
3	машиностроение	ОАО «ПНППК»	частная
4	машиностроение	ФГБУ «ВПО «ПНИПУ»	государственная
5	машиностроение	ООО «Фирма «Радиус-Сервис»	частная

* Источник: составлено по [15].

В таблице 1 представлены данные по предприятиям Пермского края, работающих в наноиндустрии.

Автором статьи проанализирована информация данных статистики Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю предприятий (форма № 4-инновация) за 2014 - 2019 годы и представлены в таблице 2 количество организаций занимающихся научными исследованиями и разработками.

Таблица 2 - Число организаций, выполнявших научные исследования и разработки в Пермском крае в 2014 - 2019 г.г.* [13]

Наименование показателя	Год					
	2014	2015	2016	2017	2018	2019
1	2	3	4	5	6	7
Число организаций – всего	44	71	68	65	66	67

* Источник: составлено по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю [13].

Как видно из таблицы 2, с 2016 по 2019 годы, количество предприятий, занимающихся научными исследованиями и разработками в регионе в основном не менялось и составляло от 65 до 68. В 2015 году количество предприятий было максимальным за последние годы - 71. В 2019 году количество предприятий – 67 (на 52,4% больше чем в 2014 году).

Данные по числу организаций, связанных с нанотехнологиями и количеству исследователей в данной области в регионе за 2015 - 2019 годы представлены в таблице 3.

Таблица 3 - Исследования и разработки, связанные с нанотехнологиями в Пермском крае в 2015-2019 гг.* [13]

№ п/п	Показатель	Год				
		2015	2016	2017	2018	2019
1	2	3	4	5	6	7
1	Число организаций, выполнявших исследования и разработки, связанные с нанотехнологиями	7	5	5	5	5
2	Численность исследователей, выполнявших исследования и разработки, связанные с нанотех- нологиями, человек	153	263	190	165	173

* Источник: составлено по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю [13].

Как видно из таблицы 3, количество организаций, выполнявших исследования и количество исследователей, занимающихся разработками в данной области уменьшилось. Число организаций в последние годы (2016 - 2019 годы) в количестве 5 штук, меньше чем в 2015 году (7 шт.). Количество исследователей в 2019 году составило 173 человека, это меньше на 9%, чем в 2017 году, и меньше на 34%, чем в 2016 году.

Сегодня, во время кризиса в экономике - бизнес нуждается в помощи административного ресурса и поддержке государства [6]. Также, по мнению Лучникова А.С., для создания точек роста в промышленности региона, необходимо применять инструменты государственной поддержки [5].

Необходимость преобразования существующего порядка финансовой помощи промпредприятиям Пермского края сегодня видна и промышленникам и экономистам и предпринимателям, т.к. без государственной поддержки, даже под 1 - 2 % годовых, эти предприятия не только не смогут конкурировать на рынках со своей выпускаемой продукцией, но и не смогут продолжать хозяйственную деятельность. Т.е. необходимо выделять финансовую поддержку на более лояльных условиях, чем существуют на сегодняшний момент [17].

Принято считать, что с технологией искусственного интеллекта связывают будущие успехи. Искусственный интеллект развивается ускоренно и поступательно в рамках первоначального замысла создателей с высокой степенью свободы [20, С. 101].

В 2020 году, в нашей стране, был утверждён федеральный проект «Искусственный интеллект», в котором прописана необходимость поддержки научных исследований, создание комплексной системы правового регулирования, разработки и развития программного обеспечения, повышения доступности и качества данных, роста обеспеченности кадрами и повышения уровня информированности людей (как потребителей продукции) [4, С. 14].

В современной экономике и промышленности, переход от использования роботизированных систем и использования роботов до применения искусственного интеллекта пройдёт совсем немного времени, тем более при необходимости конкурировать с другими странами. Но здесь, необходимо учитывать такой момент, как востребованная помощь от государства, которая должна заключаться как в создании учебных центров и профессий в данной области (ИИ), создания благоприятных экономических условий для производственных компаний (в т.ч. снижения подоходного налога, налога на землю и промышленные объекты, снижения социальных налогов и т.д.).

Список литературы

1. Болотов А.М. Развитие информационных и коммуникационных технологий в Пермском крае как предпосылка формирования цифровой экономики // Современная торговля: теория, практика, инновации. Материалы IX всероссийской (с международным участием) научно - практической конференции. Пермь. 2020. С. 3 - 9.

2. Джонстон Р. Анализ технологий, ориентированный на будущее: «проблема Кассандры» // Форсайт. 2011. Т. 5. № 2. С. 58-64.

3. Дубровский В.Ж., Иванова Е.М. Инегрированная A-S-G-модель как этап эволюции

систем управления инновационными процессами на промышленном предприятии // Управленец. 2017. № 5 (69). С. 10 – 17.

4. Лексин В.Н. Искусственный интеллект в экономике и политике нашего времени. Статья 3. Искусственный интеллект в государственной политике России и зарубежных стран// Российский экономический журнал. 2020. № 6. С. 3-32.

5. Лучников А.С., Николаев Р.С. Основные элементы и особенности территориальной организации промышленного комплекса Пермского края // Учебные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. География. Геология. 2017. Том. 3 (69). № 3. Ч. 2. С. 102 – 114.

6. Мальцев А.А., Мальцева В.А. Средние промышленные предприятия регионов Урала: специфика развития и проблемы роста // Journal of New Economy. 2019. Т. 20. № 3. С. 65 – 82.

7. Мамонов М.А. Процесс цифровизации в пределах существования свободы и страха // Гуманитарный научный вестник. 2021. № 5. С. 146-149.

8. Миролюбова Т. В., Суханова П. А. Особенности создания организованного кластера информационно – коммуникационных технологий в Пермском крае. Вестник Пермского университета. Серия «Экономика». 2013. № 4 (19). С. 74 - 80.

9. Мокроносов А.Г., Анисимов А.В. Совершенствование институциональной среды стратегического проектирования нематериальных активов территории // Труды ВЭО России. Т. 215. 2019. № 1. С. 239 - 263.

10. Орехова С.В., Кузьмин Е.А., Ярошевич Н.Ю. Новая промышленная политика в условиях развития технологических платформ // Материалы IV Всероссийского симпозиума по региональной экономике. Екатеринбург, 03 - 04 октября 2017 года. С. 78 - 83.

11. Орехова С.В. Особенности и проблемы политики новой индустриализации в металлургическом комплексе // В сборнике: Экономическое, социальное и духовное обновление как основа новой индустриализации России. Сборник научных трудов IV уральских научных чтений профессоров и докторантов общественных наук. 2017. С. 74 – 77.

12. Орехова С.В. Технологические платформы и новая промышленная политика в России // JOURNAL OF ECONOMIC REGULATION (Вопросы регулирования экономики). 2017. Том 8. № 4. С. 6 - 19.

13. Пермьстат, статотчётность 2020 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю. / w.w.w. permstat.gks.ru (дата обращения: 09.11.2021).

14. Пономарев С.В. Экосистема цифрового производства // Калужский экономический вестник. 2019. № 3. С. 81-84.

15. Рожков Е.В. Инновационная деятельность промышленных предприятий (на примере Пермского края) // Инновации. 2017. № 4. С. 114-120.

16. Рожков Е.В. Особенности цифровизации российского региона и его столицы (кейс Пермского края) // Вестник Челябинского государственного университета 2021. № 3(449). Экономические науки. Вып. 72. С. 275-283.

17. Рожков Е.В. Отношение современных институтов управления и развития к промышленным предприятиям (на примере Пермского края) // Актуальные проблемы экономики и менеджмента. 2021. № 1(29). С. 85-96.

18. Рожков Е.В. Применение теории экономики права к процессам приватизации государственного имущества // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2015. № 3. С. 85-91.

19. Сазонов С.Л. Китай – мировой лидер в области инновационных технологий беспилотного вождения? // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2020. Т. 25. № 25. С. 333-348.

20. Шевцова Г.А., Батищев С.А. Искусственный интеллект: системная машина или эквивалент биологической системы // МАШИНЫ. ЛЮДИ. ЦЕННОСТИ: КОГНИТИВНЫЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ СИСТЕМЫ В ПОТОКЕ ВРЕМЕНИ. Материалы II международной

научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения доктора философских наук, профессора С.М. Шалютина. Курск, 2021. С. 101-103.

21. Johnston R. Historical Review of the Development of Future-Oriented Technology Analysis // Cagnin C. et. al. (eds.) Future-Oriented Technology Analysis: Strategic Intelligence for an Innovative Economy. Berlin: Springer. 2008. P. 1.

22. Miles I. From Futures to Foresight // Georghiou L. et al. (eds.) The Handbook of Technology Foresight. Cheltenham: Edward Elgar. 2008. P. 1.

23. Slaughter R. The State of Play in the Futures Field (SOPIFF). Report to the Foundation for the Future. October. Seattle, WA. 2007. P. 1.

Сведения об авторе

Рожков Евгений Викторович - аспирант кафедры экономики предприятий ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет», г. Екатеринбург, e-mail: erozhkov00@bk.ru

UDK 332.08

PROSPECTS FOR THE INDUSTRY OF THE PERM TERRITORY (FROM ROBOTIZATION TO ARTIFICIAL INTELLIGENCE)

Rozhkov E.V.

Ural State University of Economics, Ekaterinburg

The article discusses the issues of the need for the transition of the region's industry from the use of robotic systems to systems used by artificial intelligence. The purpose of the work is to determine the industry of the region to create not only modern technical devices in the form of robots, but also unmanned vehicles, as well as technical devices based on artificial intelligence. In the modern economy and industry, the transition from the use of robotic systems and the use of robots to the use of artificial intelligence will take very little time, especially if it is necessary to compete with other countries. The use of artificial intelligence by both industrial enterprises and state and municipal structures is not tomorrow's future, but today's reality. In the city of Perm, there are a number of manufacturing companies that are ready to produce AI products, taking into account some support from the state in the form of tax cuts, the possibility of creating training centers for training new professions in the field of AI.

Key words: digitalization, robotization, robot, artificial intelligence, industry.

References

1. Bolotov A.M. Development of information and communication technologies in the Perm region as a prerequisite for the formation of a digital economy // Modern trade: theory, practice, innovations. Materials of the IX All-Russian (with international participation) scientific and practical conference. Permian. 2020.S. 3 - 9.

2. Johnston R. Future-oriented technology analysis: “Cassandra's problem” // Foresight. 2011. T. 5. No. 2. S. 58-64.

3. Dubrovsky V.Zh., Ivanova E.M. An integrated A-S-G-model as a stage in the evolution of systems for managing innovative processes at an industrial enterprise // Manager. 2017. No. 5 (69). S. 10 - 17.

4. Leksin V.N. Artificial intelligence in the economics and politics of our time. Article 3. Artificial intelligence in the state policy of Russia and foreign countries // Russian economic journal. 2020. No. 6. P. 3-32.

5. Luchnikov A.S., Nikolaev R.S. The main elements and features of the territorial organization of the industrial complex of the Perm Territory // Textbooks of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Geography. Geology. 2017. Vol. 3 (69). No. 3. Part 2. P. 102 - 114.

6. Maltsev A.A., Maltseva V.A. Medium industrial enterprises in the regions of the Urals: the specifics of development and growth problems // Journal of New Economy. 2019.Vol. 20.No. 3.P. 65 - 82.

7. Mamonov M.A. The process of digitalization within the limits of the existence of freedom

and fear // Humanitarian scientific bulletin. 2021. No. 5. S. 146-149.

8. Mirolyubova TV, Sukhanova PA Features of the creation of an organized cluster of information and communication technologies in the Perm region. Perm University Bulletin. Series "Economics". 2013. No. 4 (19). S. 74 - 80.

9. Mokronosov A.G., Anisimov A.V. Improving the institutional environment for the strategic design of intangible assets of the territory // Proceedings of the VEO of Russia. T. 215.2019.No. 1.P. 239 - 263.

10. Orekhova S.V., Kuzmin E.A., Yaroshevich N.Yu. New industrial policy in the context of the development of technological platforms // Proceedings of the IV All-Russian Symposium on Regional Economics. Yekaterinburg, 03 - 04 October 2017. S. 78 - 83.

11. Orekhova S.V. Features and problems of the policy of new industrialization in the metallurgical complex // In the collection: Economic, social and spiritual renewal as the basis of the new industrialization of Russia. Collection of scientific works of the IV Ural scientific readings of professors and doctoral students of social sciences. 2017.S. 74 - 77.

12. Orekhova S.V. Technological platforms and new industrial policy in Russia // JOURNAL OF ECONOMIC REGULATION. 2017.Vol. 8.No. 4.P. 6 - 19.

13. Permstat, statistical reporting 2020 [Electronic resource] // Official site of the Territorial body of the Federal State Statistics Service in the Perm Territory. / w.w.w. permstat.gks.ru (date of access: 09.11.2021).

14. Ponomarev S.V. Ecosystem of digital production // Kaluga Economic Bulletin. 2019.No. 3.P. 81-84.

15. Rozhkov E.V. Innovative activity of industrial enterprises (on the example of the Perm Territory) // Innovations. 2017. No. 4. S. 114-120.

16. Rozhkov E.V. Features of digitalization of the Russian region and its capital (the case of the Perm Territory) // Bulletin of the Chelyabinsk State University 2021. No. 3 (449). Economic sciences. Issue 72.S. 275-283.

17. Rozhkov E.V. The attitude of modern institutions of management and development to industrial enterprises (on the example of the Perm Territory) // Actual problems of economics and management. 2021. No. 1 (29). S. 85-96.

18. Rozhkov E.V. Application of the theory of economics of law to the processes of privatization of state property // Bulletin of PNRPU. Socio-economic sciences. 2015. No. 3. S. 85-91.

19. Sazonov S.L. Is China a world leader in innovative self-driving technology? // China in world and regional politics. History and modernity. 2020.Vol. 25.No. 25. S. 333-348.

20. Shevtsova G.A., Batishchev S.A. Artificial intelligence: a system machine or the equivalent of a biological system // MACHINES. PEOPLE. VALUES: COGNITIVE AND SOCIOCULTURAL SYSTEMS IN THE FLOW OF TIME. Materials of the II International Scientific Conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of Doctor of Philosophy, Professor S.M. Shalyutin. Kursk, 2021.S. 101-103.

21. Johnston R. Historical Review of the Development of Future-Oriented Technology Analysis // Cagnin C. et. al. (eds.) Future-Oriented Technology Analysis: Strategic Intelligence for an Innovative Economy. Berlin: Springer. 2008. P. 1.

22. Miles I. From Futures to Foresight // Georghiou L. et al. (eds.) The Handbook of Technology Foresight. Cheltenham: Edward Elgar. 2008. P. 1.

23. Slaughter R. The State of Play in the Futures Field (SOPIFF). Report to the Foundation for the Future. October. Seattle, WA. 2007. P. 1.

Author`s information

Rozhkov Evgeny Viktorovich-Postgraduate student of the Department of Enterprise Economics of the Federal State Educational Institution of Higher Education? Ural State University of Economics, e-mail: erozhkov00@bk.ru

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.354:351/354

К ВОПРОСУ О РАЗРАБОТКЕ КЛАССИФИКАЦИИ ТЕОРИЙ, ШКОЛ И КОНЦЕПЦИЙ ОБРАЗОВАНИЯ ДЛЯ ЗАДАЧ СОЦИОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ

Булаева М.В.

Московский педагогический государственный университет, г. Москва

Статья посвящена анализу общепризнанных классификаций теорий, школ и концепций образования, которые широко используются в социологической и педагогической науках. Отмечены их основные недостатки и ограниченность использования в исследовательской практике. Предложен авторский подход к упорядочению в классификации существующих теорий образования. Спецификой предложенного подхода является акцентирование внимания на управленческих аспектах существующих теорий, концепций и школ образования. Классификация основывается на трех критериях: 1) субъект управления образованием, 2) субъект реализации процесса обучения, 3) результат обучения. Это позволяет зафиксировать 540 возможных типов теорий образования. Данная классификация может использоваться для определения проблемных сфер теории образований в целях дальнейшего их изучения, в том числе и в контексте современных глобальных вызовов.

Ключевые слова: теории образования, классификации теорий образования, критерии классификации теорий образования.

Проблемы организации образования в стране всегда являлись и будут являться наиболее важными и значимыми с точки зрения стратегического развития государства в глобальном мире. Именно эффективная ретрансляция актуальных знаний из поколения в поколение обуславливает стабильное развитие экономической и социальной сфер общества, что в конечном итоге и является фундаментом политической мощи любой страны в мире.

Поиски наиболее эффективной формы организации процесса передачи знаний пронизывают всю историю педагогической науки. Практически в каждой педагогической концепции формулируются идеи о том, как наиболее качественно реализовывать педагогический процесс, на выработку каких качеств личности должен быть он направлен, кто должен осуществлять его, с помощью каких форм, методов и практик, и собственно, какова должна быть роль государства в этом процессе.

В 2019 году издательский дом Высшей школы экономики выпустил в свет книги «Пятьдесят крупнейших мыслителей об образовании: от Конфуция до Дьюи» [4] и «Пятьдесят современных мыслителей об образовании: от Пиаже до наших дней» [5], в которых авторский коллектив представил краткое описание концепций, оказавших наиболее сильное влияние на развитие наук об образовании. Необходимо отметить, что в данные книги вошли всего лишь 100 наиболее ярких мыслителей, хотя, несомненно, на теорию и практику организации образования оказало влияние намного больше людей.

Для социологической науки интерес представляет не весь спектр педагогических наработок, а лишь те, которые фокусируют исследовательский интерес на изучении социальных проблем, существующих в сфере образования. Природа социологической науки, а точнее ее методологические основания, заложенные отцами-основателями (О.Контом, Г. Спенсером, Дж.Ст. Миллем, К. Марксом), имеют позитивистские корни, предполагающее получение не просто знания, а знания, позволяющие совершенствовать социальную реальность. Именно поэтому многие теоретические наработки социологии легли в основание государственной политики в сфере образования.

Теорий и концепций, затрагивающих проблемы управления в сфере образования, тоже не мало они требуют своего упорядочения в классификации. К сожалению, общепризнанных классификаций по данной проблематике не так много, поэтому проблема их систематизации является актуальной в настоящее время. В данной статье представлена авторская классификация научных концепций и теорий в сфере организации образования.

Зинченко В.В. [1] выделяет четыре типа концепций воспитания и образования: консервативные; гуманистические; иррационалистические; сциентистско-технократическое.

Консервативное направление включает в себя, по мнению Зинченко В.В., прагматическую и утилитаристскую концепции воспитания и образования, которые включают в себя теоретические концепции Дж. Дьюи, Т. Браммельда, К. Роджерса, Э. Келли, А. Маслоу, А. Комбеу и других исследователей. «Методологической основой консервативного направления служит тезис Дж. Дьюи, согласно которому интеллектуальные и этические качества личности заложены в ее уникальной природе и их проявление связано прежде всего с индивидуальным опытом человека» [1; С.9]. Отсюда следует, что задача системы воспитания и образования – создать условия для роста способностей личности, как главного условия самореализации.

Гуманистические концепции образования связаны с идеями Платона, Аристотеля, Д. Юма, И. Канта, Ж. Пиаже, Л. Кольберга, К. Бруннера, П. Херста, Р. З. Питерса, М. Уорнока и др. «В соответствии с позитивистской установкой они отстаивают мировоззренческий нигилизм в вопросах воспитания, ссылаясь на то, что социальная жизнь в условиях научно-технического прогресса нуждается в рациональном мышлении, а не в идеологии. … Для этого направления, с одной стороны характерна острая критика существующей в западных странах системы образования и воспитания, а с другой – попытка предоставить конструктивную программу воспитания, в которой максимальное внимание предоставляется человеческому «Я»» [1; С.10].

Иррационалистическое направление базируется на «философии жизни» и экзистенциализме Ж.-П. Сартра, А. Камю, Дж. Бюджентала, И. Ялома, Р. Мэя, А. Лэнгле и др. «Сторонники этого направления стремятся отбросить технократические концепции, которые подменяют процесс воспитания манипулированием личности» [1; С.12] и концентрирую свое внимание на всестороннем развитии личности.

Сциентистско-технократическое направление опирается на идеи классического бихевиоризма Б. Скиннера и в полной мере реализуется в исследованиях Э. Мориса, М. Блека и других. «Сторонники этого направления отбрасывают самовыражение личности как главной цели воспитания, видя в этом одну из главных причин морального кризиса. Они исходят из установки, что человек – это «обучаемое существо», что именно в процессе обучения формируются все нормы его поведения. Эффективность же обучения достигается внедрением в систему образования и воспитания достижений науки и техники эксперимента» [1; С.14].

Несомненно, представленная Зинченко В.В. классификация теорий образования, позволяет сгруппировать широкий спектр имеющихся наработок, однако смысловые границы между выделенными им направлениями слишком размыты и крайне сложно отнести конкретную теорию к тому или иному направлению. Например, концепция образования Ю. Хабермаса невозможно отнести к какому-либо направлению концепций образования и воспитания, представленному выше. Сформулированные идеи могут быть отнесены сразу к нескольким из них. Ю. Хабермас утверждает, что фундаментом промышленного капитализма является рационализация деятельности индивидов. «Целерациональное действие по своей структуре есть осуществление контроля. Поэтому «рационализация» жизненных взаимосвязей в соответствии со стандартом этой рациональности означает то же самое, что и институциализация господства, становящегося политически неопознаваемым: технический разум общественной системы целерационального действия не выдает тайну ее политического содержания. … Определенные цели и интересы этого господства отнюдь не навязываются технике лишь задним числом и извне. Они содержатся уже в самой конструкции технического аппарата. Соответственно, техника – это исторически-общественный проект. В ней спроектировано то, что замышляет общество и господствующие в нем интересы замышляют сделать с людьми и вещами» [6; С.52]. То есть рационализация хозяйственной деятельности в западном капитализме, есть становление классового господства через науку и технику. Таким образом данная концепция может быть отнесена и к гуманистическому направлению, и к сциентистско-технократическому. Именно поэтому классификация Зинченко В.В. интересна, но содержит

явные недостатки в виде размытости критериев отнесения к той или иной теории или концепции к конкретного направления.

Бухарова Г.Д., Старикова Л.Д. [3; С.28-31] выделяют следующие важнейшие концепции образования:

1. Концепция дидактического энциклопедизма (Я.А. Каменский, И.Б. Баседов, Дж. Ст. Милль, Г. Спенсер). По мнению представителей данного подхода, глубинное понимание окружающего мира возможно лишь при наличии широких и глубоких знаний у человека. То есть степень понимания мира прямо пропорциональная имеющимся знаниям.

2. Концепция дидактического формализма (Гераклит Эфесский, Цицерон, Дж. Локк, Э. Шмидт, И.Г. Песталоцци, И. Кант, И.Ф. Гербарт, А. Дистервег). Сторонники данной концепции рассматривают субъективно-процессуальную сторону образования, акцентируя внимание на развитии ума и способностей человека. Обучение же рассматривается ими в качестве средства развития способностей личности и ее познавательных интересов. Вопросы организации обучения носили в большей степени дидактический характер, нежели социально-управленческий.

3. Концепция дидактического прагматизма (утилитаризма) (Дж. Дьюи, Г. Кершенштейнер). «Представители данной концепции трактуют обучение как непрерывный процесс «реконструкции опыта» обучающегося. Для того чтобы овладеть социальным наследием, человеку необходимо освоить все виды деятельности, известные современной цивилизации» [3; С.29].

4. Концепция функционального материализма (В. Оконь). Представители данного направления рассматривали процесс обучения в двух аспектах: как процесс познания окружающей реальности и как процесс ее преобразования (улучшения).

5. Парадигмальная концепция обучения. Основывается на установке, что обучение должно быть максимально приближено к жизни. Поэтому обучение должно строится на изучении типичных фактов и событий-парадигмах (М. Монтень, Г. Шейерль и др).

6. Кибернетическая концепция обучения (С.И. Архангельский, Е.И. Машбиц). Обучение рассматривается, как процесс передачи и переработки информации с позиций теории систем.

7. Технологическая концепция обучения (Б. Блум, Дж. Ромишовски). «Она предполагает создание аппарата управления образовательным процессом с помощью системы целей, задач, промежуточного и заключительного тестирования» [3; С.30].

8. Концепция дистанционного обучения (В.Р. Харпер, О. Петерсон, Р.М. Деллинг, А.М. Бершадский, Г. Гримес, Г. Румбле, И.Г. Кревский).

Основным недостатком классификации Бухаровой Г.Д. и Стариковой Л.Д. является чрезмерная укрупненность школ и концепций теории образования, которая является следствием размытости критериев классификации.

Романцов М. Г., Мельникова И Ю., Даниленкова Г. Г., Ледванов М. Ю., Бизенкова М. Н. (Романцов) выделяют 8 направлений теорий образования, которые заметно пересекаются с классификацией, предложенной Бухаровой Г.Д и Стариковой Л.Д.:

1. Концепция дидактического энциклопедизма (Я.А. Коменский, Дж. Мильтон, И.В. Баседов).

2. Концепция дидактического формализма (Э. Шмидт, А. Немейер, И. Песталоцци, А. Добровольский).

3. Концепция дидактического прагматизма (Дж. Дьюин, Г. Кершенштейнер).

4. Концепция функционального материализма (В. Окунь).

5. Парадигмальная (парадигма – образец) концепция обучения (Г. Шейерль).

6. Ассоциативная теория обучения (Дж. Локк, Я.А. Коменский).

7. Теория поэтапного формирования умственных действий в процессе обучения. (П.Я. Гальперин, Н.Ф. Талызина).

8. Управленческая модель обучения (В.А. Якунин).

Необходимо отметить, что выделение новых школ в классификации не снимают основ-

ного недостатка – размытости критериев классификации.

Любая классификация необходима, прежде всего, для решения конкретных задач. Именно классификация позволяет зафиксировать смысловые пустоты в проблемном поле науки. Применительно к наработкам социологии управления, классификация школ и теорий обучения представляет интерес с позиций того, какие наработки могу использоваться при выработки государственной концепции образования. Современный мир развивается столь быстро, динамично и разнонаправленно, что требования к его содержанию и качеству изменяются быстрее, чем успевают быть сформулированы. Именно поэтому государственная концепция образования должна опираться на множество существующих подходов к организации обучения и инициировать запуск автономных механизмов их реализации, тем самым удовлетворяя запросы всех слоев современного общества. С этих позиций классификация школ и теорий образований не может основываться на одном критерии. Автором предлагается использовать в качестве оснований для классификации сразу три критерии: 1) субъект управления образованием; 2) субъект реализации процесса обучения; 3) результат обучения.

В таблице 1 представлены три классификации теорий, школ и концепций образования, составленные на основании указанных выше критериев.

Таблица 1 - Классификация теорий, школ и концепций организации образования

Субъект управления образованием	Субъект реализации процесса обучения	Результат обучения
Государство (Платон, И.Г. Фихте, Дж. Ст. Милль, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, П.А. Сорокин, Т. Шульц, Г. Беккер, П. Бурдье, Дж. Коулман)	Ученые (философы) (Платон, Ж-.Ж. Руссо, И.Г. Фихте и др.)	Механизм, обеспечивающий стабильность социальной структуры и доминирование господствующих классов (Платон, Т.Б. Веблен, Э. О. Райт, Ф. Парки и др.)
Обучающийся (Августин Блаженный, Ю. Хабермас, З. Бауман и др.)	Профессиональные педагоги (Дж. Локк, Дж. Ст. Милль, Э. Дюркгейм, П.А. Сорокин, Т. Парсонс, Г. Маркузе, Ж-.Ф. Лиотар, Ю. Хабермас и др.)	Механизм, позволяющий изучать реальность (Августин Блаженный, И.Г. Фихте, Ж-.Ж. Руссо и др.)
Общество (Дж. Ст. Милль, Дж. Дьюи, Т. Парсонс и др.)	Социально-профессиональные группы (А. Каменский, Г. Спенсер, Дж. Дьюи, М. Эппл и др.)	Механизм, воспроизводящий общество и государство (А. Каменский, Э. Дюркгейм, П.А. Сорокин и др.)
Семья (Ж-.Ж. Руссо, П. Бурдье, Дж. Коулман и др.)	Семья (А. Каменский, Ж-.Ж. Руссо, Дж. Коулман и др.)	Механизм защиты индивида от внешнего принуждения со стороны третьих лиц, государства, общества и культуры (Ж-.Ж. Руссо, Я. Корчак, Г. Виникен и др.)
Правящий класс (Г. Маркузе, Г. Жиру, С. Ароновиц и др.)	Участники социальных сетей (И. Иллич, З. Бауман, М. Кастельс и др.)	Механизм гармоничного развития государства, общества, хозяйственной сферы и личности (Дж. Ст. Милль, Ж-.Ф. Лиотар, И. Иллич, Ю. Хабермас, З. Бауман)
Культура общества (Г. Маркузе, Ж-.Ф. Лиотар, М. Эппл и др.)	Обучающиеся (Августин Блаженный, Ю. Хабермас, З. Бауман и др.)	Механизм реализации социального контроля над индивидом (М. Фуко, Т. Хирши, И. Гоффман и др.)
Учителя (Э. Дюркгейм, Ю. Хабермас, Ж-.Ф. Лиотар и др.)	-	Механизм, способствующий усилению социального неравенства и эксплуатации низших классов (Г. Моска, Г. Маркузе, М. Эппл и др.)
Корпорации (К. Мацусито, А. Морита, М. Эппл, П. Друкер, К.А. Нордстрем, Й. Ридерстале и др.)	-	Механизм адаптации человека к изменениям окружающего мира (Г. Спенсер, Дж. Дьюи, В.Х. Килпатрик, П.А. Сорокин, Т. Парсонс, М. Кастельс и др.)
Социально-профессиональные группы (А. Каменский, Г. Спенсер, Р.М. Грант, К. Рейнес и др.)	-	Канал восходящей вертикальной мобильности (П.А. Сорокин, Т. Шульц, Г. Беккер, П. Бурдье, Ж-.К. Пассрон, Дж. Коулман и др.)
Социальные сети (И. Иллич, М. Кастельс, Р. Джанко, П. Киршер, Р. Ших и др.)	-	-

По мнению автора статьи, указанные выше критерии классификации могут использо-

ваться, как по отдельности, так и одновременно, упорядочивая проблемное поле в трехмерном пространстве. Данная классификация может использоваться для структурирования научных наработок в сфере образования и использования их при выработке концепции развития образования.

Пандемия COVID-19 вызвала необходимость перехода к дистанционному обучению. Следовательно, классические концепции получили особое преломление в новом формате. Об этом в своих статьях пишут И.М. Лоскутова [7], Е.Н. Юдина [8],][9].

Список литературы

1. Зинченко, В. В. Современные концепции образования и воспитания на Западе / В. В. Зинченко // Вестник Международного института экономики и права. – 2013. – № 4(13). – С. 7-16.

2. Новые педагогические парадигмы. Вопросы дидактики и компетентность [Текст]: справочник в помощь преподавателю медицинского вуза и колледжа / М. Г. Романцов [и др.]. – М.: Акад. естествознания, 2012. - 147 с.

3. Общая и профессиональная педагогика: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Г.Д. Бухарова, Л.Д.Старикова. – М.: Издательский центр «Академия», 2009. – 336 с.

4. Пятьдесят крупнейших мыслителей об образовании. От Конфуция до Дьюи [Текст] / пер. с англ. Н. А. Мироновой; под науч. ред. М. С. Добряковой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – 2-е изд. – М. Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 424 с.

5. Пятьдесят современных мыслителей об образовании. От Пиаже до наших дней; под науч. ред. М. С. Добряковой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – 2-е изд. – М. Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 488 с.

6. Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология» / Пер. с нем. М. Л. Хорькова. – М.: Праксис, 2007. – 208 с.

7. Лоскутова И.М., Панич Н.А., Юдина Е.Н. Социальные аспекты дистанционного обучения в период пандемии COVID-19 //Теория и практика общественного развития 2021.№3(157). С.30-34.

8. Юдина Е.Н. Опыт применения дистанционного образования в вузе // Наука и школа. 2020. № 5. С. 37-43.

9. Юдина Е.Н. Дистанционное обучение студентов во время пандемии короновируса COVID-19 // В сборнике: Дискурс социальных проблем в социокультурном, образовательном, языковом пространстве в период короновируса. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Брянск, 2021. С.461-472.

Сведения об авторах

Булаева Майя Валерьевна – кандидат экономических наук, докторант кафедры теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет». E-mail: karabanovam@yandex.ru. Телефон: +7 (903) 782-88-30.

UDK 316.354:351/354

ON THE DEVELOPMENT OF CLASSIFICATION OF THEORIES, SCHOOLS AND CONCEPTS OF EDUCATION FOR THE TASKS OF SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

Bulaeva M.V.

Moscow Pedagogical State University, Moscow

The article is devoted to the analysis of generally recognized classifications of theories, schools and concepts of education, which are widely used in the sociological and pedagogical sciences. Their main disadvantages and limited use in

research practice are noted. The author's approach to the ordering in the classification of existing theories of education is proposed. The specificity of the proposed approach is to focus on the managerial aspects of existing theories, concepts and schools of education. The classification is based on three criteria: 1) the subject of education management, 2) the subject of the implementation of the learning process, 3) the result of learning. This allows us to fix 540 possible types of theories of education. This classification can be used to identify problematic areas of the theory of formations in order to further study them, including in the context of modern global challenges.
Keywords: theories of education, classifications of theories of education, criteria for classification of theories of education.

References

1. Zinchenko, V. V. Modern concepts of education and upbringing in the West / V. V. Zinchenko // Bulletin of the International Institute of Economics and Law. – 2013. – № 4(13). – Pp. 7-16.

2. New pedagogical paradigms. Questions of didactics and competence [Text]: a handbook to help a teacher of a medical university and college / M. G. Romantsov [et al.]. - M.: Akad. natural Sciences, 2012. - 147 p.

3. General and professional pedagogy: studies. manual for students. higher. studies. institutions / G.D. Bukharova, L.D.Starikova. - M.: Publishing center "Academy", 2009. - 336 p.

4. Fifty of the greatest thinkers about education. From Confucius to Dewey [Text] / translated from English by N. A. Mironova; edited by M. S. Dobryakova; Nats. research. uni-t "Higher School of Economics". - 2nd ed. - M. Publishing House of the Higher School of Economics, 2019. - 424 p.

5. Fifty modern thinkers about education. From Piaget to the present day; under the scientific editorship of M. S. Dobryakova; Nats. research. uni-t "Higher School of Economics". - 2nd ed. - M. Ed. house of Higher School of Economics, 2019. - 488 p.

6. Habermas Yu. Technique and science as "ideology" / Translated from German by M. L. Khorkova. - M.: Praxis, 2007. - 208 p.

7. Loskutova I.M., Panich N.A., Yudina E.N. Social aspects of distance learning during the COVID-19 pandemic //Theory and practice of social development 2021. №.3(157). pp.30-34.

8. Yudina E.N. Experience of using distance education in higher education // Science and School. 2020. No. 5. pp. 37-43.

9. Yudina E.N. Distance learning of students during the COVID-19 coronavirus pandemic // In the collection: Discourse of social problems in the socio-cultural, educational, linguistic space during the coronavirus. Materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation. Bryansk, 2021. pp.461-472.

Author`s information

Bulaeva Maya Valeryevna - Candidate of Economic Sciences, doctoral student of the Department of Theoretical and Special Sociology named after M.A. Budanova, Moscow Pedagogical State University. E-mail: karabanovam@yandex.ru. Phone: +7 (903) 782-88-30.

УДК 316.776

ЭВОЛЮЦИЯ ЦИФРОВЫХ ПОЛЕЙ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ МЕГАПОЛИСА

Ефимочкина Н.Б.[1], Мамедов А.К.[2]

[1]Российский государственный университет нефти и газа имени И.М.Губкина, г. Москва
[2]Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва

Статья посвящена кардинальным трансформациям современного городского социума и тем факторам развития, которые обусловили эти парадигмальные изменения – развитие информационно-коммуникационных технологий, реализация концепции «Интернета вещей» и концепций «Тройной спирали» и «Четвертой спирали», которые легли в основу формирования и развития концепции «Умного города» и качественной перестройки системы жизнедеятельности современного мегаполиса.

Ключевые слова: гражданская активность, информационно-коммуникационные технологии, концепция «Умный город», информатизационный тип познания, наукоемкие технологии, теория «Тройной спирали», цифровое управление

Актуально рассмотрение эволюции цифровых полей в процессе социальных трансформаций мегаполиса [9; 10]. Данная статья служит продолжением предыдущей «Цифровые поля социальных трансформаций мегаполиса».

Ранее мы рассмотрели изменения, которые произошли в системе коммуникационных взаимодействий между государством, бизнес-сообществом и университетами (система «власть-бизнес-образование»). Нами обосновано, что развитие ИКТ, по сути, перераспределило и роли участников этих взаимодействий, и сам алгоритм коммуникаций, и организационные реализации ИКТ в повседневные практики, актуализировав роль университетов [8]. Посмотрим эволюцию данных положений.

Под воздействием ИКТ изменяется и функционал государства [1]. Заинтересованность в получении инновационного продукта повлекло трансформацию традиционных властных взаимодействий. Сегодня государство практически перестает быть лидером, диктующим жесткие регламенты, но, и, расширив сферу инновационной самостоятельности бизнеса и университетов и уменьшив степень контроля в данном направлении, выступает активным и равноправным участником инновационных процессов (как в отношении бизнеса [2; 4], так и в отношении университетов), актором продвижения инноваций.

Эти изменения позволили Г. Ицковицу (университет Ньюкасла, Англия) и Л. Лейдесдорфу (Амстердамский университет, Нидерланды) разработать теорию «Тройной спирали» (TripleHelix) и предложить новую модель коммуникационных взаимодействий системы «власть-бизнес-образование»:

- первый этап, генерация знаний и создание инновационного продукта – «власть – университет»;
- второй этап, трансфер технологий, «университет – бизнес»;
- третий этап, выход на рынок, «власть – бизнес».

Сегодня университеты активно включаясь в систему инновационного роста и актуализируя в своей деятельности сегмент коммерциализации знаний, обеспечивают свое «присутствие» и на третьем этапе (сопровождение пилотных проектов, тестирование инновационного продукта при его внедрении в практику, консультирование и т.п.). Необходимо отметить, что предпосылками формирования теории «Тройной спирали» стал опыт коммуникационного пространства мегаполисов и их агломераций [3; 6; 11], которое изначально ориентировано на инновационное развитие и внедрение ИКТ и системы IoT в практику городского и муниципального управления с целью оптимизировать управление громадным и многофункциональным хозяйством мегаполиса, а присутствие в пространстве мегаполиса трех институциональных сфер (государство, бизнес и университеты) обеспечили реализацию «тройной спирали» и «на выходе» - возможность создания и совершенствования Smart-sity.

Опыт развитых индустриальных стран по реализации концепции «Тройной спирали» показывает, что данная модель взаимодействия предполагает не только экономическую выгоду для всех участников, но и формирует достаточно устойчивые формы частно-государственного партнерства, в которых университеты изменяют свои традиционные цели (подготовку специалистов и воспроизводство знаний), трансформируясь в исследовательские университеты, которые, ставя «капитализацию знаний» в качестве академической цели, начинают играть расширенную и приоритетную роль в экономике и бизнесе, выступая стратегически ресурсом общества, основанного на знаниях [28].

В России концепция «Тройной спирали» является одним из приоритетных векторов развития и основой программы «Национальная технологическая инициатива» (НТИ). Принципы, закрепленные программой, определяют алгоритм взаимодействий в рамках создаваемой экосистемы НТИ и роли ее участников. В частности, в программе определено, что, по мысли исследователя, «эта программа объединяет людей, а не организации. НТИ изначально строится как широкое коалиционное действие, предполагающее формирование проектных групп из технологических предпринимателей, представителей ведущих университетов и исследовательских центров, крупных деловых объединений России, институтов развития, экспертных и профессиональных сообществ, а также заинтересованных органов исполнительной власти. Государство не является лидером в настоящей программе, определяющим логику стратегического маневра на новых рынках. Эта функция отведена отечественному высокотехнологичному бизнесу, компаниям с «геном НТИ». Государство здесь принимает участие как сервисная организация, помогая высокотехнологичному бизнесу ускорить темпы его развития в перспективных направлениях как внутри страны, так и на мировых рынках» [25]. Матрица НТИ изменяет формат функционирования участников «Тройной спирали», и, прежде всего, органов власти и управления, что в условиях создания и совершенствования Smart-sity является определяющим и критическим необходимым условием.

Smart-sityкак один из результатов реализации матрицы «Тройной спирали» – это «цифровой двойник» (digitaltwin) традиционного города. Его виртуальная инфраструктура включает сегменты, организация которых жизненно важна для существования города реального. По сути, в Smart-sity объединены традиционные/реальные сферы жизнедеятельности и цифровые/виртуальные механизмы и инструменты их функционирования. С одной стороны, эта интеграции позволяет расширить возможности и самой системы управления, и сегментов функционирования городской инфраструктуры [14; 15], и населения. С другой стороны, как показано на примере трансформации участников «Тройной спирали», эта интеграция изменяет функционирование системы управления и оказывает влияние на формирование новых инструментов, технологий и алгоритмов управления [12; 13; 20]. В условиях Smart-sity механизмы командно-административной и рыночной моделей управления недостаточно эффективны, а зачастую и нежизнеспособны. Формируется некая гибридная модель управления, которую можно условно назвать *цифровым управлением*, где сохраняется традиционная вертикаль власти и коммуникативная иерархия, регламенты и должностной функционал, иная атрибутика традиционной бюрократии, действуют механизмы рыночных взаимодействий [30; 16], наличествует традиционный состав участников (власть, бизнес, общество). Но именно цифровой формат изменяет качество управления, обеспечивая не только мобильность и полноту управленческой информации, оперативность принятия управленческих решений, относительную прозрачность функционирования институтов власти и управления, но и актуализирует гражданскую активность населения и социальную ответственность бизнеса и научного сообщества. Практика ведущих мировых Smart-sity показывает, что они, по словам Ицковица, негласно пришли к *модели тройной спирали [18]* и на практике городского управления реализуют новый формат частно-государственного партнерства и социальной ответственности.

Концепция Smart-sity и опыт ее реализации в практику крупных городов мира подтверждает, что создание городской инфраструктуры «умного» формата позволяет осуществлять высокоэффективное управление, оптимизировать использование городских ресурсов,

решать вопросы безопасности, в том числе и экологические (рис. 1).

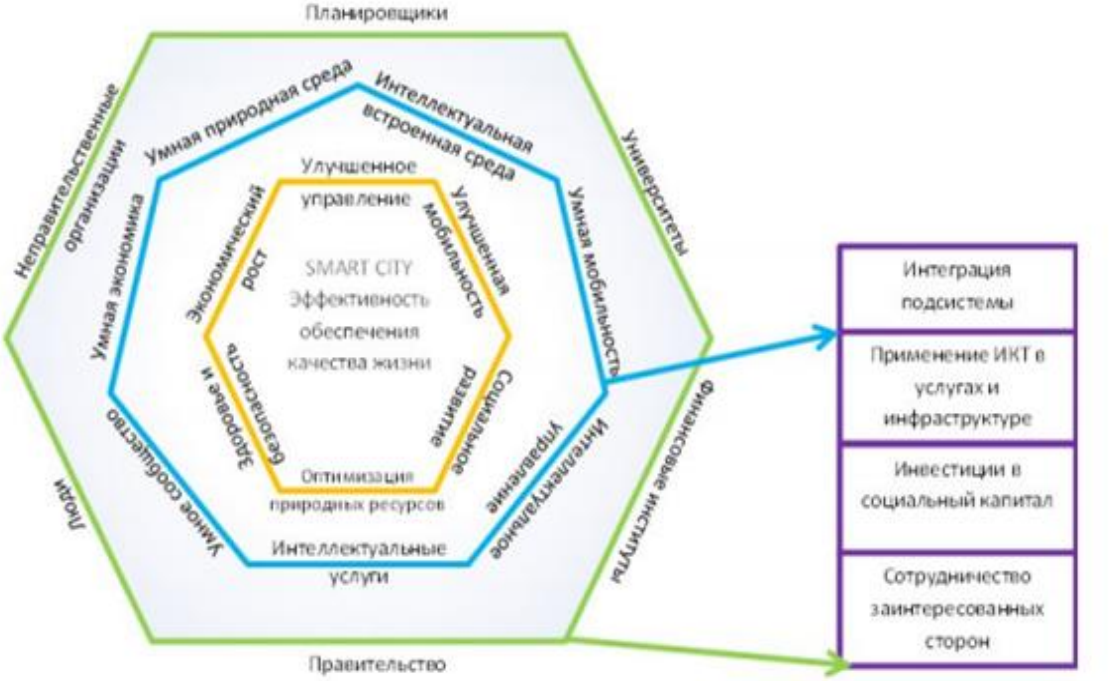

Рисунок 1 - Коммуникационная структура Smart-sity

Инновационные технологии в условиях цифрового управления оптимизировать практически все процессы жизнедеятельности городской инфраструктуры и обеспечивает получение синергетического эффекта, в том числе управленческого и экономического. Но главное условие и цель функционирования Smart-sity – повышение качества жизни населения и расширение возможностей граждан для участия в городском управлении.

Это одно из стратегически важных и наиболее сложных аспектов реализации Smart-sity. Повышение качества жизни в условиях Smart-sity предполагает, прежде всего, мобильный доступ граждан как различных групп потребителей к предоставляемым инновационным продуктам, включая городскую инфраструктуру. Сегодня в мегаполисах мира стали привычными внешние формы Smart-sity, которые уже стали обыденным явлением для жителей: уличное видеонаблюдение, скоростной интернет, интерактивные карты, система онлайн-бронирования, оплата по безналичному расчету, онлайн-заказ и оплата такси, электронные формы документов и т.п.

В данном случае мы говорим о технических и технологических решениях, облегчивших жизнь горожан, но, тем не менее, представляющих собой только один из сегментов Smart-sity и которые можно обозначить как матрицу создания «Цифрового города» (digital city). В рамках «Цифрового города» создается инновационная городская инфраструктура, которая обеспечивает комфортное решение насущних вопросов, создает единые базы данных, обеспечивает мобильную коммуникацию, но она не отвечает идее «Умного города», которая имеет ярко выраженную социальную ориентацию и направлена в том числе на включенность социальных институтов (включая институты гражданского общества) в систему городского управления.

«Цифровой город» - это аналоговая технологическая платформа городской инфраструктры, а Smart-sity, как показывает мировой опыт, приоритетным аспектом определяет активность внутренней среды (общества), которая представляет собой институциональные и социальные основы для генерации и внедрения инноваций и, по сути, определяет степень их функциональной готовности и практической необходимости этой платформы и/или ее сегментов. В данном контексте, в модели «тройной спирали» пояляется новый активный компонент – общество, которое наряду с наукой, бизнесом и государством играет ключевую роль в инновационном процессе, через спрос влияя на создание знаний и

технологий. Модель интеграции потребителей в процессы управления городом получила название «Четвертая спираль».

Практика вовлечения населения в систему управления показывает, что этот процесс, являясь, с одной стороны, естественным по своей природе отражением рыночных законов спроса и предложения (процесс изменений «снизу»), с другой стороны, представляет собой целенаправленный инструмент партиципаторного управления, распространённого в мировой практике в течение последних 30 лет (изменения «сверху»). Начиная с 90-х годов, развитие принципов партиципаторного управления привело к распространению в мировой практике наряду с недемократическими механизмами управления таких форм вовлеченности общества, как делиберативные опросы, гражданские комиссии, районные фонды, проекты развития локальных сообществ и т.п.

Одним из наиболее успешных механизмов обеспечения вовлеченности граждан в систему управления стало партиципаторное бюджетирование - вовлечение обычных/невыборных граждан в распределение общественных средств. В качестве примера можно привести открытые слушания, которые проводятся по различным тематикам - городская инфраструктура, ЖКХ, образование, медицина, культура, молодежная политика, спорт и т.п., опросы, создание общественных советов и иных общественных образований, имеющих право принятия решений и/или совещательной и наблюдательной возможности при распределении общественных средств.

Примером результативной интеграции граждан в систему управления городскими структурами выступает опыт стран Латинской Америки (родине партиципаторного бюджетирования), Европы (действуют более 200 программ партиципаторного бюджетирования). Этот опыт активно внедряется в странах Азии. В условиях формирования и развития Smart-sity показательным примером можно назвать Токио, где «реализованы технические решения производства электроэнергии исходя из запросов граждан» [7].

По утверждению исследователя, «становится очевидным, что первоначальное понимание «умного города» как процесса включения технологий в управление городскими территориями уже не в полной мере отражает весь спектр возникающих отношений, в том числе и социальных. Понимание жителей как ключевых элементов современной высокотехнологичной городской среды, учет их мнений и ожиданий в этой связи особенно актуальны для успешной реализации» [7].

Россия, являясь активным участником мировых инновационных процессов, выстраивает парадигму Smart-sity сравнительно недавно, но этот процесс можно назвать активным и стремительным. В 2016 г. Минстрой России и Министерство земель, инфраструктуры, транспорта и туризма Японии подписали меморандум о сотрудничестве в сфере совершенствования городской среды (пилотные площадки – Владивосток и Воронеж), эффективная реализация которого уже через два года позволила разработать и твердить проект Минстроя «Умный город» (октябрь, 2018). Одновременно с реализацией проекта началась работа по методическому обеспечению данной деятельности. В результате были разработаны и утверждены Стандарт федерального проекта «Умный город» (утв. 04 февраля 2019 года) и Методические указания по финансированию проекта «Умный город» (апрель, 2019 года).

В декабре 2020 года Минстрой России утвердил концепцию «Умный город» [27].Среди основных принципов концепции выделяется «ориентация города на потребности человека, повышение доступности сервисов и услуг и приоритет долгосрочных решений при выборе стратегии» [35].

Сегодня в инфраструктуру концепции Минстроя России «Умный город» входят 19 пилотных городов из 11 регионов страны, которые перестраивают функционал в рамках трехстороннего соглашение между Минстроем России, субъектами и городами от 19.03.2019. В рамках концепции «Умный город», утвержденной Минстроем проект Smart-sity реализуется в 209 городах России (данные на декабрь 2020 года).

Среди наиболее продвинутых городов-участников проекта «Умный город» можно назвать Москву, Санкт-Петербург, Казань. Так, в Москве успешно реализован проект Единого

городского приложения (Портал госуслуг), на котором каждый зарегистрированный житель может получить в режиме онлайн практически полный спектр государственных и муниципальных услуг. Высоким уровнем отличается и система видеонаблюдения, которая охватывает не только улицы, но и практически все учреждения столицы, транспортную сеть. Интересный опыт Москвы и в области использования «обратной связи» для улучшения качества жизни города. Так, «сбор информации о проблемах города, проведенный городскими службами по данным социальных сетей Facebook, «ВКонтакте»), микроблогов (Twitter), а также фото- и видеохостингов (Flickr, Foursquare, YouTube, Instagram) позволил решить ряд городских проблем. Институт STRELKA исследовал результаты этой работы: в социальной сети «ВКонтакте» была проведена выборка фотографий, сделанных в ночное время жителями Москвы и зависимость количества этих фотографий от уровня безопасности района города. Было выявлено, что на улицах, которые попали в выборку, уровень вечерней съемки значительно вырос после их благоустройства» [34].

Интересный опыт Москвы был реализован по результатам исследований «Возмущение против дорожного движения» и «Моя Москва». В первом случае «анализ нарушений ПДД, выложенных на YouTube, инициировал создание проекта цифрового приложения, позволяющего пешеходам ориентироваться на дорогах города, намечать маршруты и рассчитывать время нахождения в пути. А по результатам исследования «Моя Москва» был создан портал, на котором отмечены события, которые происходят в выбранном публичном пространстве (парке)» [34].

В целом на сегодняшний день в Москве функционирует ряд порталов и сервисов, в том числе московский портал госуслуг (pgu.mos.ru), «Активный гражданин» (ag.mos.ru) и «Наш город» (gorod.mos.ru) и другие, которые объединены в единую информационную сеть. Эффективность этих сервисов определяется объемом решений, реализованных по инициативам жителей. Так, по данным портала «Активный гражданин» за шесть лет его работы проведено 4 859 голосований, реализовано более 3 400 решений. То есть «ежемесячно реализуется 30-40 решений или практически каждый день в городе воплощаются решения, принятые москвичами в проекте» [34].

Вторую позицию после Москвы занимает Санкт-Петербург, в котором «проект «Умный Санкт-Петербург» стартовал в 2017 году. В городе активно функционируют более 120 информационных систем, уровень проникновения Интернета среди населения превышает 70%» [7]. В числе реализуемых проектов можно назвать - проект «Безопасный город», портал Госуслуг, зона Wi-Fi в метрополитене. Кроме этого, «в Выборгском районе города уже заложен первый многоквартирный дом с системой учета потребления коммунальных ресурсов. На стадии разработки находятся проекты «умного» детского сада и школы, а также формируются требования к городским территориям: дворам, кварталам и микрорайонам. Там тоже планируют внедрить новые технологии. Так, одной из пилотных зон для осуществления вышеперечисленных планов станет город Кронштадт. На рассмотрении проектного офиса уже находятся около 60 инициатив, которые отвечают принципам «умного города». Среди них - технология термического обезвреживания отходов, которая позволит получить тепловую и электроэнергию из мусора, инфраструктура для электромобилей, 3D карта Петербурга, телефонное приложение для туристов (оно расскажет об акциях и скидках в ближайших магазинах, а также о городских событиях в шаговой доступности). Кроме того, есть и социальные инициативы - например, внедрение устройства, которое позволит слепоглухим, незрячим и немым вести диалог с другими людьми» [36].

Если говорить об опыте развития концепции Smart-sity в региональных городах России, то наиболее эффективных результатов достигли не только региональные мегаполисы, но и сравнительно небольшие города – участники федерального проекта «Умный город». Среди них – город Сатка в Челябинской области (42 т. человек). Там было заменено уличное освещение на энергосберегающее, поставлены камеры видеонаблюдения на улицах, в некоторых домах установлены домофоны с возможностью вызова службы «112», в одном из многоквартирных домов установлены умные счетчики. Не менее значительных результатов достигли в

городе Сарове (Нижегородская область), где реализация проекта проводилась при участии компании «Русатом Инфраструктурные решения» (инжиниринговый дивизион Госкорпорации «Росатом»). Одним из результатов внедрения интеллектуальных технологий в практику городского управления стали:

– «городские проблемы решаются в среднем в 2 раза быстрее вследствие их автоматической маршрутизации контролирующим органам и исполнителям (630 обращений / 444 решено за 4 месяца)» [26];

– «ответ на обращения занимает менее 1 часа, экономия около 1200 часов рабочего времени в год» [26];

– «консолидация информации о происшествиях, мониторинг электроснабжения – ускорение локализации аварий и снижение затрат на выезды» [26].

Вместе с тем, реализация проекта «Умный город» выявила ряд сложностей и проблем, главными из которых исследователи называют следующие.

Усиление сегрегации городской среды, обусловленное стоимостью IoT. На сегодня эта проблема является одной из самых сложно реализуемых, так как «большинство технологических решений для «умных городов» работают только в связке, что делает невозможным внедрение отдельной IoT без привязки к экосистеме (включая наличие шлюзов и M2M-платформ). В результате некоторые районы не покрываются технологиями, что приводит к их сегрегации» [19; 32]. Большая часть периферийных районов отделены по экономическому и политическому критерию, создавая высокий уровень социальной напряжённости [21; 24]. В результате подобной сегрегации ряд категорий граждан практически исключаются из цифровой жизни города. Например, данные портала мэрии Москвы «Активный гражданин» показывают, что его участниками являются 4 840 708 активных граждан – пользователей портала и это при том, что население города - 12 692 466 чел. (2020 г.). Итак, даже в самом «продвинутом» городе страны, только четверть населения является участниками Smart-sity. Конечно же, потребителей услуг Smart-sity гораздо больше и в столице практически все жители пользуются порталом услуг. Но, если мы говорим об партиципаторной активности, то практики цифрового взаимодействия с властью еще только формируются.

На другую сторону сегрегации городской среды еще в 2013 году обратил внимание урбанист Ден Хилл. В частности, он обозначил два проблемных вектора развития Smart-sity: с одной стороны, это может быть монополизация цифровой инфраструктуры корпорациями, обеспечивающими ее функционал, с другой стороны - доминирование государственного патернализма, при котором государственные институты, с целью повышения своего имиджа декларируют принципы Smart-sity, но на практике создают декоративные приложений, предоставляющие пользователям некоторые (ограниченные) возможности. В любом случае, развитие событий приводит к поляризации городского социума, когда одни группы населения (достаточно обеспеченные) будут владеть всем спектром возможностей Smart-sity, а другие – или ограниченным их набором и/или не же просто не учитываться. При этом рыночное преимущество в итоге окажется у корпораций-гигантов.

Бюрократический аспект. Система управления в условиях реализации концепции Smart-sity представляет собой гибридную форму, в которой присутствуют элементы бюрократической и рыночных систем управления. И исследователи, и участники реализации проекта Smart-sity отмечают, что негативные управленческие аспекты (в том числе и коррупционные) в значительной степени затрудняют продвижение интеллектуальных проектов. Среди них – архаичность законодательства, отсутствие современных стандартов, неравномерность учета территориально-административных особенностей, в том числе ресурсных и культурных [33; 31]. Вот что говорят участники реализации проекта «Умный город»: «Проблемы у проекта «Умный город» оказались связаны еще и с бюрократией. Так, для полноценного внедрения технологий в городах и регионах нужны соответствующие рекомендации – их подготовил Минстрой… Создать единый стандарт для проектов «Умный город» в отдельных городах будет сложно – разные регионы имеют разные условия, поэтому строить системы по единому «шаблону» будет невозможно» [5]. Не меньшую сложность представляет схема

взаимодействия чиновников и населения. В частности, «одной из приоритетных задач Концепции проекта цифровизации городского хозяйства «Умный город» является решение проблемы межведомственного общения и этических проблем использования новейших алгоритмов и технологий в социальной сфере» [27].

Цифровая грамотность активности чиновников и населения. Развитие ИКТ, системы IoT и их стремительное включение в практику жизнедеятельности и человека, и институтов государственной власти и управления вывялило ряд проблем, лежащих в плоскости цифровой грамотности. Здесь мы говорим не только об умении пользоваться всем спектром предоставляемых возможностей, а об умении использовать весь предоставляемый потенциал ресурсов ИКТ и IoT для решения проблем соблюдения баланса интересов всех участников проекта «Умный город». В условиях реализации концепции Smart-sityинновационные возможности, предоставляемые ИКТ исистемой IoT должны стать пространством гражданской активности населения и платформой для цифровой трансформации государственных и муниципальных учреждений. И сама идеяконцепции Smart-sity, ее принципы предполагают скоординированную работу инициатора проекта со всеми потенциальными интересантами, которые в этом случае становятся активными участниками процесса, оказывают влияние на развитие городской среды и становятся более ответственными за последующее развитие проекта. Вовлечение позволяет создавать устойчивые и осмысленные проекты, действительно ориентированные на потребности горожан [27].

В данном контексте при создании и реализации концепции Smart-sity акцент делается на социальное благосостояние, движущей силой которого и актором преобразований являются не технологии (technology-drivenmethod), а человек – «умный горожанин» (human-drivenmethod). И здесь важным аспектом выступает вопрос не только о смещении фокуса внимания на роль горожан в системе управления городом, но и на вопросы распределения власти. Ряд зарубежных исследователей (Д. Хэммет и А. Таунсенд в сборнике «Умные горожане», А.Лефевр – концепция «право на город» и другие), поднимают вопрос о реальной роли горожан и городских сообществ, их прав включиться в процесс принятия решений, связанных с организацией социального пространства, их возможностей противостоять финансовому лобби корпораций и политическому лобби властных институтов. Так, А. Лефевр протестует «против способов, какими профессионалы-планировщики и городские бюрократы создают городское пространство с тем, чтобы свести к минимуму спонтанные политические действия и нейтрализовать возможное сопротивление» [29].

Реальная практика реализации концепции Smart-sity в России показывает, что с одной стороны, горожане получают возможности напрямую использовать информацию об их месте жительства. Сетевые технологии позволяют вовлечь их в городское планирование, политику и процессы развития, выдвигать инициативы, которые могут конкурировать с традиционными механизмами муниципального управления. С другой стороны, негативные факторы системы управления провоцируют инертность граждан, их неверие в какие-либо положительные изменения, что в значительной степени тормозят процессы развития и самого Smart-sity, и системы «Четвёртой спирали». «Основные сдерживающие факторы социально-экономические: нет необходимости, нежелание пользоваться, нет интереса (16,7% от числа домохозяйств, не использовавших интернет), недостаток навыков для работы в интернете (6,4%), высокие затраты на подключение (4,3%)» [17].

Вместе с тем исследования активности граждан Санкт-Петербурга, проведенные в 2018 г. в рамках проекта «Исследование моделей адаптации концепции Smart City в условиях современного российского общества» показывают высокий процент адаптации к новому формату взаимодействий городского социума и власти-признание и активное использование возможностей Smart-sity для решения проблем (58% опрошенных), готовность участвовать в управлении городом (91,4%), что можно обозначить как начало процесса слияния систем «сверху» и «снизу» (по К. Ратти и М. Клоделу) (рис. 2).

Опыт внедрения концепции Smart-sity, проблемы и негативные факторы, выявленные входе реализации проектов Умных городов как в России, так и в зарубежных странах пока-

зывает те парадигмальные сдвиги, которые происходят в современном обществе и лежат в плоскости концептуальной роли групп интересов Smart-sity (государство, бизнес-сообщество, университеты, городское сообщество/граждане). На сегодняшний день идет процесс качественной трансформации сущности горожанина и формирование его новой ипостаси - «Smart-human»/«Smart-urbanite».

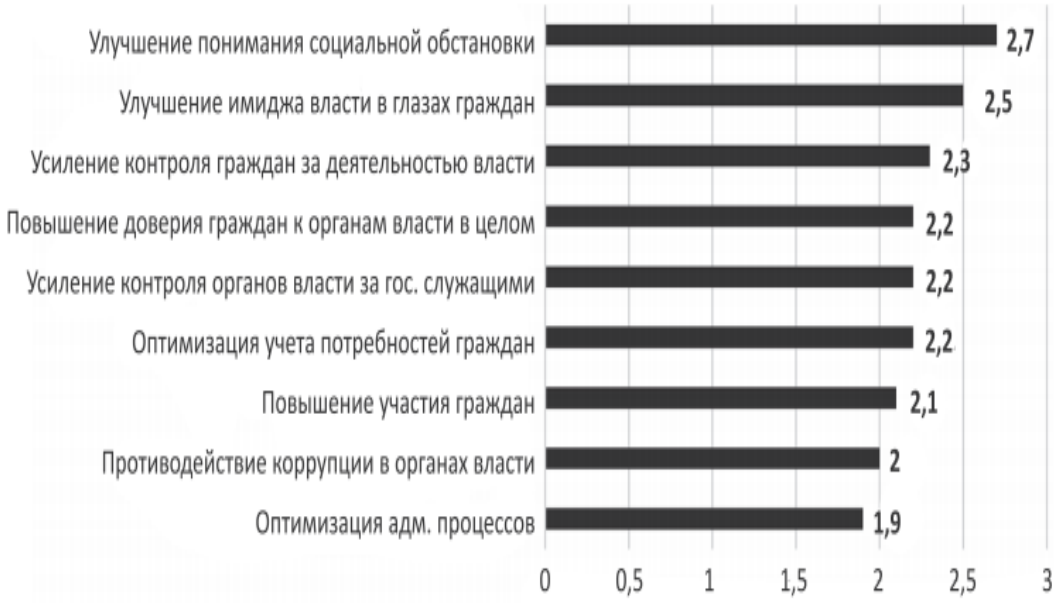

Рисунок 2 - Распределение ответов на вопрос «На Ваш взгляд, в какой мере уровень взаимодействия граждан и органов власти через электронные каналы на данном этапе достигает следующих целей?», 2017 г.

Если мы обратимся к опыту зарубежных стран, то, например, в ЕС разработана система измерений, определяющих Smart-sity. Эта система была создана с целью рейтингирования городов и включает следующие измерения: умная экономика (smarteconomy), умная мобильность (smartmobility), умная окружающая среда (smartenvironment), умные люди (smartpeople), умное проживание (smartliving) и умное управление (smartgovernance).

Примечательно, что это одна из немногих систем Smart-sity, которая включила наиболее важный ресурс – человека (умные люди/smartpeople). Для каждого измерения разработаны индикаторы и, в том числе, для Smart people: уровень квалификации, склонность постоянно учиться, общественно-этнический плюрализм, гибкость, креативность, широта взглядов / космополитизм, участие в общественной жизни [22]. Эти индикаторы отвечают потребностям развития Smart-sity. Опыт реализации концепции Smart-sityпоказывает неудачные практики формирования «умных городов», при создании которых сделан акцент только на технических решениях городской среды без учета мнений и реальной готовности населения к инновациям.

Следовательно, формирование человека нового формата через развитие Smart-sity и развитие Smart-sity через формирование человека как Smart-urbanite – это не только взаимосвязанные процессы, но и институционализация качественно новых форм взаимодействия (синергетический формат со-сотрудничества), действующих в рамках концепции «Четвертой спирали». Разработка и внедрение интеллектуальных систем Smart-sity должны сопровождаться вовлечением всех сторон, заинтересованных в устойчивом развитии города (жителей городов, местных сообществ, общественных и некоммерческих организаций, профессиональных объединений, представителей крупного, малого и среднего бизнеса. Государство должно выступать координатором подобных взаимодействий [23], обеспечивая выявление мнений и интересов всех указанных сторон, а также открывая доступ к процессу управления и использования данных, сервисов и инфра-

структуры.

Список литературы

1. Алямкина Е.А. Власть-народ: контакт в электронном модуле / Е.А. Алямкина, П.Н. Киричек // Актуальные проблемы современного общества. 2015. № 3. С. 203-207.

2. Андреева В.А. Роль экспорта топливно-энергетических товаров в обеспечении экономической безопасности Российской Федерации / В.А. Андреева, Р.А. Бандурин // В сборнике: Таможенное администрирование и экономическая безопасность в цифровой экономике. Материалы всероссийской научно-практической конференции. Брянск, 2019. С. 21-24.

3. Бабосова Е.С. Город как коммуникативное пространство: социокультурный анализ / Е.С. Бабосова, Э.Д. Коркия, А.К. Мамедов // Белая Вежа. 2015. № 4. С. 108.

4. Бандурин Р.А. Обоснование методологии оценки финансовых потерь сельского хозяйства в результате неэквивалентного межотраслевого обмена в АПК / Р.А. Бандурин // Вестник Брянской государственной сельскохозяйственной академии. 2008. № 2. С. 52-56.

5. Васильев А. Чиновники постоянно говорят об «умном городе». Объясняем подробно, что это такое /Банки Сегодня. Информационно-аналитическое финансовое издание. 05.12.2019 [электронный ресурс] / Режим доступа: https://bankstoday.net/last-articles/chinovniki-postoyanno-govoryat-ob-umnom-gorode-obyasnyaem-podrobno-chto-eto-takoe#i-5

6. Вершинина И.А. Развивающийся мегаполис: современный адаптационные механизмы (на примере города Москвы) / И.А. Вершинина, Т.В. Кашкабаш, Э.Д. Коркия, А.К. Мамедов, О.А. Обрывалина, Н.А. Панич. М., 2015. 208 с.

7. Видясова Л.А. Восприятие концепции «умного города» активными горожанами в Петербурге / Л.А. Видясова, Я.Д. Тенсина, Е.Ю. Видясов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2018. Т. 11. Вып. 4. С. 404–419 [электронный ресурс] / Режим доступа: https:// doi.org/ 10.21638/ spbu12.2018.402

8. Волнистая М.Г. Научные коммуникации в системе воспроизводства знаний / М.Г. Волнистая, А.К. Мамедов // Вышэйшая школа: навукова-метадычны і публіцыстычны часопіс. 2018. № 3 (125). С. 43-48.

9. Волнистая М.Г. Социальный капитал коммуникативного поля научного сообщества / М.Г. Волнистая, А.К. Мамедов //Журнал Белорусского государственного университета. Социология. – 2018. - № 3. С. 89-95.

10. Гавриченко А.А. Таможенное администрирование в сфере цифровой экономики / А.А. Гавриченко, Р.А. Бандурин // В сборнике: Таможенное администрирование и экономическая безопасность в цифровой экономике. Материалы всероссийской научно-практической конференции. Брянск, 2019. С. 50-53.

11. Гостенина В.И. Коммуникативные основания управления мегаполисом (на материале управленческого дискурса). Учебно-методическое пособие по спецкурсу для магистратуры по направлению подготовки «Коммуникативное пространство современного мегаполиса» / В.И. Гостенина, А.К. Мамедов, С.А. Шилина. Москва, 2016. 192 с.

12. Гостенина В.И. Управление вербальным социолингвистическим кодом субъекта власти в коммуникативном процессе/ В.И. Гостенина, С.А. Шилина. Москва, 2008. 208 с.

13. Гостенина В.И. Управленческие факторы формирования статуса региона (на примере Брянской области) / В.И. Гостенина, А.Г. Киселёв, С.А. Шилина // Власть. 2013. № 2. С. 082-085.

14. Епремян Т.В. Дискурс социального пространства города в условиях цифровизации / Т.В. Епремян, С.А. Шилина // В сборнике: Дискурс социальных проблем в социокультурном, образовательном, языковом пространстве в период пандемии коронавируса. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Брянск, 2021. С. 25-31.

15. Епремян Т.В. Рекламный дискурс в аспекте виртуализации социального пространства в период пандемии 2020 года / Т.В. Епремян, А.В. Траханов // В сборнике: Влия-

ние качества жизни на формирование ценностной структуры населения России. Всероссийская научная конференция с международным участием : сборник материалов. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Москва, 2020. С. 96-97.

16. Зелепугин А.Д. Экономический потенциал межотраслевого обмена в АПК региона / А.Д. Зелепугин, С.А. Рыбакова, Р.А. Бандурин, Г.Н. Русинова. Воронеж, 2008. 247 с.

17. Индикаторы цифровой экономики: 2018: статистический сборник / Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневский, Г.Л. Волкова, Л.М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2018. 268 с

18. Ицковиц Г. Модель тройной спирали / Инновации. 2011. № 4. С. 38–45.

19. Капогузов Е.А. Механизмы взаимодействия городских сообществ при формировании Smart-City (на примере города Омска) / Е.А. Капогузов, С.Н. Оводова, Р.И. Чупин // Вопросы управления. 2019. Выпуск 61. С. 272-280.

20. Карпутина А.Ю. Организация взаимодействия нескольких манипуляторов с использованием механизмов удаленного управления / А.Ю. Карпутина, Р.А. Бандурин // Ученые записки Брянского государственного университета. 2017. № 4 (8). С. 7-13.

21. Коркия Э.Д. Новые контуры социального неравенства: тренды становления / Э.Д. Коркия, А.К. Мамедов // Перспективы науки. 2014. № 2 (53). С. 93-100.

22. Мамедов А.К. Личность в информационной матрице: незавершенный проект / А.К. Мамедов // В сборнике: Трансформация коммуникации в цифровую эпоху. Материалы научной онлайн-конференции с международным участием, посвященной всемирному дню почты. Ред. А.К. Мамедов, И.Н. Чудновская. 2020. С. 76-96.

23. Мамедов А.К. Методологический дискурс: предметное поле коммуникативного капитала / А.К. Мамедов, М.Г. Волнистая // В сборнике: Коммуникативный капитал цифровой эпохи. Материалы научной онлайн-конференции с международным участием. Москва, 2021. С. 7-28.

24. Мамедов А.К. Социальное неравенство: новая онтология и вариативность в информационную эпоху / А.К. Мамедов // В сборнике: Философия и социальные науки в современном мире. Материалы Международной научной конференции к 30-летию факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета. 2019. С. 11-15.

25. Национальная технологическая инициатива. Принципы [электронный ресурс] / Режим доступа: https://nti2035.ru/nti/

26. Опыт внедрения базовой платформы «Умный город» [электронный ресурс] / Режим доступа: https://www.rusatom-utilities.ru/city/projects/

27. Приказ Минстроя России от 25 декабря 2020 г. №866/пр «Об утверждении Концепции проекта цифровизации городского хозяйства «Умный город» [электронный ресурс] / Режим доступа: 25.12.2020_866 _pr.pdf (minstroyrf.gov.ru)

28. Синица Н.В. Комбинирование различных источников информации на уроках технологии при работе в ИКТ-насыщенной среде / Н.В. Синица, Р.А. Бандурин // В сборнике: Социальное партнерство как эффективный механизм формирования образовательного пространства. Материалы международной научно-практической конференции. 2017. С. 37-42.

29. Социальные аспекты концепции «Умного города» // Актуальные вопросы экономики и социологии : сб. ст. [по итогам XIV Осенней конф. в новосибирском Академгородке] / под ред. О.В. Тарасовой ; ИЭОПП СО РАН. - Новосибирск, 2018. - С. 126-131 [электронный ресурс] / Режим доступа:: http://lib.ieie.su/docs/2018/YSC2018/126-131 Pirotskaya.pdf

30. Bandurin R. About the equivalence of an interbranch exchange [text] / R. Bandurin // Economic Indicators. 2007. № 10. С. 84.

31. Gostenina V.I. Discursive and visual management technologies in urban sociology / V.I. Gostenina, R.K. Karneev, G.V. Makarova, S.L. Melnikov // Opcion. 2019. Т. 35. № Special Edition 24. С. 122-135.

32. Hollands R.G. Critical interventions into the corporate smart city // Cambridge Journal of Regions, Economy and Society. 2015. Vol. 8. № 1. P. 61-77.

33. Mamedov A.K. Sociological discourse of culture: experience in interpretation / A.K.

Mamedov, E.D. Korkiya, M.G. Volnistaya // Bulletin of Polessky State University. Series in Social Sciences and Humanities. 2020. № 2. С. 75-83.

34. Активный гражданин. Портал мэрии Москвы [электронный ресурс] / Режим доступа сайта: Активный Гражданин - проект для тех, кому важно, что происходит в Москве (mos.ru)

35. Минстрой РФ утвердил концепцию умных городов [электронный ресурс] / Режим доступа сайта: Умный город (ведомственный проект Минстроя) (tadviser.ru)

36. «Умный Санкт-Петербург»: как технологии изменят город [электронный ресурс] / Режим доступа сайта: «Умный Санкт-Петербург»: как технологии изменят город | spb.media

Сведения об авторах

Ефимочкина Наталья Борисовна – кандидат социологических наук, доцент Российского государственного университета нефти и газа имени И.М.Губкина; e-mail: Muzeırgu@maıl.ru

Мамедов Агамали Куламович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии коммуникативных систем социологического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»;

e-mail: soccomsys@mail.ru.

Телефон рабочий: +7 (495) 9394698

UDK 316.776

THE EVOLUTION OF THE DIGITAL FIELDS OF SOCIAL TRANSFORMATIONS OF THE MEGALOPOLIS

Efimochkina N.B.[1], Mamedov A.K.[2]

[1]I.M. Gubkin Russian State University of Oil and Gas, Moscow
[2]Lomonosov Moscow State University, Moscow

The article is devoted to a radical transformation of modern society and the development factors that led to these paradigm changes – the development of information and communication technologies, the implementation of the concept of «Internet of things», which formed the basis for the formation and development of the concept of «Smart city» and quality of the restructuring of the system of life of the modern metropolis.

Keywords: Information and communication technologies, the IoT system, the concept of «Smart City», the informatization type of knowledge science-intensive technologies, the theory of the «Triple Helix», civic activity, digital management

References

1. Alyamkina E.A. Vlast'-narod: kontakt v elektronnom module / E.A. Alyamkina, P.N. Kirichek // Aktual'nye problemy sovremennogo obshchestva. 2015. № 3. S. 203-207.

2. Andreeva V.A. Rol' eksporta toplivno-energeticheskih tovarov v obespechenii ekonomicheskoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii / V.A. Andreeva, R.A. Bandurin // V sbornike: Tamozhennoe administrirovanie i ekonomicheskaya bezopasnost' v cifrovoj ekonomike. Materialy vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Bryansk, 2019. S. 21-24.

3. Babosova E.S. Gorod kak kommunikativnoe prostranstvo: sociokul'turnyj analiz / E.S. Babosova, E.D. Korkiya, A.K. Mamedov // Belaya Vezha. 2015. № 4. S. 108.

4. Bandurin R.A. Obosnovanie metodologii ocenki finansovyh poter' sel'skogo hozyajstva v rezul'tate neekvivalentnogo mezhotraslevogo obmena v APK / R.A. Bandurin // Vestnik Bryanskoj gosudarstvennoj sel'skohozyajstvennoj akademii. 2008. № 2. S. 52-56.

5. Vasil'ev A. CHinovniki postoyanno govoryat ob «umnom gorode». Ob"yasnyaem

podrobno, chto eto takoe /Banki Segodnya. Informacionno-analiticheskoe finansovoe izdanie. 05.12.2019 [elektronnyj resurs] / Rezhim dostupa: https://bankstoday.net/last-articles/chinovniki-postoyanno-govoryat-ob-umnom-gorode-obyasnyaem-podrobno-chto-eto-takoe#i-5

6. Vershinina I.A. Razvivayushchijsya megapolis: sovremennyj adaptacionnye mekhanizmy (na primere goroda Moskvy) / I.A. Vershinina, T.V. Kashkabash, E.D. Korkiya, A.K. Mamedov, O.A. Obryvalina, N.A. Panich. M., 2015. 208 s.

7. Vidyasova L.A. 4 Vospriyatie koncepcii «umnogo goroda» aktivnymi gorozhanami v Peterburge / L.A. Vidyasova, YA.D. Tensina, E.YU. Vidyasov // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologiya. 2018. T. 11. Vyp. 4. S. 404–419 [elektronnyj resurs] / Rezhim dostupa: https:// doi.org/ 10.21638/ spbu12.2018.402

8. Volnistaya M.G. Nauchnye kommunikacii v sisteme vosproizvodstva znanij / M.G. Volnistaya, A.K. Mamedov // Vyshejshaya shkola: navukova-metadychny i publicystychny chasopis. 2018. № 3 (125). S. 43-48.

9. Volnistaya M.G. Social'nyj kapital kommunikativnogo polya nauchnogo soobshchestva / M.G. Volnistaya, A.K. Mamedov //ZHurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Sociologiya. – 2018. - № 3. S. 89-95.

10. Gavrichenko A.A. Tamozhennoe administrirovanie v sfere cifrovoj ekonomiki / A.A. Gavrichenko, R.A. Bandurin // V sbornike: Tamozhennoe administrirovanie i ekonomicheskaya bezopasnost' v cifrovoj ekonomike. Materialy vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Bryansk, 2019. S. 50-53.

11. Gostenina V.I. Kommunikativnye osnovaniya upravleniya megapolisom (na materiale upravlencheskogo diskursa). Uchebno-metodicheskoe posobie po speckursu dlya magistratury po napravleniyu podgotovki «Kommunikativnoe prostranstvo sovremennogo megapolisa» / V.I. Gostenina, A.K. Mamedov, S.A. SHilina. Moskva, 2016. 192 s.

12. Gostenina V.I. Upravlenie verbal'nym sociolingvisticheskim kodom sub"ekta vlasti v kommunikativnom processe/ V.I. Gostenina, S.A. SHilina. Moskva, 2008. 208 s.

13. Gostenina V.I. Upravlencheskie faktory formirovaniya statusa regiona (na primere Bryanskoj oblasti) / V.I. Gostenina, A.G. Kiselyov, S.A. SHilina // Vlast'. 2013. № 2. S. 082-085.

14. Epremyan T.V. Diskurs social'nogo prostranstva goroda v usloviyah cifrovizacii / T.V. Epremyan, S.A. SHilina // V sbornike: Diskurs social'nyh problem v sociokul'turnom, obrazovatel'nom, yazykovom prostranstve v period pandemii koronavirusa. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. Bryansk, 2021. S. 25-31.

15. Epremyan T.V. Reklamnyj diskurs v aspekte virtualizacii social'nogo prostranstva v period pandemii 2020 goda / T.V. Epremyan, A.V. Trahanov // V sbornike: Vliyanie kachestva zhizni na formirovanie cennostnoj struktury naseleniya Rossii. Vserossijskaya nauchnaya konferenciya s mezhdunarodnym uchastiem : sbornik materialov. Moskovskij gosudarstvennyj universitet im. M.V. Lomonosova. Moskva, 2020. S. 96-97.

16. Zelepugin A.D. Ekonomicheskij potencial mezhotraslevogo obmena v APK regiona / A.D. Zelepugin, S.A. Rybakova, R.A. Bandurin, G.N. Rusinova. Voronezh, 2008. 247 s.

17. Indikatory cifrovoj ekonomiki: 2018: statisticheskij sbornik / G.I. Abdrahmanova, K.O. Vishnevskij, G.L. Volkova, L.M. Gohberg i dr.; Nac. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki». M.: NIU VSHE, 2018. 268 s

18. Ickovic G. Model' trojnoj spirali / Innovacii. 2011. № 4. S. 38–45.

19. Kapoguzov E.A. Mekhanizmy vzaimodejstviya gorodskih soobshchestv pri formirovanii Smart-City (na primere goroda Omska) / E.A. Kapoguzov, S.N. Ovodova, R.I. CHupin // Voprosy upravleniya. 2019. Vypusk 61. S. 272-280.

20. Karputina A.YU. Organizaciya vzaimodejstviya neskol'kih manipulyatorov s ispol'zovaniem mekhanizmov udalennogo upravleniya / A.YU. Karputina, R.A. Bandurin // Uchenye zapiski Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 4 (8). S. 7-13.

21. Korkiya E.D. Novye kontury social'nogo neravenstva: trendy stanovleniya / E.D. Korkiya, A.K. Mamedov // Perspektivy nauki. 2014. № 2 (53). S. 93-100.

22. Mamedov A.K. Lichnost' v informacionnoj matrice: nezavershennyj proekt / A.K.

Mamedov // V sbornike: Transformaciya kommunikacii v cifrovuyu epohu. Materialy nauchnoj onlajn-konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoj vsemirnomu dnyu pochty. Red. A.K. Mamedov, I.N. CHudnovskaya. 2020. S. 76-96.

23. Mamedov A.K. Metodologicheskij diskurs: predmetnoe pole kommunikativnogo kapitala / A.K. Mamedov, M.G. Volnistaya // V sbornike: Kommunikativnyj kapital cifrovoj epohi. Materialy nauchnoj onlajn-konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. Moskva, 2021. S. 7-28.

24. Mamedov A.K. Social'noe neravenstvo: novaya ontologiya i variativnost' v informacionnuyu epohu / A.K. Mamedov // V sbornike: Filosofiya i social'nye nauki v sovremennom mire. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii k 30-letiyu fakul'teta filosofii i social'nyh nauk Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. S. 11-15.

25. Nacional'naya tekhnologicheskaya iniciativa. Principy [elektronnyj resurs] / Rezhim dostupa: https://nti2035.ru/nti/

26. Opyt vnedreniya bazovoj platformy «Umnyj gorod» [elektronnyj resurs] / Rezhim dostupa: https://www.rusatom-utilities.ru/city/projects/

27. Prikaz Minstroya Rossii ot 25 dekabrya 2020 g. №866/pr «Ob utverzhdenii Koncepcii proekta cifrovizacii gorodskogo hozyajstva «Umnyj gorod» [elektronnyj resurs] / Rezhim dostupa: 25.12.2020_866 _pr.pdf (minstroyrf.gov.ru)

28. Sinica N.V. Kombinirovanie razlichnyh istochnikov informacii na urokah tekhnologii pri rabote v IKT-nasyshchennoj srede / N.V. Sinica, R.A. Bandurin // V sbornike: Social'noe partnerstvo kak effektivnyj mekhanizm formirovaniya obrazovatel'nogo prostranstva. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. 2017. S. 37-42.

29. Social'nye aspekty koncepcii «Umnogo goroda» // Aktual'nye voprosy ekonomiki i sociologii : sb. st. [po itogam XIV Osennej konf. v novosibirskom Akademgorodke] / pod red. O.V. Tarasovoj ; IEOPP SO RAN. - Novosibirsk, 2018. - S. 126-131 [elektronnyj resurs] / Rezhim dostupa:: http://lib.ieie.su/docs/2018/YSC2018/126-131 Pirotskaya.pdf

30. Bandurin R. About the equivalence of an interbranch exchange [text] / R. Bandurin // Economic Indicators. 2007. № 10. C. 84.

31. Gostenina V.I. Discursive and visual management technologies in urban sociology / V.I. Gostenina, R.K. Karneev, G.V. Makarova, S.L. Melnikov // Opcion. 2019. T. 35. № Special Edition 24. C. 122-135.

32. Hollands R.G. Critical interventions into the corporate smart city // Cambridge Journal of Regions, Economy and Society. 2015. Vol. 8. № 1. P. 61-77.

33. Mamedov A.K. Sociological discourse of culture: experience in interpretation / A.K. Mamedov, E.D. Korkiya, M.G. Volnistaya // Bulletin of Polessky State University. Series in Social Sciences and Humanities. 2020. № 2. C. 75-83.

34. Aktivnyj grazhdanin. Portal merii Moskvy [elektronnyj resurs] / Rezhim dostupa sajta: Aktivnyj Grazhdanin - proekt dlya tekh, komu vazhno, chto proiskhodit v Moskve (mos.ru)

35. Minstroj RF utverdil koncepciyu umnyh gorodov [elektronnyj resurs] / Rezhim dostupa sajta: Umnyj gorod (vedomstvennyj proekt Minstroya) (tadviser.ru)

36. «Umnyj Sankt-Peterburg»: kak tekhnologii izmenyat gorod [elektronnyj resurs] / Rezhim dostupa sajta: «Umnyj Sankt-Peterburg»: kak tekhnologii izmenyat gorod | spb.media.

Author`s information

Efimochkina Natalia Borisovna - Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the I.M. Gubkin Russian State University of Oil and Gas; e-mail: Muzeırgu@maıl.ru

Mamedov Agamali Kulamovich - Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology of Communicative Systems of the Faculty of Sociology of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Lomonosov Moscow State University» e-mail: soccomsys@mail.ru. Telephone: +7 (495) 939-46-98

УДК 316.47

МЕХАНИЗМ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Кирпиченко А.М.

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск

В статье рассматриваются актуальные вопросы механизмов социального управления. Представлены различные трактовки основных понятий, связанных с тематическим полем управления. Автором проведено социологическое исследование, результаты которого рассмотрены в данной статье. Проанализирован механизм студенческого самоуправления Брянского государственного университета им. ак. И.Г.Петровского. Автором изучено, насколько информированы студенты о системе студенческого самоуправления в БГУ; выявлена эффективность социального механизма управления в студенческой среде; определена степень вовлечённости студентов в систему студенческого самоуправления; рассмотрено отношение студентов к работе старосты группы; рассмотрено отношение студентов к работе профорга группы. Даны рекомендации по увеличению эффективности механизма социального управления.

Ключевые слова: социологическое исследование, управление, самоуправление,, анкетирование, механизм управления, студенты, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского

Обращение к механизмам социального управления является актуальной темой социологического исследования в связи с тем, что стремительно меняется общественная жизнь под воздействием наступления цифровизации [14; 29], проникновения информационных технологий буквально во все сферы жизнедеятельности социума [26; 15; 1].

Рассмотрим важное для нашей статьи понятие организации. Вслед за исследователями организационных систем мы будем понимать под организацией «внутреннюю упорядоченность, согласованность взаимодействия отдельных элементов или частей системы в соответствии со структурой целого» [6]. Независимо от происхождения организации, она «обладает способностью выявлять различные проблемы с помощью средств, которые создает сама или при использовании уже имеющихся механизмов. Эта уникальная способность организации требует универсального социального механизма, с помощью которого реализуются сложные управленческие и производственные функции» [18].

Еще одно важное для нашего исследования понятие - «социальный механизм». Этот термин прочно вошёл в социологию. Так, в одном из источников социальный механизм определяется как «взаимодействие социальных структур, норм, институтов, образцов поведения и т.д., посредством которого обеспечивается функционирование социальной системы» [20].

Рассмотрим соотношение вышеназванных понятий. В таких небольших естественных организациях, как «семьи, неформальные группы, эгалитарные общества, а также в искусственных организациях социальный механизм совпадает с самой организацией» [17]. Однако «в больших естественных и естественно-искусственных организациях такого совпадения не наблюдается, и социальный механизм является частью организации. Правда, не всегда легко бывает «увидеть» этот механизм, так как часто он имеет латентный характер» [17].

Своевременное выявление и изучение механизма социального управления позволит оперативно решать проблемы в организации [19], так как от такого механизма зависит качество функционирования организации и психологический климат в коллективе [11].

Из всего вышеобозначенного проистекает цель исследования: изучение механизма социального управления как явления в социологии. При этом необходимо рассмотреть истоки социального управления; изучить теоретические аспекты механизма социального управления; выявить цели и функции механизма управления.

Мы решили рассмотреть процесс управления организацией на примере БГУ им. Петровского и исследовать механизм социального управления на примере студенческого совета БГУ им. И.Г. Петровского, а также предложить рекомендации по улучшению механизма социального управления.

Объектом нашего исследования является социальное управление.

Предметом исследования является механизм социального управления.

В качестве теоретических источников по теме исследования нами использованы труды В.И. Гостениной [12; 13; 32], А.К. Мамедова [24; 25; 33], А.А. Гавриченко [8] и другие.

В настоящее время нет единого подхода к определению понятия «механизм управления».

Термин «механизм» может применяться в техническом толковании при описании внутреннего устройства машины. В экономике понятие «механизм» напрямую ассоциируется с управлением. В менеджменте под механизмом управления понимают «совокупность средств и методов управления».

Данная проблема рассматривается многими учёными. Например, существует следующее определение механизма социального управления: «совокупность правил, процедур и методик принятия решений» [30]. Также существует точка зрения, что механизм управления — это «составная часть системы управления, обеспечивающая воздействие на факторы, от состояния которых зависит результат деятельности управляемого объекта» [23]. Механизм управления как процесс, то есть преобразование «входа» в «выход» рассмотрен в работе Ю.Г. Учителя. Информация, которая необходима для принятия управленческих решений в организации поступает на «вход». Выработанные управленческие решения поступают на «выход». Они определяют целенаправленность развития организации.

Механизм социального управления - это составная часть системы управления организацией. Результатом его реализации является управленческое решение, формирующее управленческое воздействие, объединяя, таким образом, субъект и объект управления [21].

Методы нашего исследования: анализ, сравнительно-исторический метод, опрос в форме анкетирования.

Управление в широком смысле - неотъемлемый атрибут любой системы - технической, биологической, социальной, который обеспечивает ее сохранение, упорядочение структуры, развитие, достижение целей. Уже в конце XIX - начале XX в. началось формирование специфической отрасли научных знаний о процессе управления. «Для того, чтобы она выделилась в самостоятельную отрасль знаний, на протяжении нескольких тысячелетий человечество накапливало опыт организации совместного труда, обмена продуктами как духовной, так и материальной деятельности. Без управленческих действий, пусть самых простых и примитивных это было бы невозможно» [9].

Социальный институт управления прошел в своем историческом развитии несколько этапов, на которых претерпевали качественные изменения его принципы, место в обществе и социальные практики управления. В результате по мере эволюции социального института управления происходила смена типов управления. В науке переход на качественно новый этап развития управления принято обозначать термином управленческая революция.

Революционно-коммерческая революция произошла около 5 тысяч лет назад. Обозначилась она в период формирования рабовладельческого государства на Древнем Востоке (Шумер, Египет, Аккада). В этот период появилось управление как особый вид деятельности, побочный результат которого – появление письменности и проникновение её в народные массы.

Примерно 3-4 тысячи лет назад произошла светско-административная управленческая революция. Она была связана с именем Вавилонского царя Хаммурапи (1792-1750 гг. до н.э.). Для данной эпохи характерны следующие черты: переход управления от религиозных деятелей к светским правителям, зарождение основ лидерского стиля и методов мотивации поведения, а также возникновение формальной системы организации и регуляции социального поведения людей.

Производственно-строительная революция, относится ко времени правления вавилонского царя Навуходоносора (605-562 гг. до н.э.) и представляет собой соединение производственной деятельности с государственно плановыми методами регулирования. В этот период впервые были применены методы управления государством в строительстве и производстве

(висячие сады Семирамиды и Вавилонская башня).

Среди управленческих нововведений Древнего Рима можно отметить административную иерархию Римской католической церкви и систему территориального управления Диоклетиана (243-316 гг.).

Труды Аристотеля «Политика» и Платона «Государство» являются вершиной управленческой мысли того времени.

В средневековье управление воспринималось как воплощение Божественной воли (Аврелий Августин, Фома Аквинский).

Управленческие идеи Нового времени связаны, в первую очередь, с ранним утопическим социализмом («Город Солнца» Т. Кампанеллы, «Утопия» Т. Мора). Авторы социальных утопий XIV-XV веков создавали проекты государств, базировавшихся на идеях справедливого социального управления в обществе, осуществляемого меньшинством в интересах большинства.

В работах Н. Макиавелли «Государь», «Искусство войны» провозглашалась идея развития общества благодаря управленческому искусству, а не по воле Бога. Также ставился вопрос о необходимости сильной централизованной государственной власти. Он создал образ идеального правителя и политическую технологию удержания власти. Н. Макиавелли впервые вывел государственно-политические вопросы из-под сферы влияния морали и религии.

Как пишут исследователи, «началом четвёртой – индустриальной революции явилась буржуазная революция. Она связана с зарождением капитализма и началом индустриального развития европейских стран» [35].

«Основой развития государства и управления в обществе французские и английские философы XVII-XVIII веков (Т. Гоббс, Дж. Локк, Д. Дидро, Ж.Ж. Руссо, Ш. Монтескье) считали идеи единственного права. Они были продолжены теорией общественного договора (государственная власть – результат соглашения между людьми, заинтересованными в управлении)» [35].

«Данный период развития управления характеризуется отделением управления от собственности, появлением акционерных обществ (демократизация капитала), а также зарождением профессионального управления» [35].

Бюрократическая революция была обозначена со второй половины XIX века. Она характеризуется превращением менеджеров сначала в профессиональную страту, а затем в социальный класс, отдельный от капиталистов.

Данная революция связана с концепцией рациональной бюрократии, предложенной немецким социологом Максом Вебером концепцией. Согласно данной концепции вся деятельность организации расчленяется на простейшие, элементарные операции, что в свою очередь предполагает строгое формальное определение задач каждого из звеньев организации. Управленческая деятельность в данном случае строится на принципах иерархии, т.е. каждый нижестоящий управляющий подчиняется вышестоящему.

В это время впервые появляется менеджмент как наука.

Интерес к управлению достиг своего апогея в середине 50-х годов XX века (П. Сорокин, Д. Белл, Р. Дарендорф, Дж. Гэлбрейт, П. Друкер).

Многие отечественные и зарубежные социологи считают, что современное общество ещё не перешло к шестой управленческой революции и находится только на этапе пятой. Это связано с приоритетом человеческого капитала перед материальными и финансовыми ресурсами в развитых странах Запада и Японии. Основной фигурой в системе управления остаётся менеджер [2; 4; 5].

Таким образом, процесс становления социального института управления начался около 5 тысяч лет назад. Он прошёл пять этапов (управленческих революций), каждый из которых характеризуется важными событиями. Несмотря на это процесс управления всё ещё продолжает меняться.

Управление – целенаправленный, планируемый, координируемый и сознательно организованный процесс, способствующий достижению максимального эффекта при мини-

мальных затратах ресурсов, усилий и времени [10].

Можно представить социальное управление как «сложную систему взаимоотношений людей, выполняющих конкретные функции, для решения определенных задач» [7].

Его наиболее активной, составной частью является механизм социального управления. Он обеспечивает воздействие на факторы, от состояния которых зависит результат деятельности управляемого объекта. Механизм управления создаётся и целенаправленно изменяется путём регламентации всей совокупности методов, стимулов, функций и форм социального управления для осуществления целей социального развития, выполнения определенной социально-экономической политики, а также для наибольшей эффективности социального управления.

Механизм управления можно представить, как совокупность процедур принятия управленческих решений в организациях. Наличие механизмов управления отличает организацию от коллектива (группа лиц, объединённых общей работой) и группы (совокупность людей, объединённых общностью интересов, деятельности, профессии и т.д.).

Наличие в организации совокупности механизмов управления привлекательно как с точки зрения управляемых субъектов (делает предсказуемым поведения управляющего органа), так и с точки зрения управляющего органа (позволяет предсказать поведение управляемых субъектов). В данном случае механизм управления можно рассматривать как синоним метода управления, так как они определяют, как осуществляется управление.

Под механизмом управления понимается «фундаментальная категория, позволяющая выявить органическую взаимосвязь его элементов, устойчивые отношения (связи) в процессах и структуре как объекта, так и субъекта менеджмента, проследить его влияние на развитие отраслей народного хозяйства, т.е. рассмотреть управленческую деятельность в динамике» [16].

Уровень подготовки управленческих кадров и их умение выявлять и объективно оценить основные элементы, взаимосвязи и тенденции механизма напрямую влияют на качество механизма социального управления.

Механизм управления включает в себя такие элементы, как цели и функции.

Существует три аспекта механизма социального управления в соответствии со сферами жизнедеятельности общества: экономический, организационный и социокультурный. Для первого аспекта характерна реализация экономической политики (финансовой, ценовой, кредитной, капиталовложений, платы труда, размещения производственных сил и т.д.). Организационный аспект представляет собой осуществление политического руководства страной административно-государственным аппаратом. Социокультурный аспект состоит в осуществлении социальной политики, направленной на удовлетворение индивидуальных, групповых и общественных интересов и обеспечение гармоничного социального развития.

Таким образом, механизм социального управления позволяет эффективно развиваться всему обществу, так как является активной составляющей социального управления.

Рассмотрим цели и функции социального механизма управления.

Цель – это ключевое понятие, которое определяет эффективность деятельности любой организации. Это конкретный результат, достижение которого видится желаемым для хозяйствующего субъекта.

Необходимость выявления целей как сущностного компонента социального управления понималась издревле. Аристотель говорил о том, что «благо везде и повсюду зависит от соблюдения двух условий: правильного установления конечной цели всякого рода деятельности и отыскания соответствующих средств, ведущих к конечной цели» [7].

В каждой деятельности цель выступает как управляющая сила, которая и определяет характер действий. Любое управленческое воздействие сводится к установлению целей. Определение целей должно быть научно обоснованным, так как цели обусловливают формирование определенного механизма социального управления, стиль управленческой деятельности, содержание, выбор средств, методов и приемов управления, подбор и расстановку управленческих кадров и др.

Принято выделять социальные, маркетинговые, экономические, инвестиционные, инновационные и иные цели [31].

Современными учёными был выделен ряд характеристик эффективности целей механизма социального управления.

Одной из них является конкретность и измеримость. Она достигается за счёт фиксирования временных сроков целей и предполагает наличие возможности их представления в количественном виде.

Следующая характеристика - это достижимость целевых установок, то есть наличие ресурсной базы для их достижения. Мотивация работника к повышению производительности своего труда снизится, если перед ним поставить изначально недостижимую цель. Постановка слишком лёгких целей будет иметь тот же эффект.

При возникновении непредсказуемых средовых трансформаций существует возможность их коррекции, то есть гибкость целей.

Следующая характеристика эффективности целей механизма социального управления – взаимосвязанность целей. Она подразумевает их непротиворечивость друг другу. Это необходимо для того, чтобы действия, которые необходимы для достижения одной цели, не помешали достижению других.

Учёт интересов сторон, влияющих на работу организации (собственников, исполнителей, руководителей, общества и потребителей и др.) обеспечивает приемлемость целей.

Переход от сущности управления к его содержанию (от цели к функциям), означает систематизацию и дифференциацию целей. Таким образом функции выступают элементами социального механизма управления.

К общепризнанным функциям управления можно отнести организацию производства и управления, планирование, стимулирование, координирование, учет, контроль.

По характеру социальный механизм управления выполняет следующие функции:

- хозяйственно-управленческая – формирование основных условий хозяйствования, реализуется через организацию, планирование, материально-техническое снабжение, решение проблем стимулирования, социально-экономическое нововведение;
- кадровая – решение кадровых вопросов, формирование трудовых коллективов, комплектование и обоснование состава сотрудников организации;
- организационно-политическая – конкретизация политики органов власти и трансляция её на нижестоящие уровни управления (субъекты социального механизма могут преследовать как государственные, так и групповые, личные цели и интересы);
- организационная –обеспечение высокого качества труда;
- технологическая – обеспечение хода производства со стороны его совершенствования и культуры;
- инновационная – совершенствование различных звеньев производства;
- стимулирующая – определение разработки и применения действующих стимулов, которые способны обеспечить активность сотрудников организации.

Для механизма социального управления характерно наличие целей и функций. Именно они определяют эффективность деятельности организации.

Таким образом, процесс управления необходим в каждой организации. Социальный институт управления в процессе своего развития прошёл несколько этапов: революционно-коммерческая, светско-административная, производственно-строительная, буржуазная и бюрократическая революции. Человечество на протяжении нескольких тысячелетий накапливало опыт организации совместного труда, что позволило начать формироваться специфической отрасли знаний о процессе управления.

Наиболее активной частью управления является механизм социального управления, т.е. совокупность процедур принятия управленческих решений в организациях. Для механизма социального управления характерно наличие трёх аспектов: экономический, социокультурный [3; 22] и организационный.

Он включает в себя цели и функции. Для каждой деятельности необходима цель. Она

направляет действия, является управляющей силой. В механизме управления выделяют социальные, экономические, маркетинговые и другие цели. Их эффективность определяют следующие характеристики: конкретность и измеримость, достижимость целевых установок, гибкость, взаимосвязанность, приемлемость, систематизация и дифференциация.

Существует несколько классификаций функций социального механизма. К общепризнанным относят организацию производства и управления, планирование, стимулирование, координирование, учёт и контроль.

Функции социального механизма по характеру бывают: хозяйственно-управленческая, кадровая, организационно-политическая, организационная, технологическая, инновационная и стимулирующая.

ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского» является самый крупный вузом региона. С 2006 года он входит в ассоциацию классических университетов России, которую возглавляет Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова. Сейчас в БГУ им. ак. И.Г.Петровского обучается более 7 тысяч студентов [34].

Брянский государственный университет не уступает ведущим вузам России по качеству образования. В X ежегодном Национальном рейтинге университетов, который предоставила Международная информационная Группа «Интерфакс», БГУ входит в топ-30 лучших университетов из 327 вузов России.

По результатам независимой оценки качества образовательной деятельности государственных вузов МИА «Россия сегодня» университет входит в список из 67 лучших университетов страны (из 503 российских вузов, которые участвовали в исследовании).

Брянский государственный университет вошёл в топ-10 лучших вузов РФ, по качеству бюджетного приема на педагогическое образование.

Результаты рейтингов свидетельствуют об эффективной деятельности, которую проводит университет.

В 2020 году вуз прошёл аккредитацию и получил лицензию Министерства образования и науки Российской Федерации на осуществление образовательной деятельности по 58 специальностям высшего образования, 53 направлениям бакалавриата, 28 направлениям магистратуры, которые входят в состав 12 укрупненных групп специальностей.

БГУ им. ак. И.Г. Петровского ориентирован на диверсификацию (расширение количества) образовательных программ и на системное формирование кадрового потенциала и рынка труда.

Как указано на сайте вуза, «в последнее время в университете было увеличено количество программ дополнительного и послевузовского образования. Произошло обновление качества образовательного процесса, что проявилось в реализации новой концепции многоуровневого образования. С каждым годом открываются новые специальности, востребованные на рынке труда» [34].

Брянский государственный университет тесно взаимодействует с российскими и зарубежными научными школами: Институт русского языка РАН, Санкт-Петербургский институт Эйлера, Московское и Санкт-Петербургское отделения Института Математики РАН, Йельский университет штата Массачусетс (США), Институты математики АН Украины, Беларуси, Армении, а также ряд научных центров Норвегии, Польши и Швеции.

Управление в Брянском государственном университете осуществляется линейно «сверху-вниз», посредством вертикальных связей. Возглавляет университет ректор Антюхов Андрей Викторович. При этом в университете существуют подразделения с набором функций для различных видов деятельности (например, бухгалтерия). В каждом подразделении формируется иерархия служб [34].

Ректорат в университете - высший источник власти. Механизм социального управления осуществляется Учёным советом, первым проректором (отдел кадров, отдел охраны и безопасности, медиацентр, библиотека и др.), первым проректором по учебной работе, проректором по научно-исследовательской работе и международным связям (отдел организации

научных исследований, отдел международных связей и сотрудничества, отдел аспирантуры и докторантуры и др.), проректором по инновационной работе, проректором по социальным вопросам, внеучебной и воспитательной работе (отдел социально-культурной политики и воспитательной работы, профсоюзная организация студентов, санаторий-профилакторий и др.). Для университета характерно наличие институтов. В БГУ им. И.Г.Петровского 5 институтов: педагогики и психологии, естественно-научный, экономики и права, филологии, истории и международных отношений, научно-исследовательский институт фундаментальных и прикладных исследований. Институты состоят из 11 факультетов, 40 кафедр. В БГУ им. И.Г. Петровского есть филиал в г. Новозыбкове Брянской области [34].

Для университета характерно наличие студенческого совета. Объединенный совет обучающихся ФБГОУ ВПО «Брянский государственный университет имени академика И.Г.Петровского» «является коллегиальным представительным и координирующим органом студентов, магистрантов, аспирантов и студенческих объединений образовательной организации» [34]. Он был создан по инициативе обучающихся в 2012 году. На момент исследования возглавлял студенческий совет Артюхов Андрей Игоревич.

Целями деятельности Совета является формирование активной гражданской позиции обучающихся, гражданской культуры, содействие развитию их социальной зрелости, самостоятельности, способности к самоорганизации и саморазвитию; обеспечение реализации прав на участие обучающихся в управлении образовательной организацией, оценке качества образовательного процесса, формирование у обучающихся умений и навыков самоуправления, подготовка их к компетентному и ответственному участию в жизни общества.

Все важные решения Объединённого совета обучающихся БГУ принимаются Конференцией – высшим органом управления. Среди таких решений можно отметить выборы Председателя Объединенного совета обучающихся БГУ. Совет – рабочий орган. В его состав входят председатель Совета, его заместитель, руководители студенческих объединений.

В Объединённый совет обучающихся входят следующие подразделения: Совет молодых ученых, студенческое исследовательское бюро; первичная профсоюзная организация студентов; совет студентов и аспирантов; Аналитическое общество «Международник; Студенческий центр правовой помощи»; Студенческое объединение КВН; Ассоциация волонтеров БГУ и другие.

На уровне студенческой группы управление осуществляется старостой и профоргом. Староста – формальный лидер групп. Он является связующим звеном между администрацией вуза и одногрупниками. В обязанности старосты входит информирование студентов группы о правилах внутреннего распорядка института, распоряжениях декана, решения студенческих собраний и заседаний профбюро, следит за их выполнением и другое. Работа профорга осуществляется в непосредственном контакте с профбюро студентов института. Среди функций профорга решение вопросов обеспечения студентов санаторно-курортными, оздоровительными и другими путевками, контроль за соблюдением прав и обязанностей студентов в учебном и учебно-производственном процессе, учет социально-бытовых условий и материального состояния студентов группы и т.д.

Таким образом, деятельность университета осуществляется достаточно эффективно. Брянский государственный университет является конкурентоспособным и взаимодействует с различными российскими и зарубежными научными школами. Процесс управления в университете осуществляется на различных уровнях, что позволяет эффективнее выполнять те или иные задачи. Важное место в системе управления университета занимает студенческое самоуправление.

Перейдем к программе исследования.

Студенческое самоуправление можно определить, как партнёрство между студентами и администрацией университета. Это возможность студенческих групп свободно действовать при улучшении процесса обучения, помощи студентам, высказывания позиций студентов по возможным вопросам. Деятельность студенческих советов идёт от самих студентов, т.е. инициатива снизу. Это не беспрекословное подчинение администрации университета. Студенты

сами определяют главные области своей работы.

Целями деятельности Объединённого совета обучающихся БГУ им. И.Г.Петровского является формирование активной гражданской позиции обучающихся, содействие развитию их социальной зрелости, способности к самоорганизации и саморазвитию; обеспечение реализации прав на участие обучающихся в управлении образовательной организацией, формирование у обучающихся умений и навыков самоуправления, подготовка их к компетентному и ответственному участию в жизни общества и др [36].

Каждый год в университете Объединённым советом обучающихся БГУ проводятся различные мероприятия такие, как конкурс «Первокурсник», «День знаний», фестиваль команд КВН «Великолепная пятёрка плюс» и многое другое. Такие мероприятия помогаю формировать самостоятельность студентов, их вовлечённость в общественную жизнь и способность работы в команде.

Важно изучать деятельность студенческих объединений в университете. Это поможет найти их слабые стороны и при необходимости их исправить.

Цель исследования: проанализировать механизм управления студенческого самоуправления Брянского государственного университета им. ак. И.Г.Петровского.

Задачи: изучить, насколько информированы студенты о системе студенческого самоуправления в БГУ; выявить эффективность социального механизма управления в студенческой среде; определить степень вовлечённости студентов в систему студенческого самоуправления; рассмотреть отношение студентов к работе старосты группы; рассмотреть отношение студентов к работе профорга группы.

Объект исследования: студенты БГУ им. И.Г. Петровского.

Предмет исследования: механизм социального управления в студенческой среде БГУ им. И.Г.Петровского.

Теоретическая интерпретация понятий:

Самоуправление – способ организации коллективной жизни.

Студенческий совет (студсовет) – орган студенческого самоуправления, одна из форм проявления студенческой общественной деятельности, направленной на решение актуальных для студентов вопросов.

Староста — это студент, который является формальной главой студенческой группы, занимается административной работой и выполняет роль связующего звена между студентами и администрацией учебного заведения.

Студенческие профессиональные союзы – это социальные организации, призванные защищать права конкретной группы трудящихся, а именно студентов конкретного вуза.

Профорг (профсоюзный организатор) — студент, выбранный собранием группы и представляющий интересы студентов группы в профсоюзной организации и администрации вуза.

Нами предполагалось, что механизм социального управления в студенческой среде БГУ им. И.Г. Петровского работает эффективно.

В качестве основного метода сбора информации используется социологическое анкетирование, эффективность данного метода зарекомендовала себя во многих исследованиях [27; 28]. Анкета разработана в соответствии с целью, задачами, гипотезой исследования и на основе проведённой эмпирической интерпретации основных понятий.

Для изучения состояния механизма социального управления студенчества было проведено анкетирование среди студентов БГУ им. И.Г. Петровского. Анкетирование проводилось в период с 15.04.2021 по 30.04.2021. В опросе принимало участие 50 человек. Анкетирование обучающихся проводилось анонимно, исключительно при соблюдении принципа добровольности. Среди опрошенных 40 девушек (80%) и 10 юношей (20%) (рис. 1).

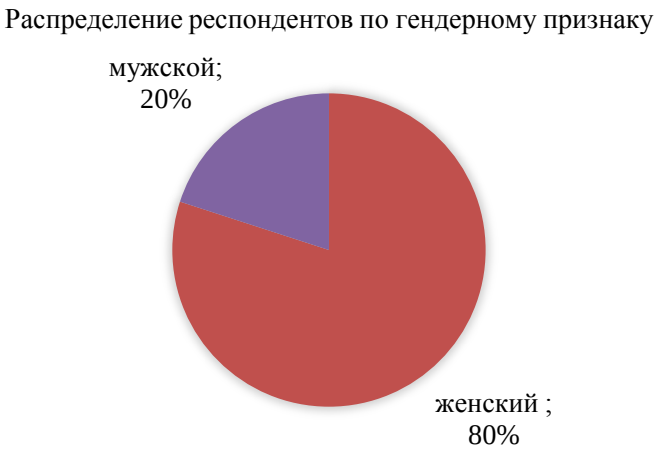

Рисунок 1 – Распределение респондентов по гендерному признаку

56% респондентов младше 20 лет, 24% опрошенных в возрасте 20-22 лет и 20% старше 20% (рис. 2).

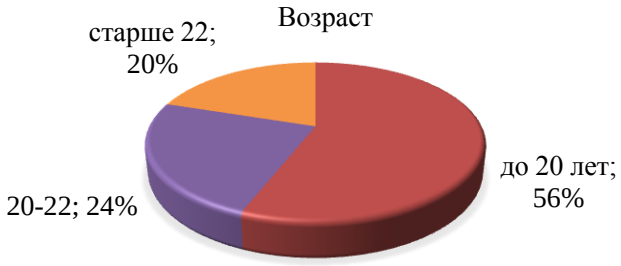

Рисунок 2 – Распределение респондентов по возрасту

Распределение ответов на вопрос: «Вы когда-нибудь взаимодействовали с органами студенческого самоуправления?» показал, что половина опрошенных респондентов взаимодействовала с органами студенческого самоуправления, ещё 30% ответили, что сами участвуют в студенческом самоуправлении, 14% затруднились ответить, а 6% не взаимодействовали (рис. 3).

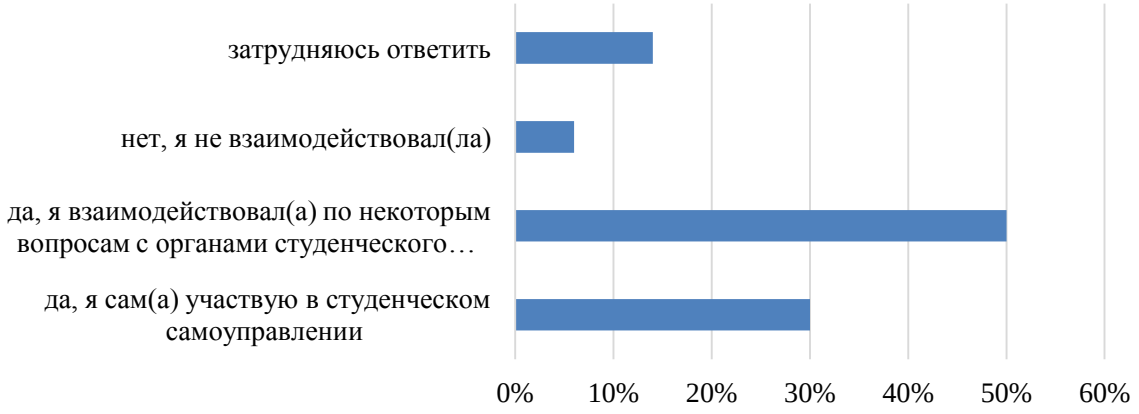

Рисунок 3 – Результаты ответов на вопрос «Вы когда-нибудь сталкивались со студенческим самоуправлением?»

На вопрос «Знаете ли Вы кто является председателем студенческого совета в БГУ им. И.Г. Петровского?» 84% респондента дали утвердительный ответ и 4% отрицательный. Ос-

тальные 12% затруднились ответить. Т.е. большинство опрошенных респондентов проинформированы о системе студенческого самоуправления и о том, кто его возглавляет (рис. 4).

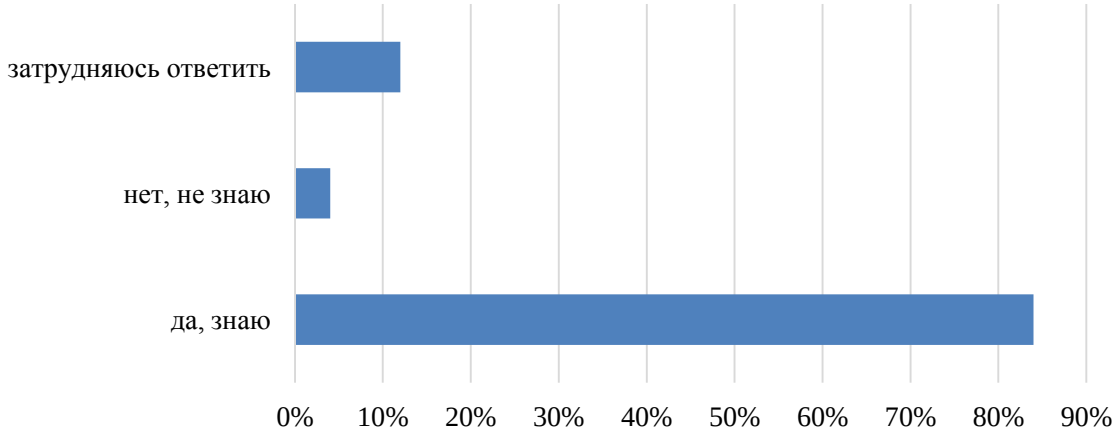

Рисунок 4 – Результаты ответов на вопрос «Знаете ли Вы, кто является председателем студенческого совета БГУ им. И.Г.Петровского?»

На вопрос: «На Ваш взгляд, для чего создан такой орган студенческого самоуправления, как Студенческий совет?» было предложено выбрать несколько вариантов ответов. Мнения респондентов распределились следующим образом реализация общественной деятельности 64%, реализация культурной деятельности 50%, реализация спортивной деятельности 20%, реализация научной деятельности 30%, социальная поддержка студенчества 40%, на моем факультете нет такого органа 2%, другое 12% (рис. 5).

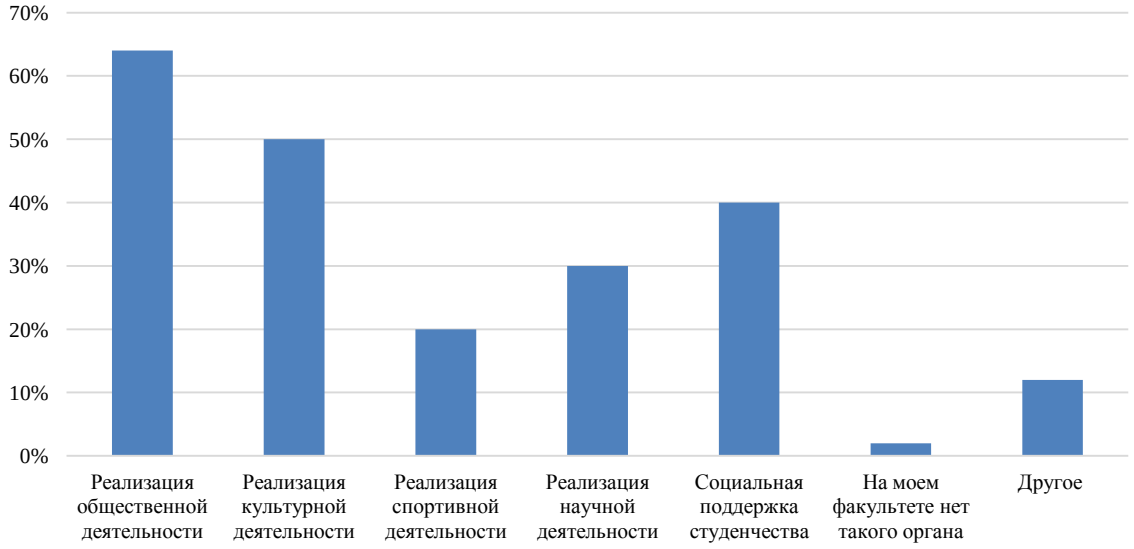

Рисунок 5 – Результаты ответов на вопрос «На Ваш взгляд, для чего создан такой орган студенческого самоуправления, как студенческий совет?»

Также был задан вопрос «На Ваш взгляд, для чего создан такой орган студенческого самоуправления, как Профсоюзная организация?». Ответы респондентов распределились следующим образом: реализация общественной деятельности 58%, реализация культурной деятельности 24%, реализация спортивной и научной деятельностей по 14%, социальная поддержка студенчества 66%, 20% опрошенных респондентов считают, что на их факультете нет такого органа, 6% ответили другое (рис. 6).

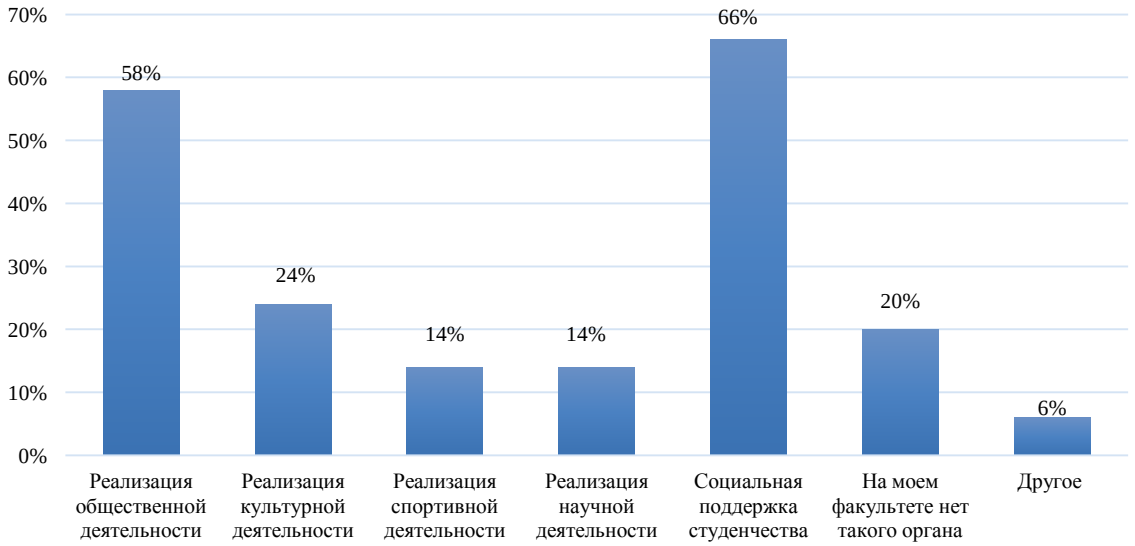

Рисунок 6 – Результаты ответов на вопрос «На Ваш взгляд, для чего создан такой орган студенческого самоуправления, как Профсоюзная организация?»

Среди опрошенных респондентов 84% знают для чего необходим староста в их группе, 14% затруднились ответить, а остальные 2% не знают (рис. 7).

Рисунок 7 – Результаты ответов на вопрос «Знаете ли Вы, для чего необходим староста в вашей группе?»

При этом только 44% опрошенных считают, что староста группы справляется со своими обязанностями, 34% отметили вариант ответа «в чём-то справляется, в чём-то нет», 12% респондентов думает, что староста не справляется со своими обязанностями, а остальные 6% респондентов затруднились ответить (рис. 8).

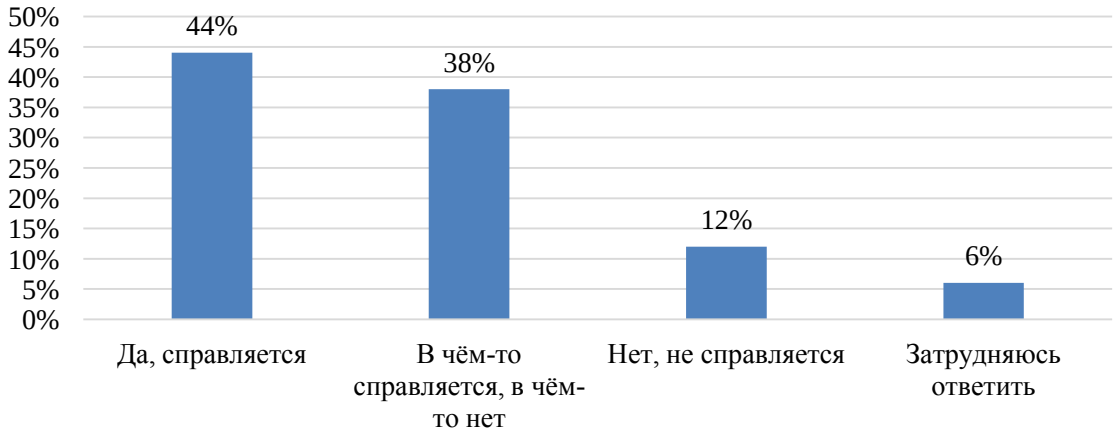

Рисунок 8 – Результаты ответов на вопрос «Как Вы считаете, староста вашей группы справляется со своими обязанностями?»

Респондентам также был предложен вопрос: «Знаете ли Вы, для чего необходим профорг в вашей группе?». 86% дали утвердительный ответ, 6% - отрицательный, 8% затруднились ответить (рис. 9).

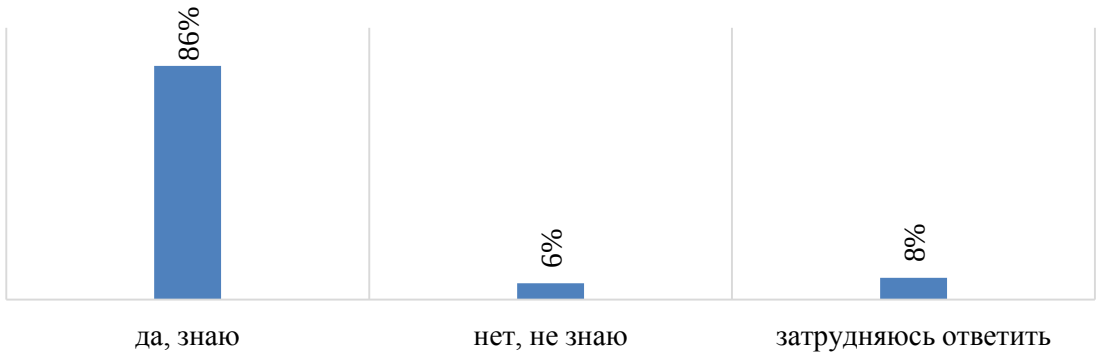

Рисунок 9 – Результаты ответов на вопрос «Знаете ли Вы, для чего необходим профорг в вашей группе?»

При этом 40% респондентов отметили, что профорг группы справляется со своими обязанностями, 30% - «в чём-то справляется, в чём-то нет», 24% считает, что профорг не справляется со своими обязанностями и оставшиеся 6% затруднились ответить (рис. 10).

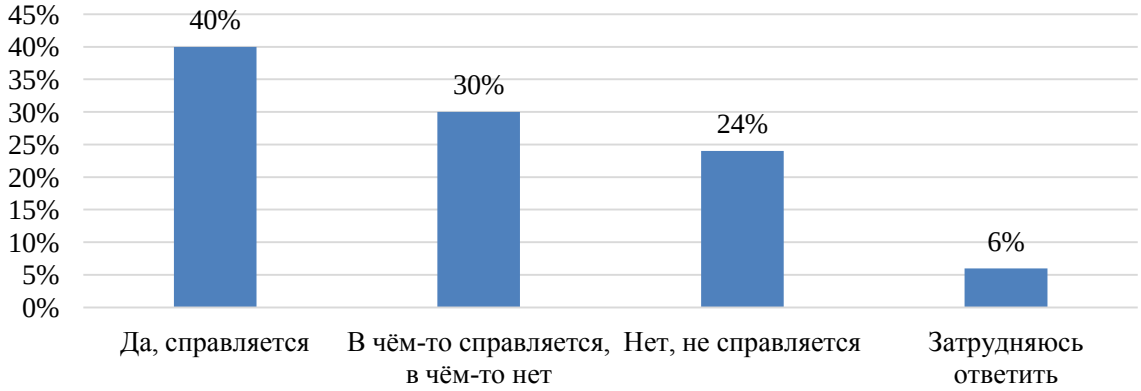

Рисунок 10 – Результаты ответов на вопрос «Как Вы считаете, профорг Вашей группы справляется со своими обязанностями?»

На вопрос «Существуют ли, по Вашему мнению, различия в функциях старосты и профорга?» 76% дали положительный ответ, 6% отрицательный и 18% затруднились ответить (рис. 11).

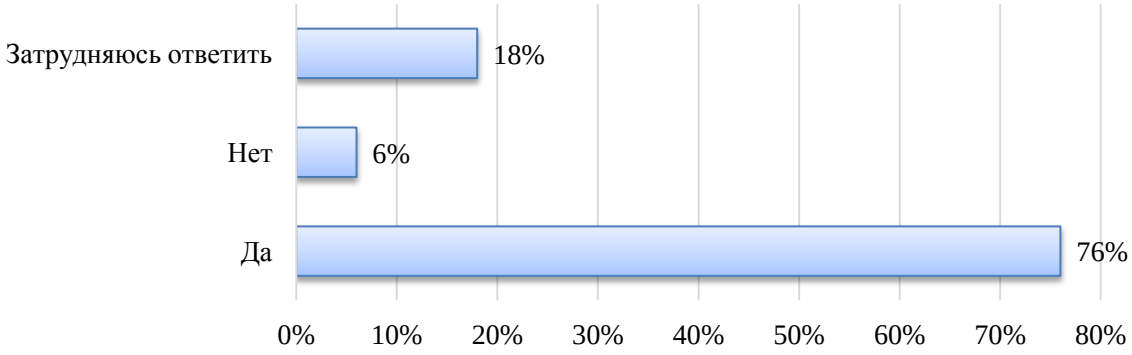

Рисунок 11 – Результаты ответов на вопрос «Существуют ли, по Вашему мнению, различия в функциях старосты и профорга?»

С целью изучить эффективность работы студенческого совета в университете был задан вопрос: «По Вашему мнению, вся ли необходимая информация от студенческого совета доходит до студентов?». 50% опрошенных студентов считают, что вся информация доходит до студентов, 38% - «что-то доходит, что-то нет», 4% выбрали ответ «информация не доходит», остальные 8% затруднились ответить (рис. 12).

Рисунок 12 – Результаты ответов на вопрос «По Вашему мнению, вся ли необходимая информация от студенческого совета доходит до студентов?»

К вопросу «Какие функции, На Ваш взгляд, выполняет студенческий совет БГУ им. И.Г. Петровского?» были предложены следующие варианты ответов:организация культурно-массовых мероприятий, отдыха и досуга 2%;проведение спортивно-оздоровительной работы 4%;вовлечение студентов в волонтерскую деятельность 2%;социальная защита студентов 6%;жилищно-бытовая работа 4%;организационно-информационная работа 2%;обучение студенческого актива 2%;все вышеперечисленные 74%;ничего из вышеперечисленного; затрудняюсь ответить 4% (рис. 13).

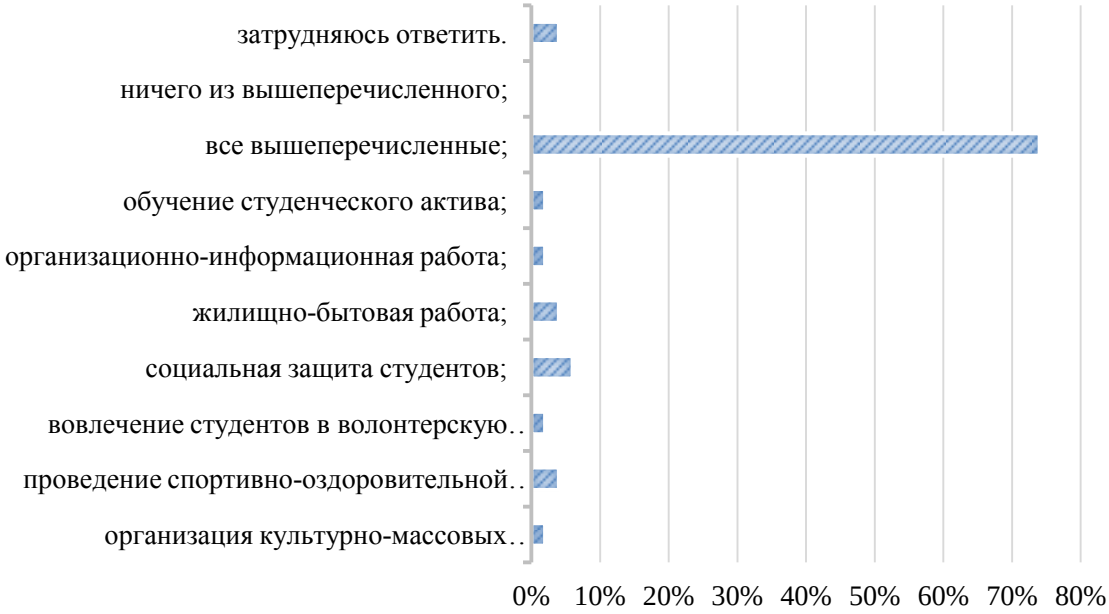

Рисунок 13 – Результаты ответов на вопрос «Какие функции, на Ваш взгляд, выполняет студенческий совет БГУ им. И.Г. Петровского?»

«Как вы считаете органы студенческого самоуправления на вашем факультете эффективны?» 74% эффективны, 6% не эффективны, 20% затруднились ответить. Таким образом, большинство опрошенных респондентов считает, что студенческий совет БГУ им. И.Г. Петровского справляется со своими задачами и работает эффективно (рис. 14).

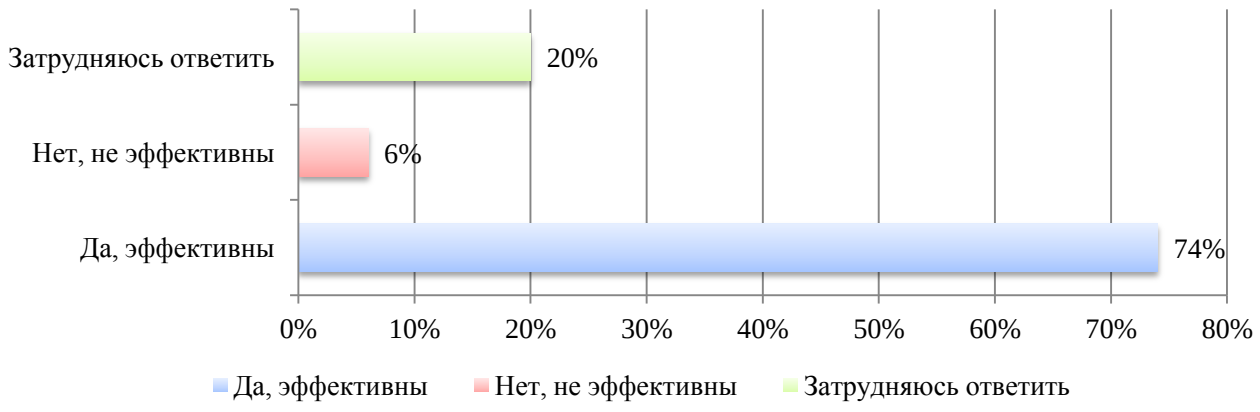

Рисунок 14 – Результаты ответов на вопрос «Как вы считаете органы студенческого самоуправления на вашем факультете эффективны?»

Таким образом, проведённое исследование показывает, что в целом механизм социального управления в БГУ им. И.Г. Петровского работает достаточно эффективно. Студенты проинформированы о работе студенческого совета и при необходимости могут обратиться за помощью в органы студенческого самоуправления.

Студенческий совет является одной из форм студенческого самоуправления, которая направлена на решение важных вопросов жизнедеятельности студентов университета.

Большинство опрошенных респондентов взаимодействовали с органами студенческого самоуправления БГУ им. И.Г. Петровского и информированы о его деятельности. Студенты (74%) считают, что органы студенческого самоуправления на факультетах работают эффективно. Основная проблема студенческого самоуправления в БГУ им. И.Г. Петровского заключается в плохо организованной работе старост и профоргов на уровне студенческих групп. Большинство опрошенных респондентов считает, что старосты и профорги групп либо справляются со своими обязанностями частично, либо совсем не справляются. В целях совершенствования механизма студенческого социального управления в БГУ им. И.Г. Петровского нами предлагается:

Проведение «Круглого стола» как для старост, так и для профоргов, в ходе которого они смогут делиться своим опытом и знаниями.

Проведение конкурса старост, который поможет выявить их сильные и слабые стороны. Старосты смогут набраться опыта и эффективнее выполнять свои обязанности.

Проведение опросов в каждой отдельной группе, с целью выявления эффективности работы старосты и профорга. По результатам анкетирования проводить беседы с не справляющимися.

Формирование традиций образовательного учреждения (Первокурсник, День знаний, День студента), разработка ритуалов (вручение студенческого билета,диплома, посвящение в первокурсники,награждение победителей по итогам конкурсных программ), организация творческих конкурсных и спортивных мероприятий – это поможет заинтересовать студентов, привлечь их к деятельности студенческого совета университета.

Для того чтобы студенты смогли узнать куда и по каким вопросам они могут обращаться необходимо проводить собрания, посвящённые информированию студентов о деятельности студенческого совета БГУ им. И.Г. Петровского.

Необходимо проводить работу (объявления на сайтах, в социальных сетях) по выявлению активных студентов, которые заинтересованы в участии в общественной работе. Это поможет внести новые идеи в работу студенческого самоуправления, разработать стратегию его дальнейшего развития.

Организация и проведение социологических опросов и исследований среди студенческой молодежи позволит изучать состояние системы социального управления как в целом,

так и на отдельных его ступенях

Разработанные рекомендации позволят улучшить систему студенческого самоуправления в университете, при этом способствуя дальнейшему развитию механизма социального управления.

Таким образом, механизм социального управления Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского является эффективным. По качеству предоставляемого образования университет не уступает ведущим вузам России. Ориентированность на диверсификацию образовательных программ позволяет университету расширять рамки своё деятельности. При этом важное место в управлении университетом занимает студенческое самоуправление. Оно даёт возможность студентам проявить себя, развить свои творческие и управленческие качества.

Проведённое на основе БГУ им. И.Г. Петровского социологическое исследование показало высокую эффективность механизма социального управления в студенческой среде. Респондентам предлагалось заполнить анкету и ответить на такие вопросы, как «сталкивались ли Вы со студенческим самоуправлением?», «для чего создан студенческий совет/Профсоюзная организация?», «знаете ли Вы для чего необходим староста/профорг в вашей группе?» и другие. Основная проблема, как показали результаты исследования, заключается в недостаточно качественной работе старост и профоргов групп.

С целью совершенствования механизма социального управления в БГУ им. И.Г. Петровского были предложены следующие рекомендации:

- проведение «Круглых столов» для старост и профоргов;
- проведение конкурса старост;
- проведение опросов на уровне студенческих групп, с целью выявления эффективности работы старост и профоргов;
- формирование традиций образовательного учреждения, разработка ритуалов, организация конкурсных и спортивных мероприятий;
- проведение собраний, посвящённых информированию студентов о деятельности студенческого совета;
- проведение работы по выявлению активных студентов;
- организация и проведение социологических опросов и исследований.

В социологии всё чаще используется понятие «социальный механизм». С его помощью обеспечивается функционирование социальной системы.

В ходе реализации поставленных задач были достигнуты следующие результаты:

Рассмотрены истоки социального управления. Социальное управление – сложный, многогранный процесс. Он постоянно развивается и изменяется. В своём историческом развитии социальное управление прошло несколько этапов (управленческих революций): революционно-коммерческая, советско-административная, производственно-строительная, индустриальная и бюрократическая революции. Каждый этап приносил в социологию управления новые идеи, трансформировал её и улучшал.

Изучены теоретические аспекты механизма социального управления. Механизм социального управления является наиболее активной частью социального управления. Это «фундаментальная категория, позволяющая выявить органическую взаимосвязь его элементов, устойчивые отношения (связи) в процессах и структуре как объекта, так и субъекта менеджмента, проследить его влияние на развитие отраслей народного хозяйства, т.е. рассмотреть управленческую деятельность в динамике» [35]. Для механизма социального управления характерно наличие трёх аспектов: социокультурный, экономический и организационный.

Выявлены цели и функции механизма социального управления. Выделяют следующие цели: социальные, маркетинговые, экономические, инвестиционные, инновационные и иные цели. Для них характерно наличия критериев эффективности: конкретность и измеримость, достижимость целевых установок, взаимосвязанность, приемлемость, систематизация и дифференциация целей. Среди функций механизма социального управления можно выделить хозяйственно-управленческая, кадровая, организационно-политическая, технологиче-

ская, инновационная и стимулирующая.

Рассмотрен процесс управления организации на примере БГУ им. И.Г.Петровского. Управление в университете осуществляется ректором и идёт «сверху-вниз», до институтов, кафедр и филиала в г. Новозыбков. Важное место в социальном управлении занимает студенческое самоуправление. Его целями является формирование активной гражданской позиции обучающихся, формирование у обучающихся умений и навыков самоуправления и многие другие.

Проанализировано состояние студенческой системы управления в БГУ им. И.Г. Петровского. По результатам анкетирования можно судить о высокой эффективности механизма социального управления в студенческой среде. Однако была выявлена основная проблема системе студенческого самоуправления: слабая подготовленность старост и профоргов на уровне студенческих групп.

Выработаны рекомендации по улучшению механизма студенческого самоуправления в БГУ им. И.Г. Петровского:

- проведение «Круглых столов» для старост и профоргов;
- проведение конкурса старост;
- проведение опросов на уровне студенческих групп, с целью выявления эффективности работы старост и профоргов;
- формирование традиций образовательного учреждения, разработка ритуалов, организация конкурсных и спортивных мероприятий;
- проведение собраний, посвящённых информированию студентов о деятельности студенческого совета;
- проведение работы по выявлению активных студентов;
- организация и проведение социологических опросов и исследований.

Таким образом, цель и задачи исследования достигнуты.

Список литературы

1. Алямкина Е.А. Власть-народ: контакт в электронном модуле / Е.А. Алямкина, П.Н. Киричек // Актуальные проблемы современного общества. 2015. № 3. С. 203-207.
2. Андреева В.А. Роль экспорта топливно-энергетических товаров в обеспечении экономической безопасности Российской Федерации / В.А. Андреева, Р.А. Бандурин // В сборнике: Таможенное администрирование и экономическая безопасность в цифровой экономике. Материалы всероссийской научно-практической конференции. Брянск, 2019. С. 21-24.
3. Антюхов А.В. Мемуарно-автобиографическое начало и жанровый код помянника в «Истории о Великом князе Московском» / А.В. Антюхов, А.Н. Волга // Ученые записки Орловского государственного университета. 2019. № 4 (85). С. 95-98.
4. Бандурин Р.А. Обоснование методологии оценки финансовых потерь сельского хозяйства в результате неэквивалентного межотраслевого обмена в АПК / Р.А. Бандурин // Вестник Брянской государственной сельскохозяйственной академии. 2008. № 2. С. 52-56.
5. Бандурин Р.А. Особенности производства товароведческой экспертизы обувных товаров в таможенном деле / Р.А. Бандурин // Экономика. Социология. Право. 2017. № 1 (5). С. 9-14.
6. Бандурин Р.А. Роль экспертных организаций в антимонопольном регулировании потребительского рынка и контроле качества товаров / Р.А. Бандурин // В сборнике: Современная антимонопольная политика России: правоприменительная практика в Брянской области. Сборник научных работ Всероссийской научно практической конференции. 2019. С. 15-19.
7. Васильев А.В. Культура коммуникаций в условиях информационной глобализации / А.В. Васильев, Э.Д. Коркия, А.К. Мамедов. Москва, 2019. 160 с.
8. Гавриченко А.А. Таможенное администрирование в сфере цифровой экономики / А.А. Гавриченко, Р.А. Бандурин // В сборнике: Таможенное администрирование и экономическая безопасность в цифровой экономике. Материалы всероссийской научно-практической

конференции. Брянск, 2019. С. 50-53.

9. Гостенина В.И. Коммуникативные основания управления мегаполисом (на материале управленческого дискурса). Учебно-методическое пособие по спецкурсу для магистратуры по направлению подготовки «Коммуникативное пространство современного мегаполиса» / В.И. Гостенина, А.К. Мамедов, С.А. Шилина. Москва, 2016. 192 с.

10. Гостенина В.И. Социокультурные, экономические и управленческие факторы формирования статуса региона (на примере Брянской области) / В.И. Гостенина, А.П. Корюкин, Е.Ю. Лупенкова и др. // Ежегодник НИИ фундаментальных и прикладных исследований. 2012. № 3 (3). С. 117-128.

11. Гостенина В.И. Управление вербальным социолингвистическим кодом субъекта власти в коммуникативном процессе/ В.И. Гостенина, С.А. Шилина. Москва, 2008. 208 с.

12. Гостенина В.И. Управленческие факторы формирования статуса региона (на примере Брянской области) / В.И. Гостенина, А.Г. Киселёв, С.А. Шилина // Власть. 2013. № 2. С. 082-085.

13. Гостенина В.И. Управленческий дискурс как технология социального взаимодействия субъекта власти и социума / В.И. Гостенина, А.Ю. Качалков, С.А. Шилина // Власть. 2015. № 8. С. 128-133.

14. Епремян Т.В. Дискурс социального пространства города в условиях цифровизации / Т.В. Епремян, С.А. Шилина // В сборнике: Дискурс социальных проблем в социокультурном, образовательном, языковом пространстве в период пандемии коронавируса. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Брянск, 2021. С. 25-31.

15. Епремян Т.В. Рекламный дискурс в аспекте виртуализации социального пространства в период пандемии 2020 года / Т.В. Епремян, А.В. Траханов // В сборнике: Влияние качества жизни на формирование ценностной структуры населения России. Всероссийская научная конференция с международным участием : сборник материалов. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Москва, 2020. С. 96-97.

16. Епремян Т.В. Управленческие технологии дискурса социальной рекламы / Т.В. Епремян, С.А. Шилина // В сборнике: Журналістыка - 2020: стан, праблемы і перспектывы. Матэрыялы 22 -й Міжнароднай навукова- практычнай канферэнцыі. Мінск, 2020. С. 383-386.

17. Зелепугин А. Экономическая оценка практики ценообразования в АПК Брянской области // А. Зелепугин, Р. Бандурин // АПК: Экономика, управление. 2007. № 11. С. 53-55.

18. Зелепугин А.Д. Совершенствование организационно-экономических отношений между субъектами АПК как основа развития бизнеса / А.Д. Зелепугин, Р.А. Бандурин // Никоновские чтения. 2006. № 11. С. 307-310.

19. Зелепугин А.Д. Экономический потенциал межотраслевого обмена в АПК региона / А.Д. Зелепугин, С.А. Рыбакова, Р.А. Бандурин, Г.Н. Русинова. Воронеж, 2008. 247 с.

20. Карпутина А.Ю. Организация взаимодействия нескольких манипуляторов с использованием механизмов удаленного управления / А.Ю. Карпутина, Р.А. Бандурин // Ученые записки Брянского государственного университета. 2017. № 4 (8). С. 7-13.

21. Киричек П.Н. Информационная культура в арсенале управленца / Киричёк П.Н. // В сборнике: Инновационные технологии в управлении. сборник научных статей. Москва, 2016. С. 4-10.

22. Киричёк П.Н. Культурно-речевой компонент публичной сферы общества / П.Н. Киричёк // Поливановские чтения. 2019. № 13. С. 98-104.

23. Киселёв А.Г. Информация в периметре управления: алгоритмы реконструкции / А.Г. Киселёв, П.Н. Киричёк // Социологическая наука и социальная практика. 2016. № 1 (13). С. 35-47.

24. Мамедов А.К. Информационное общество: эволюция неравенства / А.К. Мамедов, Э.Д. Коркия // В сборнике: Актуальные проблемы информационного общества в науковедении, культуре, образовании, экономике. Сборник научных докладов XV Международной

научно-практической конференции. 2018. С. 375-285.

25. Мамедов А.К. Методологический дискурс: предметное поле коммуникативного капитала / А.К. Мамедов, М.Г. Волнистая // В сборнике: Коммуникативный капитал цифровой эпохи. Материалы научной онлайн-конференции с международным участием. Москва, 2021. С. 7-28.

26. Мамедов А.К. Социальное неравенство: новая онтология и вариативность в информационную эпоху / А.К. Мамедов // В сборнике: Философия и социальные науки в современном мире. Материалы Международной научной конференции к 30-летию факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета. 2019. С. 11-15.

27. Новикова М.Г. Социологическое исследование установок социальных работников по проблеме «Этнический имидж россиянина» (часть I) / М.Г. Новикова, А.А. Пимахова, Е.Ю. Сычева // Научный журнал Дискурс. 2018. № 1 (15). С. 149-164.

28. Новикова М.Г. Социологическое исследование этнических установок социальных работников (часть II) / М.Г. Новикова, А.А. Пимахова, Е.Ю. Сычева // Научный журнал Дискурс. 2018. № 1 (15). С. 165-179.

29. Синица Н.В. Комбинирование различных источников информации на уроках технологии при работе в ИКТ-насыщенной среде / Н.В. Синица, Р.А. Бандурин // В сборнике: Социальное партнерство как эффективный механизм формирования образовательного пространства. Материалы международной научно-практической конференции. 2017. С. 37-42.

30. Шилина С.А. Управленческий дискурс как социальная технология коммуникации в системе отношений социума и власти / С.А. Шилина // Научно-методический журнал Концепт. 2015. Т. 13. С. 1821-1825.

31. Bandurin R. About the equivalence of an interbranch exchange [text] / R. Bandurin // Economic Indicators. 2007. № 10. С. 84.

32. Gostenina V.I. Discursive and visual management technologies in urban sociology / V.I. Gostenina, R.K. Karneev, G.V. Makarova, S.L. Melnikov // Opcion. 2019. Т. 35. № Special Edition 24. С. 122-135.

33. Mamedov A.K. Sociological discourse of culture: experience in interpretation / A.K. Mamedov, E.D. Korkiya, M.G. Volnistaya // Bulletin of Polessky State University. Series in Social Sciences and Humanities. 2020. № 2. С. 75-83.Официальный сайт Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского [Электронный ресурс]. URL: https://brgu.ru/ (Дата обращения: 10.04.2021).

34. Подлесных В.И. Методология и логика построения механизма социального управления // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2007. №36. [электронный ресурс] // Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/metodologiya-i- logika-postro eniya -mehanizma-sotsialnogo-upravleniya.

Сведения об авторах

Кирпиченко Анастасия Михайловна - бакалавр по направлению подготовки «Социология» ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского». e-mail: anastaciakirpichenko@yandex.ru. Адрес: 241036, Россия, г. Брянск, ул. Бежицкая, 14.

Научный руководитель: доцент Е.Ю. Сычева

UDK 316.776

THE MECHANISM OF SOCIAL MANAGEMENT

Kirpichenko A.M.

Bryansk State University named after Academician I. G. Petrovsky, Bryansk

The article deals with topical issues of social management mechanisms. Various interpretations of the basic concepts

related to the thematic field of management are presented. The author conducted a sociological study, the results of which are considered in this article. The mechanism of student self-government of the Bryansk State University named after ak. I. G. Petrovsky is analyzed. The author has studied how well students are informed about the system of student self-government at BSU; the effectiveness of the social management mechanism in the student environment has been revealed; the degree of students ' involvement in the system of student self-government has been determined; the attitude of students to the work of the head of the group has been considered; the attitude of students to the work of the professional teacher of the group has been considered. Recommendations are given to increase the effectiveness of the social management mechanism.

Keywords: sociological research, management, self-government,, questionnaire, management mechanism, students, Bryansk

References

1. Alyamkina E.A. Vlast'-narod: kontakt v elektronnom module / E.A. Alyamkina, P.N. Kirichek // Aktual'nye problemy sovremennogo obshchestva. 2015. № 3. S. 203-207.
2. Andreeva V.A. Rol' eksporta toplivno-energeticheskih tovarov v obespechenii ekonomicheskoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii / V.A. Andreeva, R.A. Bandurin // V sbornike: Tamozhennoe administrirovanie i ekonomicheskaya bezopasnost' v cifrovoj ekonomike. Materialy vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Bryansk, 2019. S. 21-24.
3. Antyuhov A.V. Memuarno-avtobiograficheskoe nachalo i zhanrovyj kod pomyannika v «Istorii o Velikom knyaze Moskovskom» / A.V. Antyuhov, A.N. Volga // Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. № 4 (85). S. 95-98.
4. Bandurin R.A. Obosnovanie metodologii ocenki finansovyh poter' sel'skogo hozyajstva v rezul'tate neekvivalentnogo mezhotraslevogo obmena v APK / R.A. Bandurin // Vestnik Bryanskoj gosudarstvennoj sel'skohozyajstvennoj akademii. 2008. № 2. S. 52-56.
5. Bandurin R.A. Osobennosti proizvodstva tovarovedcheskoj ekspertizy obuvnyh tovarov v tamozhennom dele / R.A. Bandurin // Ekonomika. Sociologiya. Pravo. 2017. № 1 (5). S. 9-14.
6. Bandurin R.A. Rol' ekspertnyh organizacij v antimonopol'nom regulirovanii potrebitel'skogo rynka i kontrole kachestva tovarov / R.A. Bandurin // V sbornike: Sovremennaya antimonopol'naya politika Rossii: pravoprimenitel'naya praktika v Bryanskoj oblasti. Sbornik nauchnyh rabot Vserossijskoj nauchno prakticheskoj konferencii. 2019. S. 15-19.
7. Vasil'ev A.V. Kul'tura kommunikacij v usloviyah informacionnoj globalizacii / A.V. Vasil'ev, E.D. Korkiya, A.K. Mamedov. Moskva, 2019. 160 s.
8. Gavrichenko A.A. Tamozhennoe administrirovanie v sfere cifrovoj ekonomiki / A.A. Gavrichenko, R.A. Bandurin // V sbornike: Tamozhennoe administrirovanie i ekonomicheskaya bezopasnost' v cifrovoj ekonomike. Materialy vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Bryansk, 2019. S. 50-53.
9. Gostenina V.I. Kommunikativnye osnovaniya upravleniya megapolisom (na materiale upravlencheskogo diskursa). Uchebno-metodicheskoe posobie po speckursu dlya magistratury po napravleniyu podgotovki «Kommunikativnoe prostranstvo sovremennogo megapolisa» / V.I. Gostenina, A.K. Mamedov, S.A. SHilina. Moskva, 2016. 192 s.
10. Gostenina V.I. Sociokul'turnye, ekonomicheskie i upravlencheskie faktory formirovaniya statusa regiona (na primere Bryanskoj oblasti) / V.I. Gostenina, A.P. Koryukin, E.YU. Lupenkova i dr. // Ezhegodnik NII fundamental'nyh i prikladnyh issledovanij. 2012. № 3 (3). S. 117-128.
11. Gostenina V.I. Upravlenie verbal'nym sociolingvisticheskim kodom sub"ekta vlasti v kommunikativnom processe/ V.I. Gostenina, S.A. SHilina. Moskva, 2008. 208 s.
12. Gostenina V.I. Upravlencheskie faktory formirovaniya statusa regiona (na primere Bryanskoj oblasti) / V.I. Gostenina, A.G. Kiselyov, S.A. SHilina // Vlast'. 2013. № 2. S. 082-085.
13. Gostenina V.I. Upravlencheskij diskurs kak tekhnologiya social'nogo vzaimodejstviya sub"ekta vlasti i sociuma / V.I. Gostenina, A.YU. Kachalkov, S.A. SHilina // Vlast'. 2015. № 8. S. 128-133.
14. Epremyan T.V. Diskurs social'nogo prostranstva goroda v usloviyah cifrovizacii / T.V. Epremyan, S.A. SHilina // V sbornike: Diskurs social'nyh problem v sociokul'turnom,

obrazovatel'nom, yazykovom prostranstve v period pandemii koronavirusa. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. Bryansk, 2021. S. 25-31.

15. Epremyan T.V. Reklamnyj diskurs v aspekte virtualizacii social'nogo prostranstva v period pandemii 2020 goda / T.V. Epremyan, A.V. Trahanov // V sbornike: Vliyanie kachestva zhizni na formirovanie cennostnoj struktury naseleniya Rossii. Vserossijskaya nauchnaya konferenciya s mezhdunarodnym uchastiem : sbornik materialov. Moskovskij gosudarstvennyj universitet im. M.V. Lomonosova. Moskva, 2020. S. 96-97.

16. Epremyan T.V. Upravlencheskie tekhnologii diskursa social'noj reklamy / T.V. Epremyan, S.A. SHilina // V sbornike: ZHurnalistyka - 2020: stan, prablemy i perspektyvy. Materyyaly 22 -j Mizhnarodnaj navukova- praktychnaj kanferencyi. Minsk, 2020. S. 383-386.

17. Zelepugin A. Ekonomicheskaya ocenka praktiki cenoobrazovaniya v APK Bryanskoj oblasti // A. Zelepugin, R. Bandurin // APK: Ekonomika, upravlenie. 2007. № 11. S. 53-55.

18. Zelepugin A.D. Sovershenstvovanie organizacionno-ekonomicheskih otnoshenij mezhdu sub"ektami APK kak osnova razvitiya biznesa / A.D. Zelepugin, R.A. Bandurin // Nikonovskie chteniya. 2006. № 11. S. 307-310.

19. Zelepugin A.D. Ekonomicheskij potencial mezhotraslevogo obmena v APK regiona / A.D. Zelepugin, S.A. Rybakova, R.A. Bandurin, G.N. Rusinova. Voronezh, 2008. 247 s.

20. Karputina A.YU. Organizaciya vzaimodejstviya neskol'kih manipulyatorov s ispol'zovaniem mekhanizmov udalennogo upravleniya / A.YU. Karputina, R.A. Bandurin // Uchenye zapiski Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 4 (8). S. 7-13.

21. Kirichek P.N. Informacionnaya kul'tura v arsenale upravlenca / Kirichyok P.N. // V sbornike: Innovacionnye tekhnologii v upravlenii. sbornik nauchnyh statej. Moskva, 2016. S. 4-10.

22. Kirichyok P.N. Kul'turno-rechevoj komponent publichnoj sfery obshchestva / P.N. Kirichyok // Polivanovskie chteniya. 2019. № 13. S. 98-104.

23. Kiselyov A.G. Informaciya v perimetre upravleniya: algoritmy rekonstrukcii / A.G. Kiselyov, P.N. Kirichyok // Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika. 2016. № 1 (13). S. 35-47.

24. Mamedov A.K. Informacionnoe obshchestvo: evolyuciya neravenstva / A.K. Mamedov, E.D. Korkiya // V sbornike: Aktual'nye problemy informacionnogo obshchestva v naukovedenii, kul'ture, obrazovanii, ekonomike. Sbornik nauchnyh dokladov XV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. 2018. S. 375-285.

25. Mamedov A.K. Metodologicheskij diskurs: predmetnoe pole kommunikativnogo kapitala / A.K. Mamedov, M.G. Volnistaya // V sbornike: Kommunikativnyj kapital cifrovoj epohi. Materialy nauchnoj onlajn-konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. Moskva, 2021. S. 7-28.

26. Mamedov A.K. Social'noe neravenstvo: novaya ontologiya i variativnost' v informacionnuyu epohu / A.K. Mamedov // V sbornike: Filosofiya i social'nye nauki v sovremennom mire. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii k 30-letiyu fakul'teta filosofii i social'nyh nauk Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. S. 11-15.

27. Novikova M.G. Sociologicheskoe issledovanie ustanovok social'nyh rabotnikov po probleme «Etnicheskij imidzh rossiyanina» (chast' I) / M.G. Novikova, A.A. Pimahova, E.YU. Sycheva // Nauchnyj zhurnal Diskurs. 2018. № 1 (15). S. 149-164.

28. Novikova M.G. Sociologicheskoe issledovanie etnicheskih ustanovok social'nyh rabotnikov (chast' II) / M.G. Novikova, A.A. Pimahova, E.YU. Sycheva // Nauchnyj zhurnal Diskurs. 2018. № 1 (15). S. 165-179.

29. Sinica N.V. Kombinirovanie razlichnyh istochnikov informacii na urokah tekhnologii pri rabote v IKT-nasyshchennoj srede / N.V. Sinica, R.A. Bandurin // V sbornike: Social'noe partnerstvo kak effektivnyj mekhanizm formirovaniya obrazovatel'nogo prostranstva. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. 2017. S. 37-42.

30. SHilina S.A. Upravlencheskij diskurs kak social'naya tekhnologiya kommunikacii v sisteme otnoshenij sociuma i vlasti / S.A. SHilina // Nauchno-metodicheskij zhurnal Koncept. 2015. T. 13. S. 1821-1825.

31. Bandurin R. About the equivalence of an interbranch exchange [text] / R. Bandurin //

Economic Indicators. 2007. № 10. С. 84.

32. Gostenina V.I. Discursive and visual management technologies in urban sociology / V.I. Gostenina, R.K. Karneev, G.V. Makarova, S.L. Melnikov // Opcion. 2019. T. 35. № Special Edition 24. C. 122-135.

33. Mamedov A.K. Sociological discourse of culture: experience in interpretation / A.K. Mamedov, E.D. Korkiya, M.G. Volnistaya // Bulletin of Polessky State University. Series in Social Sciences and Humanities. 2020. № 2. C. 75-83.

34. Oficial'nyj sajt Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni akademika I.G. Petrovskogo [Elektronnyj resurs]. URL: https://brgu.ru/ (Data obrashcheniya: 10.04.2021).

35. Podlesnyh V.I. Metodologiya i logika postroeniya mekhanizma social'nogo upravleniya // Nauchno-tekhnicheskij vestnik informacionnyh tekhnologij, mekhaniki i optiki. 2007. №36. [elektronnyj resurs] // Rezhim dostupa: https://cyberleninka.ru/article/n/metodologiya-i-logika-postroeniya-mehanizma- sotsial nogo-upravleniya.

Author`s information

Kirpichenko Anastasia Mikhailovna - bachelor's degree in the field of «Sociology» of the Bryansk State University named after Academician I.G. Petrov. e-mail: anastaciakirpichenko@yandex.ru . Address: 14 Bezhitskaya str., Bryansk, 241036, Russia.

Scientific supervisor: Associate Professor E.Y. Sycheva

УДК 314.6+316.36

ВРЕМЕННОЙ РЕСУРС СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ: ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Короленко А.В.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук», г. Вологда

Статья посвящена анализу временных ресурсов семейных респондентов – структуры их временного бюджета, характера и частоты совместного времяпрепровождения с детьми. Информационная база – социологический мониторинг репродуктивного потенциала населения Вологодской области 2021 года. Установлено, что для структуры временного бюджета семейных респондентов по сравнению с населением в целом свойственны бо́льшие затраты на оплачиваемую работу, домашний труд, воспитание детей и, напротив, меньшие временные ресурсы тратятся на пассивный отдых и общение. Представители данной категории в свободное время будних дней чаще всего вовлечены в совместные прогулки с детьми на свежем воздухе, выполнение школьных домашних заданий, походы за покупками. В выходные дни они заметно чаще совершают прогулки с детьми на свежем воздухе, выбираются в магазины за покупками, ходят в гости, смотрят вместе мультфильмы и фильмы, занимаются делами по дому, физкультурой и спортом, работают в саду или огороде, посещают музеи, кино и театры. Как в структуре временного бюджета семейных респондентов, так и в характере и частоте их времяпрепровождения с детьми наблюдаются гендерные различия. Подтверждено, что на временной бюджет семьи также оказывает заметное влияние число имеющихся в ней детей.

Ключевые слова: временной ресурс, временной бюджет, времяпрепровождение, семьи с детьми, состоящие в браке респонденты, социологический опрос, население Вологодской области.

Введение. Согласно данным выборочного наблюдения использования населением суточного фонда времени, проведённого Росстатом в 2019 г. [2], в распределении суточного времени россиян наблюдаются заметные гендерные различия: так, у мужчин по сравнению с женщинами значительно больше времени в будние дни уходит на занятость и связанные с ней виды деятельности (6 ч 23 мин против 4 ч 30 минут), на свободное время (3 ч 41 мин против 3 ч 12 мин), в том числе на культурные мероприятия, досуг, средства массовой информации и занятия спортом (2 ч 58 мин против 2 ч 25 мин), тогда как у женщин по сравнению с мужчинами – на оказание неоплачиваемых бытовых услуг членам домохозяйства и семьи (3 ч 10 мин против 1 ч 16 мин), а также на уход за членами домохозяйства и семьи (56 мин против 17 мин) (табл. 1). Кроме того, ощутимы различия в распределении суточного фонда времени у населения, имеющего совместно проживающих детей, и проживающего без детей. Так, у представителей первой группы по сравнению со второй категорией больше времени уходит на занятость и связанные с ней виды деятельности (особенно у мужчин), на оказание неоплачиваемых бытовых услуг членам домохозяйства и семьи, неоплачиваемых услуг по уходу за членами домохозяйства и семьи (особенно у женщин), тогда как респонденты, проживающие без детей, обладают бо́льшими временными ресурсами на свободное времяпрепровождение, в том числе на общение и участие в общественной жизни, культурные мероприятия и досуг. В выходные дни и у мужчин, и у женщин закономерно снижаются временные затраты на занятость и связанные с ней виды деятельности, но в то же время возрастает временной ресурс, затрачиваемый на оказание неоплачиваемых бытовых услуг членам домохозяйства и семьи, на уход за членами домохозяйства и семьи, в том числе на уход за детьми и их воспитание, особенно заметно среди женщин. Также в выходные дни увеличивается время на общение и взаимодействие с людьми, участие в общественной жизни и отправление религиозного культа, на культурные мероприятия, досуг, средства массовой информации и занятия спортом, наиболее сильно – у мужского населения. Результаты, полученные в ходе социологического мониторинга репродуктивного потенциала населения Вологодской области, проводимого Вологодским научным центром РАН, показали, что в семейных установках населения региона наблюдаются разнонаправленные тенденции. С одной стороны, в мнениях жителей сохраняются консервативные взгляды на супружеские отноше-

ния: большинство из них предпочтение отдают зарегистрированному брачному союзу, брак считают обязательным условием для воспитания детей, а его основой чаще всего называют любовь и уважение друг к другу.

Таблица 1 – Распределении суточного фонда времени населения России в возрасте 15 лет и старше в 2019 г. (часы-минуты)

Вид деятельности*	Будние дни						Выходные дни					
	Мужчины			Женщины			Мужчины			Женщины		
	Все	в т.ч. совместно проживающих детей		Все	в т.ч. совместно проживающих детей		Все	в т.ч. совместно проживающих детей		Все	в т.ч. совместно проживающих детей	
		имеют	не имеют		имеют	не имеют		имеют	не имеют		имеют	не имеют
Суточный фонд времени, часов-минут, в т.ч.	24-00	24-00	24-00	24-00	24-00	24-00	24-00	24-00	24-00	24-00	24-00	24-00
занятость и связанные с ней виды деятельности	6-27	9-03	5-31	4-30	5-39	4-04	0-49	1-07	0-42	0-24	0-27	0-23
производство товаров для собственного конечного использования	0-37	0-18	0-44	0-34	0-14	0-41	1-32	1-18	1-37	1-09	0-46	1-17
оказание неоплачиваемых бытовых услуг членам домохозяйства и семьи	1-16	0-49	1-25	3-10	3-04	3-12	2-17	2-06	2-20	4-06	4-18	4-01
оказание неоплачиваемых услуг по уходу за членами домохозяйства и семьи	0-17	0-46	0-07	0-56	2-43	0-16	0-26	1-17	0-08	0-47	2-14	0-15
в т.ч. уход за детьми и воспитание детей	0-13	0-41	0-03	0-50	2-34	0-10	0-23	1-14	0-05	0-42	2-09	0-09
неоплачиваемый труд волонтеров, стажеров и другие виды неоплачиваемой трудовой деятельности	0-02	0-01	0-02	0-01	0-00	0-01	0-04	0-04	0-04	0-02	0-01	0-02
обучение	0-36	0-01	0-49	0-23	0-01	0-31	0-06	0-00	0-08	0-04	0-00	0-06
свободное время:	3-41	2-32	4-06	3-12	1-55	3-41	6-11	5-41	6-22	4-56	4-01	5-16
общение и взаимодействие с людьми, участие в общественной жизни и отправление религиозного культа	0-43	0-32	0-47	0-47	0-33	0-51	1-30	1-19	1-34	1-29	1-13	1-34
культурные мероприятия, досуг, средства массовой информации и занятия спортом	2-58	2-00	3-19	2-25	1-22	2-49	4-41	4-21	4-48	3-27	2-49	3-42
личную гигиену и уход за собой:	11-03	10-30	11-15	11-14	10-24	11-33	12-35	12-27	12-38	12-32	12-13	12-40
сон и связанные с ним виды деятельности	8-10	7-45	8-19	8-20	7-47	8-32	9-30	9-23	9-33	9-26	9-14	9-31
личную гигиену и уход за собой	2-53	2-45	2-56	2-54	2-37	3-01	3-05	3-04	3-05	3-06	2-59	3-09

*классификация видов деятельности Росстата.

Источник: Выборочное наблюдение использования суточного фонда времени населением 2019 // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/sut_fond19/index.html

С другой стороны, в характере распределения обязанностей и ролей прослеживается тенденция к уравниванию. В вопросах материального обеспечения семьи и в выполнении роли «добытчика» наблюдается равная вовлеченность как женщины, так и мужчины. Наблюдаемая тенденция демократизации брачно-семейных отношений, особенно в части вы-

полнения женщинами «мужской» функции материального содержания семьи, помимо позитивных последствий может нести в себе потенциальные вызовы. Роль «добытчицы» неизбежно повышает трудовую нагрузку на женщину, требующую больших затрат временных ресурсов, и, как следствие, автоматически снижает вероятность осуществления ее важной функции – репродуктивной [7]. В связи с выявленными особенностями представляется интересным изучение временных ресурсов современных семей, в том числе гендерных различий в структуре временного бюджета, характера и частоты совместного времяпрепровождения родителей и детей.

В рамках отечественных исследований бюджетов времени чаще всего их объектом выступает работающее население [4; 5; 6; 9; 10; 11]. В то же время заметно реже изучается временной бюджет «семейного» населения, состоящего в браке и имеющего детей. К таким исследованиям стоит отнести работы А.А. Сычева, К.В. Фофановой и Л.А. Якиной [13; 14; 16], в которых доказывается существование заметных гендерных различий в распределении временных ресурсов между супругами в молодой семье. Кроме того, в них подтверждается влияние фактора наличия детей в семье на структуру временного бюджета семьи и её членов.

Изучение структуры временного бюджета семей на региональном уровне представляется актуальным, особенно в условиях, с одной стороны, двойной нагрузки на женщин (профессионально-трудовой и репродуктивно-воспитательной) и, с другой стороны, распространения эгалитарных форм семейных отношений. В ранее проведённом с участием автора исследовании в рамках проекта РФФИ № 18-011-01039 «Инструменты повышения человеческого потенциала детского населения в условиях социально-экономических трансформаций общества» был осуществлен анализ временных ресурсов родителей на воспитание детей, характер и частота совместного времяпрепровождения, а также факторы, оказывающие наиболее заметное влияние на величину временных затрат. В работе выявлено, что в среднем в будние дни родители уделяют детям 4,7 часа в день, в выходные – 8,9 часа, при этом наибольшее количество часов в любые дни недели затрачивается на детей дошкольного возраста. Максимальные временные затраты на общение с ребенком характерны для женщин (матерей), полных семей с одним ребенком, семей, находящихся за чертой бедности, учащихся матерей или отцов, вовлеченных в частную предпринимательскую деятельность. Выявлены различия во временных затратах на детей и видах совместного времяпрепровождения родителей с ними в будние и выходные дни [8]. Однако представляется востребованным углубление исследований проблематики использования современными семьями их временных ресурсов на региональном уровне.

Целью статьи стал анализ временных ресурсов семейных респондентов (население, состоящее в браке и имеющее детей) – структуры их временного бюджета, характера и частоты совместного времяпрепровождения с детьми. При этом акцент исследования делался как на гендерной принадлежности семейных респондентов, так и на наличии у них в семье детей и на их количестве. В качестве инструмента исследования бюджета времени и распределения временных ресурсов респондентов чаще всего используются методы анкетирования и самостоятельного заполнения дневников. Информационной базой данного исследования послужил очередной этап социологического мониторинга репродуктивного потенциала населения Вологодской области, проведённого Вологодским научным центром РАН в 2021 г., а также научная литература по теме исследования. Мониторинг проводится в форме раздаточного анкетирования на территории крупных городов – Вологды и Череповца и 8-ми муниципальных районов (Великоустюгского, Вожегодского, Кирилловского, Бабаевского, Грязовецкого, Никольского, Тарногского и Шекснинского). Репрезентативность выборки обеспечивается квотированием по полу и возрасту, равномерным размещением единиц наблюдения, представительным объемом – 1500 человек в возрасте 15–49 лет. Ошибка выборки не превышает 3%. В анкету 2021 г. впервые были добавлены вопросы, посвященные временному бюджету (Сколько часов в сутки (в среднем) Вы проводите за следующими видами деятельности?), а также времяпрепровождению респондентов со своими детьми в будние и выходные дни (Если у Вас есть ребенок/дети, Как Вы обычно проводите с ним/ними свободное

время в будние и выходные дни?). Варианты ответа на вопрос о временном бюджете содержали виды деятельности, заложенные в основу классификации В.Д. Патрушева [10; 11]. Подвыборка семейных респондентов, а именно состоящих в браке (как в официальном, так и в незарегистрированном) и имеющих детей, составила 631 человек (или 42% от общей выборки).

Результаты исследования. Временной бюджет семьи и его структура. Для структуры временного бюджета семейных респондентов по сравнению с населением в целом свойственны бо́льшие затраты на оплачиваемую работу (особенно у мужчин), домашний труд (особенно у женщин), уход за детьми и их воспитание (особенно у женщин) и, напротив, меньшие временные ресурсы ими тратятся на пассивный отдых и общение, что соответствует общероссийской ситуации (табл. 1 и 2).

Таблица 2 – Распределение суточного времени семейных респондентов по основным видам деятельности (часов*)

Вид занятий	Будние дни				Выходные дни			
	В среднем по опросу	Состоящие в браке** и имеющие детей			В среднем по опросу	Состоящие в браке** и имеющие детей		
		Всего	Мужчины	Женщины		Всего	Мужчины	Женщины
Сон	7,3	7,4	7,3	7,3	8,4	8,3	8,5	8,2
Оплачиваемая работа и виды деятельности, связанные с работой	6,5	7,5	8,2	6,9	1,0	0,8	1,0	0,6
Образование (в т.ч. самообразование)	0,9	0,2	0,1	0,3	0,3	0,2	0,1	0,2
Передвижения: переезды, переходы (на работу, учёбу, в магазины, с ребенком в детсад/школу/на кружки, секции и т.д. и обратно)	1,0	1,0	1,0	1,0	0,7	0,8	0,7	0,8
Питание (приём пищи)	1,4	1,4	1,4	1,3	1,5	1,5	1,6	1,5
Труд в домашнем хозяйстве (уборка, стирка, приготовление пищи, ремонт и прочее)	1,0	1,2	0,8	1,4	1,8	1,9	1,7	2,2
Покупки и получение услуг вне дома и онлайн	0,5	0,6	0,5	0,7	1,0	1,0	0,9	1,0
Уход за своими детьми, их воспитание	0,8	1,2	0,9	1,4	1,3	2,2	2,2	2,2
Уход за внуками, племянниками, младшими братьями/сестрами, их воспитание	0,1	0,1	0,1	0,1	0,2	0,1	0,1	0,1
Уход за собой (ванна, душ, косметические процедуры и т.д. в домашних условиях)	0,9	0,9	0,9	0,9	1,2	1,2	1,1	1,2
Уход за другими членами семьи	0,3	0,3	0,2	0,3	0,4	0,4	0,3	0,4
Пассивный отдых (просмотр ТВ-передач, фильмов, чтение, прослушивание музыки, в т.ч. в Интернете)	1,5	1,2	1,5	1,0	1,9	1,8	2,1	1,6
Работа в саду, огороде (в сезон)	0,3	0,3	0,2	0,3	0,9	1,0	1,3	0,8
Творческие увлечения и хобби	0,3	0,3	0,2	0,3	0,6	0,6	0,6	0,6
Спорт и физически активный досуг	0,3	0,2	0,3	0,2	0,6	0,5	0,6	0,3
Общение (в т.ч. в Интернете)	0,9	0,7	0,6	0,8	1,3	1,1	1,0	1,1
Посещение учреждений культуры и отдыха (театры, кино, музеи, концерты, кафе и рестораны)	0,1	0,1	0,1	0,1	0,9	0,7	0,7	0,7
Общественная деятельность (волонтёрство и др.)	0,0	0,0	0,0	0,0	0,1	0,1	0,1	0,1
Другое	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,1	0,0

*учитывались ответы тех респондентов, у которых сумма часов по всем видам деятельности составляет 22-26 ч.
**как в официальном, так и в незарегистрированном.
Источник: данные мониторинга репродуктивного потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН.

Основную часть суточного бюджета времени состоящих в браке и имеющих детей респондентов в будние дни составляет сон и деятельность, связанная с оплачиваемой работой (по 7,4 и 7,5 ч соответственно; табл. 2). Примечательно, что у семейных мужчин по сравнению с женщинами в будни заметно больше времени уходит на трудовую деятельность (8,2 ч против 6,9 ч), пассивный отдых (1,5 ч против 1,0 ч). В свою очередь в суточном бюджете женщин большее время по сравнению с мужчинами отводится на домашний труд (1,4 ч против 0,8 ч), уход за детьми и их воспитание (1,4 ч против 0,9 ч), общение, в том числе в Интернете (0,8 ч против 0,6 ч) и образование, в т.ч. самообразование (0,3 ч против 0,1 ч).

В выходные дни и у мужчин, и у женщин, в среднем на 1 ч больше времени уходит на сон (по 8,5 и 8,2 ч соответственно) и закономерно гораздо меньше времени на оплачиваемый труд (по 1,0 ч и 0,6 ч соответственно). Однако характер распределения занятий между мужчинами и женщинами в выходные дни не отличается от будних дней. Так, например, мужчины больше времени уделяют пассивному отдыху (2,1 ч против 1,6 ч у женщин), спорту и физически активному досугу (0,6 ч против 0,3 ч у женщин), работе в саду, огороде (1,3 ч против 0,8 чу женщин). В то же время женщины больше времени проводят за домашним трудом (2,2 ч против 1,7 ч у мужчин). Примечательно, что как мужчины, так и женщины в выходные дни тратят приблизительно одинаковое время на уход за детьми (по 2,2 ч соответственно), что косвенно говорит как о совместном участии супругов в воспитании детей, так и о желании отцов компенсировать недостаток внимания детям в будние дни за счёт временного ресурса выходных дней.

Количество детей в семье оказывает влияние на временные затраты семей. Так, в будние дни семейные респонденты, имеющие одного ребёнка, располагают бо́льшим временем на оплачиваемую работу и другие виды связанной с ней деятельности (7,6 ч), уход за собой (0,9 ч), общение (0,8 ч), спорт и физически активный досуг (0,3 ч), образование и самообразование (0,3 ч) (табл. 3). Население с двумя детьми также, как и с одним ребёнком, в будни больше времени тратят на трудовую деятельность (7,6 ч), однако по сравнению с другими больше времени тратят на уход за детьми и их воспитание (1,4 ч). В будние дни многодетные родители по сравнению с другими больше времени проводят за приёмом пищи (1,5 ч), трудом в домашнем хозяйстве (1,5 ч), работой в саду, огороде (0,6 ч) и творческими увлечениями, хобби (0,4 ч). При этом важно учитывать пол респондента. У многодетных женщин по сравнению с мужчинами гораздо больше времени уходит на домашний труд (1,9 против 1,0 ч) и на уход за детьми (1,3 ч против 1,0 ч).

В выходные дни родители с одним ребёнком больше времени проводят за общением (1,2 ч), посещением учреждений культуры и отдыха (0,9 ч), творческими увлечениями (0,8 ч). Респонденты с двумя детьми больше времени уделяют уходу за ними и их воспитание (2,4 ч), домашнему труду (2,1 ч) и пассивному отдыху (1,9 ч), в то время как многодетные родители – домашнему труду (2,1 ч) и пассивному отдыху (1,9 ч), а также приёму пищи (1,7 ч), оплачиваемой работе (1,5 ч), работе в саду, огороде (1,2 ч), уходу за другими членами семьи (0,5 ч). При этом многодетные мужчины по сравнению с женщинами больше времени в выходные дни тратят на оплачиваемую работу, скорее всего, являющуюся подработкой (2 ч против 1,1 ч), работу в саду, огороде (1,3 ч против 1,1 ч), а также на пассивный отдых (2,1 ч против 1,6 ч), тогда как многодетные женщины гораздо больше времени по сравнению с мужчинами уделяют домашнему труду (2,5 ч против 1,7 ч), воспитанию детей (2,7 ч против 1,7 ч) и уходу за другими членами семьи (0,7 ч против 0,3 ч).

Времяпрепровождение семей с детьми. Состоящие в браке и имеющие детей респонденты в свободное время будних дней чаще всего совершают совместные прогулки на свежем воздухе (32% делают это часто или постоянно), выполняют школьные домашние задания с детьми (32%), ходят за покупками (31%) (рис. 1). Несколько реже члены семьи занимаются делами по дому, смотрят вместе мультфильмы и фильмы (по 30% соответственно делают это время от времени). В будние дни семьи реже всего ходят в кино, театры, музеи (32% делают это редко), читают книги (29%), занимаются физкультурой и спортом (27%), обсуждают прочитанные книги или просмотренные фильмы (27%), ходят в гости (26%).

Таблица 3 – Распределение суточного времени семейных респондентов по основным видам деятельности в зависимости от количества имеющихся детей (часов*)

Вид занятий	Будние дни			Выходные дни		
	семейные респонденты по числу детей:			семейные респонденты по числу детей:		
	1	2	3 и более	1	2	3 и более
Сон	7,3	7,4	7,4	8,4	8,4	8,2
Оплачиваемая работа и виды деятельности, связанные с работой	7,6	7,6	7,0	0,7	0,7	1,5
Образование (в т.ч. самообразование)	0,3	0,1	0,1	0,2	0,1	0,1
Передвижения: переезды, переходы (на работу, учёбу, в магазины, с ребенком в дет-сад/школу/на кружки, секции и т.д. и обратно)	1,0	1,0	1,0	0,8	0,6	0,8
Питание (приём пищи)	1,3	1,4	1,5	1,5	1,5	1,7
Труд в домашнем хозяйстве (уборка, стирка, приготовление пищи, ремонт и прочее)	1,1	1,2	1,5	1,9	2,1	2,1
Покупки и получение услуг вне дома и онлайн	0,6	0,5	0,6	1,0	1,0	0,9
Уход за своими детьми, их воспитание	1,1	1,4	1,0	2,0	2,4	2,2
Уход за внуками, племянниками, младшими братьями/сестрами, их воспитание	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,2
Уход за собой (ванна, душ, косметические процедуры и т.д. в домашних условиях)	0,9	0,8	0,8	1,2	1,1	1,1
Уход за другими членами семьи	0,3	0,2	0,3	0,4	0,3	0,5
Пассивный отдых (просмотр ТВ-передач, фильмов, чтение, прослушивание музыки, в т.ч. в Интернете)	1,2	1,3	1,1	1,7	1,9	1,9
Работа в саду, огороде (в сезон)	0,2	0,2	0,6	1,0	0,8	1,2
Творческие увлечения и хобби	0,2	0,3	0,4	0,8	0,4	0,6
Спорт и физически активный досуг	0,3	0,1	0,1	0,4	0,5	0,5
Общение (в т.ч. в Интернете)	0,8	0,7	0,6	1,2	1,0	0,8
Посещение учреждений культуры и отдыха (театры, кино, музеи, концерты, рестораны)	0,1	0,1	0,1	0,9	0,7	0,3
Общественная деятельность (волонтёрство и др.)	0,0	0,0	0,0	0,1	0,1	0,2
Другое	0,0	0,0	0,0	0,1	0,0	0,0

*учитывались ответы тех респондентов, у которых сумма часов по всем видам деятельности составляет 22-26 ч.
Источник: данные мониторинга репродуктивного потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН.

Вполне закономерно, что из-за нехватки времени, семейные респонденты в рабочие дни практически не путешествуют (34% никогда этого не делают) и не работают в саду, огороде (28%).

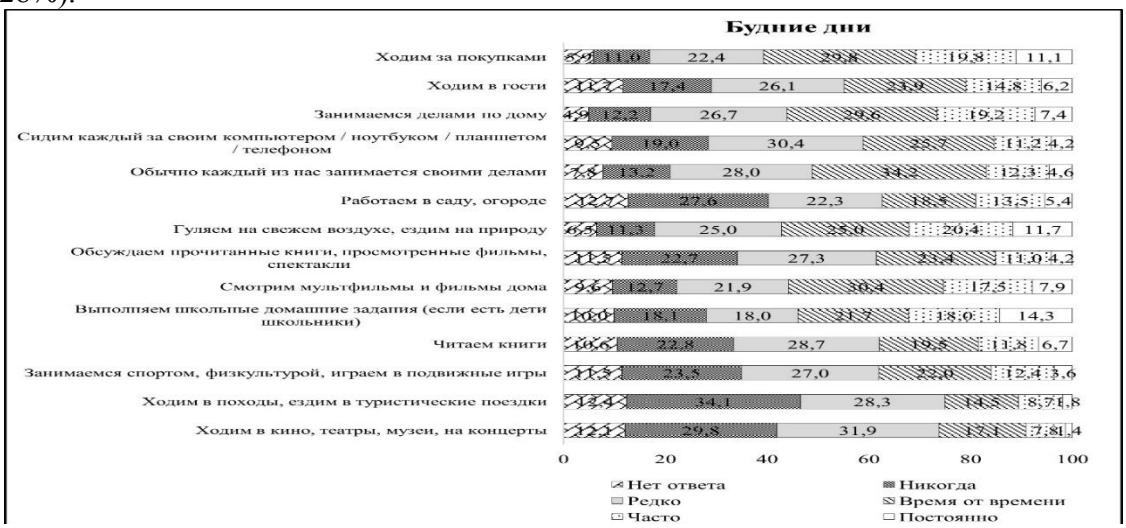

Рисунок 1 – Времяпрепровождение с ребёнком/детьми респондентов, состоящих в браке (в т.ч. в незарегистрированном), будние дни* (в %)

* Если у Вас есть ребёнок/дети, Как Вы обычно проводите с ним/ними свободное время в будние и выходные дни?
Источник: данные мониторинга репродуктивного потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН.

В выходные и праздничные дни семейные респонденты заметно чаще, чем в будни, гуляют с детьми на свежем воздухе (53% делают это часто или постоянно), вместе выбираются в магазины за покупками (48%), ходят в гости (38%), смотрят мультфильмы и фильмы (36%), занимаются делами по дому (34%), работают в саду или огороде (34%), занимаются физкультурой и спортом (30%), посещают музеи, кино и театры (28%; рис. 2). Время от времени по выходным семьи с детьми совместно читают книги (30%), обсуждают их, а также просмотренные фильмы (27%), ходят в походы и ездят в путешествия (26%).

Рисунок 2 – Времяпрепровождение с ребёнком/детьми респондентов, состоящих в браке (в т.ч. в незарегистрированном), выходные и праздничные дни (в %)

* Если у Вас есть ребёнок/дети, Как Вы обычно проводите с ним/ними свободное время в будние и выходные дни?
Источник: данные мониторинга репродуктивного потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН.

Семейные мужчины чаще по сравнению с женщинами в будние дни совместно с детьми ходят в походы или ездят в поездки (16 против 13% делают это время от времени, 12% против 10% - часто, постоянно), работают с ними в саду или огороде (20% против 17% делают это время от времени) (табл. 4). В то же время для женщин по сравнению с мужчинами в большей степени свойственно проводить буднее время с детьми за выполнением домашних заданий (37% против 28% - часто постоянно), прогулками на свежем воздухе (37% против 28% - часто и постоянно), походом за покупками (33% против 29% - часто постоянно), делами по дому (31% против 28% - время от времени, 29% против 25% - часто и постоянно), посещением гостей (27% против 21% - время от времени), чтением книг (22% против 17% - время от времени, 19% против 18% - часто, постоянно), обсуждением прочитанных книг, просмотренных фильмов, спектаклей (25% против 22% - время от времени).

В выходные и праздничные дни мужчины чаще по сравнению с женщинами ходят с детьми в походы, уезжают в туристические поездки (26% против 21% делают это часто или постоянно), занимаются работой по саду и огороду (35% против 32% - часто или постоянно),

смотрят мультфильмы и фильмы (38% против 34% - часто или постоянно) (табл. 5).

Таблица 4 – Времяпрепровождение с ребёнком/детьми респондентов, состоящих в браке (в т.ч. в незарегистрированном), по полу, будние дни (в %)

Вид совместного времяпрепровождения	Мужчины			Женщины		
	Никогда, редко	Время от времени	Часто, постоянно	Никогда, редко	Время от времени	Часто, постоянно
Ходим в кино, театры, музеи, на концерты	60,9	17,8	8,4	62,5	16,4	9,8
Ходим в походы, ездим в туристические поездки	59,4	15,8	11,6	65,4	13,2	9,6
Занимаемся спортом, физкультурой, играем в подвижные игры	48,8	22,8	15,6	52,2	21,3	16,4
Читаем книги	53,7	16,8	17,6	49,3	22,1	19,4
Выполняем школьные домашние задания (если есть дети школьники)	39,6	22,3	28,0	32,6	21,1	36,5
Смотрим мультфильмы и фильмы дома	33,9	30,4	23,5	35,3	30,4	27,2
Обсуждаем прочитанные книги, просмотренные фильмы, спектакли	50,2	21,8	15,6	49,8	25,0	14,7
Гуляем на свежем воздухе, ездим на природу	40,3	24,5	27,7	32,4	25,5	36,5
Работаем в саду, огороде	49,0	20,0	18,3	50,7	16,9	19,6
Обычно каждый из нас занимается своими делами	42,1	33,4	15,8	40,2	35,0	17,9
Сидим каждый за своим компьютером / ноутбуком / планшетом / телефоном	50,2	24,8	14,9	48,5	26,7	15,9
Занимаемся делами по дому	42,3	27,7	24,5	35,5	31,4	28,7
Ходим в гости	45,3	21,3	20,8	41,7	26,5	21,1
Ходим за покупками	35,4	29,0	28,5	31,4	30,6	33,3

Источник: данные мониторинга репродуктивного потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН.

Тогда как женщины в большей степени вовлечены в такие совместные дела с детьми, как выполнение домашних дел (36% против 32% у мужчин делают это часто или постоянно, 37% против 35% у мужчин - время от времени) и школьных домашних заданий (29% против 25% у мужчин - часто или постоянно, 24% против 22% у мужчин - время от времени).

Заключение. Таким образом, проведенное исследование позволило установить, что для структуры временного бюджета семейных респондентов по сравнению с населением в целом свойственны большие затраты на оплачиваемую работу, домашний труд, воспитание детей и, напротив, меньшие временные ресурсы ими тратятся на пассивный отдых и общение. Представители данной категории населения в свободное время будних дней чаще всего вовлечены в совместные прогулки с детьми на свежем воздухе, выполнение школьных домашних заданий, походы за покупками. В выходные и праздничные они заметно чаще, чем в будни, совершают прогулки с детьми на свежем воздухе, выбираются в магазины за покупками, ходят в гости, смотрят вместе мультфильмы и фильмы, занимаются делами по дому, физкультурой и спортом, работают в саду или огороде, посещают музеи, кино и театры.

Как в структуре временного бюджета семейных респондентов, так и в характере и частоте их времяпрепровождения с детьми наблюдаются гендерные различия. В будни у мужчин больше времени занимает трудовая деятельность и пассивный отдых, тогда как у женщин – домашний труд и уход за детьми, в выходные дни временные затраты мужчин и женщин на воспитание детей выравниваются, однако в остальном сохраняется гендерная диспропорция. Таким образом, структура временного бюджета респондентов подтверждает сохранение «традиционно» женских и мужских ролей и обязанностей в семье. Кроме того, доказано влияние на временной бюджет семьи числа имеющихся в ней детей: по мере его увеличения сокращается время на оплачиваемый труд и личные досуговые практики родителей (образование и самообразование, общение, уход за собой), но повышается время, затра-

чиваемое на общесемейные дела (уход за членами семьи, воспитание детей, домашний труд). При этом по большей части временн*а*я нагрузка по домашнему труду и воспитанию детей в многодетной семье ложится на плечи женщины.

Таблица 5 – Времяпрепровождение с ребёнком/детьми респондентов, состоящих в браке (в т.ч. в незарегистрированном), по полу, выходные и праздничные дни (в %)

Вид совместного времяпрепровождения	**Мужчины**			**Женщины**		
	Никогда, редко	Время от времени	Часто, постоянно	Никогда, редко	Время от времени	Часто, постоянно
Ходим в кино, театры, музеи, на концерты	33,7	26,5	29,0	37,7	24,8	26,2
Ходим в походы, ездим в туристические поездки	37,6	28,0	**25,5**	**46,8**	23,5	20,6
Занимаемся спортом, физкультурой, играем в подвижные игры	32,9	26,0	30,7	36,3	25,0	28,4
Читаем книги	31,4	29,0	28,2	31,1	30,9	28,2
Выполняем школьные домашние задания (если есть дети школьники)	**41,1**	21,5	25,0	35,3	**23,8**	**29,2**
Смотрим мультфильмы и фильмы дома	20,3	31,2	**38,4**	**26,0**	33,3	34,3
Обсуждаем прочитанные книги, просмотренные фильмы, спектакли	41,1	26,0	21,5	40,4	28,4	21,3
Гуляем на свежем воздухе, ездим на природу	15,1	26,0	**53,5**	14,7	27,2	**53,2**
Работаем в саду, огороде	31,2	26,2	**35,4**	34,6	25,2	32,4
Обычно каждый из нас занимается своими делами	32,7	33,9	25,5	33,3	34,3	24,8
Сидим каждый за своим компьютером / ноутбуком / планшетом / телефоном	**43,1**	26,0	22,0	39,0	**30,6**	21,8
Занимаемся делами по дому	27,0	34,9	31,9	23,8	**37,0**	**35,5**
Ходим в гости	22,5	31,2	40,1	25,5	35,0	36,8
Ходим за покупками	19,1	29,2	**47,0**	15,2	32,8	**49,3**

Источник: данные мониторинга репродуктивного потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН.

Проведённое исследование эмпирически подтвердило и факт более высоких временн*ы*х затрат семейных респондентов на уход за детьми и их воспитание, особенно значительных у женщин. Для снижения нагрузки на родителей, компенсации их временн*ы*х и материальных затрат на воспитание детей наиболее адекватными мерами представляются: введение гибких форм занятости для матерей детей дошкольного возраста, рассмотрение возможности оплаты/вознаграждения родительского труда, особенно для многодетных семей (что научно обосновывается в трудах А.П. Багировой и соавт. [1; 12]), развитие института бесплатных профессиональных нянь для помощи в уходе и воспитании детей работающим родителям.

Полученные результаты также продемонстрировали распространенность традиционно-патриархального типа семьи, однако это в большей степени обусловлено его объектом – состоящими в браке людьми. Вместе с тем, отечественные исследования доказывают, что молодые люди все чаще рассматривают для себя эгалитарный тип семьи, характеризующийся установлением в семейных отношениях полного равенства супругов и солидарной ответственности [3; 15], а это, несомненно, повлияет на изменение структуры временных бюджетов будущих семей. Данный факт подтверждает перспективность продолжения подобного рода исследований. На последующих этапах представляется интересным сравнение временн*ы*х ресурсов семей с супругами разных возрастов или с различным семейным стажем.

Статья подготовлена в рамках темы государственного задания № 0168-2019-0011 «Демографическое развитие территорий».

Список литературы

1. Багирова А.П., Быкова Д.Г. Оценка результатов родительского труда: актуальность и подходы // Вестник Омского университета. Серия Экономика. – 2015. – № 4. – С. 6–10.

2. Выборочное наблюдение использования суточного фонда времени населением 2019 // Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/sut_fond19/index.html (дата обращения: 11.10.2021)

3. Калачикова О.Н., Груздева М.А. Гендерные стереотипы в современной семье: женщины и мужчины (на материалах социологического исследования) // Женщина в российском обществе. – 2019. – № 1. – С. 64–76. DOI: 10.21064/WinRS.2019.1.6

4. Караханова Т.М. Время работающих горожан: тенденции использования в 1986-2008 годы // Социологический журнал. – 2009. – № 2. – С. 68–81.

5. Караханова Т.М., Бессокирная Г.П. Повседневное использование времени и жизненные ценности рабочих в годы реформ // Россия реформирующаяся: ежегодник. Вып. 7. – М.: Институт социологии РАН, 2008. – С. 196−212.

6. Караханова Т.М., Большакова О.А. Общее и особенное в использовании времяресурса повседневной жизни у рабочих разного возраста // Вестник Института социологии. – 2017. – № 3. – Т. 8. – С. 98–136.

7. Короленко А.В. Особенности брачного и семейного поведения населения Вологодской области // Социальные исследования. – 2017. – № 2. – URL: http://www.jsr.su/17/2/Aleksandra-Korolenko-JSR-2017-2.pdf (дата обращения: 12.10.2021)

8. Короленко А.В., Калачикова О.Н. «Время на детей»: ресурсные возможности современных родителей // Социальное пространство. – 2019. – № 5 (22). – URL: http://socialarea-journal.ru/article/28389 DOI: 10.15838/sa.2019.5.22.1 (дата обращения: 12.10.2021)

9. Кузьмин А.И. Влияние демографических факторов на бюджет времени работающего и незанятого населения России // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. – 2013. – № 4 (6). – С. 38–46.

10. Патрушев В.Д. Бюджет времени городского работающего населения США и России (1980−1990-е гг.) // Социологические исследования. – 2003. – № 12. – С. 32−39.

11. Патрушев В.Д. Сравнительный анализ бюджетов времени рабочих в России, США и Финляндии // Социологический журнал. – 2001. – № 3. – С. 128–134.

12. Родительский труд: условия реализации, мотивы и результаты: монография / А.П. Багирова [и др.]; под общ. ред. А.П. Багировой / М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. фед. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. – 171 с.

13. Сычев А.А., Фофанова К.В., Якина Л.А. Бюджет времени молодой семьи в региональном социуме // Регионология. – 2010. – № 4 (73). – С. 233–238.

14. Сычев А.А., Фофанова К.В., Якина Л.А. Бюджет времени молодой семьи в условиях демографических и социально-экономических изменений // Вестник Мордовского университета. – 2012. – № 1. – С. 37–42.

15. Шпаковская Л.Л. Незарегистрированные союзы: брачные стратегии молодых представителей городского среднего класса // Женщина в российском обществе. – 2012. – № 1. – С. 3–16.

16. Якина Л.А. Бюджет времени молодой семьи // Russian Journal of Education and Psychology. – 2010. – № 4 (4). – С. 303–310.

Сведения об авторах

Короленко Александра Владимировна – научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН), Россия, г. Вологда, ул. Гоголя, д. 53а. E-mail: coretra@yandex.ru

UDK 314.6+316.36

THE TIME RESOURCE OF THE MODERN FAMILY: THE EXPERIENCE OF STUDYING ON THE EXAMPLE OF THE VOLOGDA OBLAST

Korolenko A.V.

Federal state budgetary institution of science "Vologda research center of the Russian academy of sciences", Vologda

The article is devoted to the analysis of the time resources of family respondents – the structure of their time budget, the nature and frequency of spending time together with children. The information base is the sociological monitoring of the reproductive potential of the Vologda Oblast population in 2021. It was found that the structure of the temporary budget of family respondents, in comparison with the population as a whole, is characterized by high costs for paid work, housework, child rearing and, on the contrary, less time resources are spent on passive recreation and communication. Representatives of this category in their free time on weekdays are most often involved in joint walks with children in the fresh air, doing school homework, shopping trips. On weekends, they are noticeably more likely to take walks with children in the fresh air, go shopping, visit, watch cartoons and movies together, do housework, physical education and sports, work in the garden or vegetable garden, visit museums, cinemas and theaters. Gender differences are observed both in the structure of the temporary budget of the family respondents and in the nature and frequency of their time with children. The family's time budget is also significantly affected by the number of children in it.
Keywords: time resource, time budget, pastime, families with children, married respondents, sociological survey, population of the Vologda Oblast.

References

1. Bagirova A.P., Bykova D.G. Evaluation of the parental labor results: the relevance and approaches [Otsenka rezultatov roditelskogo truda: aktualnost i podhody]. *Herald of Omsk University. Series "Economics"*, 2015, no 4, pp. 6-10.
2. Selective observation of the use of the daily time fund by the population in 2019 // Federal State Statistics Service. Available at: https://gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/sut_fond19/index.html (accessed at: 11.10.2021)
3. Kalachikova O.N., Gruzdeva M.A. Gender stereotypes in the modern family: women and men (on the basis of a sociological research) [Gendernye stereotipy v sovremennoy seme: zhenshchiny i muzhchiny (na materialah sociologicheskogo issledovaniya)]. *Woman in Russian Society*, 2019, no 1, pp. 64–76. DOI: 10.21064/WinRS.2019.1.6
4. Karakhanova T.M. The time-budget of employed townsmen [Vremya rabotajushchih gorozhan: tendencii ispolzovaniya v 1986-2008 gody], 1986-2008s. *Sociological journal*, 2009, no 2, pp. 68–81.
5. Karakhanova T.M., Besokirnaya G.P. Everyday use of time and vital values of workers in the years of reforms [Povsednevnoe ispolzovanie vremeni i zhiznennye cennosti rabochih v gody reform]. *Russia reforming: yearbook*. Issue 7. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2008, pp. 196-212.
6. Karakhanova T.M., Bolshakova O.A. The common and the particular in using the time-resource of everyday life among workers of various ages [Obshchee i osobennoe v ispolzovanii vremyaresursa povsednevnoy zhizni u rabochih raznogo vozrasta]. *Bulletin of the Institute of Sociology*, 2017, no 3, vol. 22, pp. 98-136.
7. Korolenko A.V. Features of marriage and family behavior of the population of the Vologda Oblast [Osobennosti brachnogo i semeynogo povedeniya naseleniya Vologodskoy oblasti]. *Journal of Social Research*, 2017, no 2, available at: http://www.jsr.su/17/2/Aleksandra-Korolenko-JSR-2017-2.pdf (accessed at: 12.10.2021)
8. Korolenko A.V., Kalachikova O.N. "Time for Children": Modern Parents' Resource Opportunities [«Vremya na detey»: resursnye vozmozhnosti sovremennyh roditeley]. *Social area*, 2019, no. 5 (22), available at: http://socialarea-journal.ru/article/28389 DOI: 10.15838/sa.2019.5.22.1 (accessed at: 12.10.2021)
9. Kuzmin A.I. Effects of demographic factors on budget tempotati employment and of unemployment population Russia [Vliyanie demograficheskih faktorov na byudzhet vremeni

rabotayushchego i nezanyatogo naseleniya Rossii]. *USOTU Bulletin. Science, education, economics. Series: Economics*, 2013, no 4, vol. 6, pp. 38-46.

10. Patrushev V.D. Time budget of urban employed population in USA and Russia, 1980-1990 [Byudzhet vremeni gorodskogo rabotayushchego naseleniya SShA i Rossii (1980−1990-e gg.)]. *Sociological Research*, 2003, no 12, pp. 32-39.

11. Patrushev V.D. The comparative study of the use of time of industrial workers in Russia, United States and Finland [Sravnitelnyy analiz byudzhetov vremeni rabochih v Rossii, SShA i Finlyandii]. *Sociological Research*, 2001, no 4, pp. 128-134.

12. *Parental labor: conditions of realization, motives and results: monograph* [Roditelskiy trud: usloviya realizatsii, motivy i rezultaty: monografiya] / A.P. Bagirova [et al.]; under the general editorship of A.P. Bagirova / Ministry of Education and Science of the Russian Federation. Federation, Ural. fed. un-t. Yekaterinburg: Ural Publishing House. un-ta, 2015. 171 p.

13. Sychev A.A., Fofanova K.V., Yakina L.A. Budget of time of young family in regional society [Byudzhet vremeni molodoy semi v regionalnom sociume]. *Russian Journal of Regional Studies*, 2010, no 4, vol. 73, pp. 233-238.

14. Sychev A.A., Fofanova K.V., Yakina L.A. The time budget of a young family in the conditions of demographic and socio-economic changes [Byudzhet vremeni molodoy semi v usloviyah demograficheskih i socialno-ekonomicheskih izmeneniy]. *Mordovia University Bulletin*, 2012, no. 1, pp. 37-42.

15. Shpakovskaya L.L. Cohabitation: marriage strategies of urban middle-class young representatives [Nezaregistrirovannye soyuzy: brachnye strategii molodyh predstaviteley gorodskogo srednego klassa]. *Woman in Russian Society*, 2019, no 1, pp. 3-16.

16. Yakina L.A. Budget time of young family [Byudzhet vremeni molodoy semi]. *Modern studies of social issues*, 2010, no 4, vol. 4, pp. 303-310.

Author`s information

Korolenko Aleksandra Vladimirovna – researcher assistant, Federal state budgetary institution of sciences “Vologda research center of the Russian academy of sciences” (VolRC RAS), Russia, Vologda, 53A, Gogol’ Street. E-mail: coretra@yandex.ru

УДК 316.354:351/354

ОЦЕНКА ПОТЕНЦИАЛА СУБЪЕКТНОСТИ В ГРУППАХ С РАЗЛИЧНЫМ ОТНОШЕНИЕМ К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ

Мерзляков А.А.

Институт социологии ФГБУН «Федеральный научно-исследовательский социологичесий центр РАН», г. Москва

Аннотация. В статье поднимается вопрос возможности социологической оценки потенциала субъектности населения. На основе выделенных социальных профилей, дифференцирующих отношение к деятельности органов власти и управления, проанализированы особенности проявления субъектности населения. Для оценки субъектности был выделен ряд показателей. В качестве таковых выступает накопленный населением опыт социальной активности, а также сформировавшиеся установки на взаимодействие с органами власти по обсуждению актуальных вопросов. Отдельное внимание уделено возможности проявления субъектности в отношении реализации двенадцати национальных проектов, утвержденных майским Указом Президента РФ. Отмечается, что сформировавшееся отношение к властно-управленческой вертикали предопределяет особенности проявления субъектности населением. Так в зависимости от принадлежности респондента к определённому социальному профилю меняется как уровень, так и способы проявления им своей субъектности.

Ключевые слова: субъектность населения, социальное группообразование, национальные проекты, отношение к работе властно-управленческой вертикали.

Постановка проблемы. Рассматриваемая нами проблема управления социальным группообразованием с точки зрения оценки отношения населения к властно-управленческой вертикали, степени его чувствительности (синзетивности) к осуществляемой властью деятельности является предметом нашего исследования. Как показали результаты многолетних исследований любые действия, предпринимаемые органами власти и управления вольно или невольно ведут к образованию новых социальных групп, которые по разному оценивают действия властей по решению актуальных проблем [Россия, 2017].

Такие группы, в отличие от традиционно сложившегося в социологии подхода к разделению на группы по социально-демографическим, профессиональным и т.п. признакам, не имеют явно выраженного характера. Как отмечает Тихонов А.В. в нашем случае речь идет о латентных группах, потенциально обладающих свойствами субъектности, способные, наподобие «спящих ячеек» превращаться в реальные группы при определённых социально-политических обстоятельствах [Тихонов, 2014].

Особенности сформировавшихся отношений людей к деятельности органов власти и управления стали основанием для выделения в социальном пространстве такого рода социально-статистических группировок. Они фиксировалось в виде пятибалльной оценки, отражающей представления о работе властно-управленческих органов федерального и регионального уровней. На основе проведённого анализа было выделено пять таких групп, которые были обозначены как профили «легитимной номинации»[1]: первый профиль состоит из людей, положительно оценивающих и региональные и федеральные органы власти - «сторонники»; второй профиль образовали респонденты, которые отрицательно относятся к деятельности всех органов власти – «противники», третий профиль состоит из тех, кто дает удовлетворительные (средние) оценки всем органам власти как федеральным, так и региональным – «социальное ядро»; четвертый профиль - это группа людей, которые положительно оценивают деятельность федеральных властей и удовлетворительно региональных – «федерально-ориентированные»; пятый профиль включает респондентов, положительно оценивающих деятельность региональных властей, но отрицательно федеральных – «регионально-

[1] Данные получены не путём прямого опроса, а косвенно, на основе использования инверсионной процедуры обработки массива данных на основе оценок респондентами работы звеньев властно-управленческой вертикали. Этот методический приём позволяет рассматривать и легитимизировать эти профили как ячейки «легитимных номинаций» [Бурдье, 2007].

ориентированные»[2].

Для становления отечественной социологии управления, в отличие от теорий социального управления и от социологии менеджмента, именно управляемость социальных процессов выступает основной проблемой социологических исследований. Производя содержательный анализ данных групп с позиции социологии управления, мы должны ответить на вопрос как данные группы будут себя вести в сложившихся социокультурных условиях, оценить характер и способы их возможного реагирования на принимаемые органами власти управленческие решения, другим словами нам необходимо оценить потенциал их субъектности. Это в дальнейшем позволит дать оценку степени управляемости функционирующими в регионах социальными процессами, прогнозировать общественные реакции на принимаемые органами власти решения.

Наиболее актуальной сегодня, как нам представляется, является разработка измерительных процедур для определения латентной роли властно-управленческой вертикали в проявлении феномена субъектности. Под субъектностью населения мы понимаем свойство социальной группы (общности) оказывать воздействие, влиять на принимаемые и реализуемые органами власти решения [Мерзляков, 2018]. Дифференциация выявленных отношений в выделенных нами группах (профилях) уже представляет собой особенности характера проявления населением своей субъектности, поскольку оценивая действия властно управленческой вертикали, оно формирует свое собственное отношение – от полной поддержки до тотального недоверия. Такое отношение в совокупности с собственными интересами, накопленным опытом социальной активности, готовности к участию, а также сложившимися установками на взаимодействие способствует формированию определённого поведения, некоторого сценария действия и может рассматриваться нами как существующий потенциал субъектности населения.

В этой связи в дальнейшем будет произведена общая оценка накопленного потенциала субъектности, а также проанализированы особенности его проявления в выделенных нами группах (профилях). Это в свою очередь позволит более полно оценить текущий расклад в системе социального управления в регионах с позиции отношения населения к деятельности властно-управленческой вертикали.

Эмпирической базой исследования послужили результаты репрезентативного социологического опроса населения, который был проведен в 2019-2020 годах в 12 субъектах Российской Федерации. Исследование проводилось в Республиках Башкортостан, Калмыкия, Саха (Якутия), а также Амурской, Белгородской, Брянской, Вологодской, Московской, Нижегородской, Омской, Свердловской, Смоленской областях. Всего, было собрано 6021 полевых документа. Метод опроса - анкетирование. Форма опроса – самозаполнение анкеты респондентом. Опрос проводился по специально созданной для каждого региона квотной выборке, основанной по данным Федеральной службы государственной статистики за 2019 год и учитывающей половозрастную и образовательную составляющую. Кроме того при формировании выборки учитывалась административно-территориальная составляющая: в каждом из отобранных регионов опросы проводились в административном центре региона, в 2 «средних» городах с численностью не менее 50 тысяч человек, в 2 «малых» городах с численностью от 10 до 50 тысяч человек и 1-2 поселениях с численностью менее 10 тысяч человек.

Для определения потенциала субъектности населения, а также особенностей ее проявления в выделенных нами группах (профилях) необходимо, во-первых, зафиксировать существующий опыт социальной активности населения, во-вторых, проанализировать их намерения и установки на взаимодействие с органами власти и управления. Предметом проведенного нами эмпирического исследование стало отношение населения к деятельности орга-

[2] Более подробно см. Тихонов А.А., Мерзляков А.А. Почестнев А.А. Феномен латентного группообразования в регионах с различным уровнем социокультурной модернизации // Социологические исследования. 2021. №10. С.129-136. [Тихонов, 2021]

нов власти управления в рамках реализации национальных проектов, утвержденных Указом Президента РФ в мае 2018 года. Поэтому отдельное внимание уделено оценке готовности населения оказать поддержку реализации данных проектов, формам и способам взаимодействия с органами власти по совместному обсуждению проблем, связанных с их реализацией, а также степени готовности к отстаиванию своих интересов. Решению вышеуказанных задач и будет посвящена данная статья.

Общие показатели проявления субъектности населения. Начнем свой анализ с общих показателей проявления субъектности. В социологической литературе объективизирующим фактором проявления субъектности личности, социальной группы или общности выступает ее активность, осознанная деятельность для решения поставленных перед собой целей и удовлетворения текущих интересов [Дорган 2019; Радченко 2012; Старикова 2009]. В нашем случае предметом исследования выступают социальные отношения, функционирующие в рамках системы власть - население. Поэтому базовым признаком проявления субъектности здесь выступает так называемая активная жизненная позиция индивида, его целеобусловленная деятельность, направленная на взаимодействие с органами власти и управления.

В качестве таких показателей субъектности выступает накопленный опыт взаимодействия (опыт обращений к другим субъектам регионального развития для решения актуальных проблем), сформировавшаяся гражданская позиция (электоральная активность), а также формы проявление собственной активности (вовлеченность в общественную работу и в деятельность инициативных групп). Остановимся на каждом из выделенных показателей подробнее.

Таблица 1 - Уровень обращений респондентов к субъектам регионального развития, %

Перечень региональных субъектов	всего	Группы отношений к деятельности ВУВ				
		ядро	федералы	противники	регионалы	сторонники
в органы власти	17	16	18	17	20	15
в общественные организации	5	4	4	5	4	6
к местным активистам	5	4	5	4	6	6
к активистам в социальных сетях	4	3	5	4	5	3
в редакции СМИ	3	3	4	4	3	4
в политические партии	2	1	2	3	2	2
в бизнес структуры	2	2	2	2	1	3
не обращался	57	62	55	56	54	57
затрудняюсь ответить	5	6	4	6	6	5

Как можно увидеть из таблицы 1 в целом респонденты имеют весьма незначительный опыт обращений к субъектам регионального развития (38%). Более половины опрошенных (57%) ни с кем не контактируют, решая свои проблемы самостоятельно, а еще 5% затруднились с ответом на данный вопрос. Как и следовало ожидать, наибольшая частота обращений направлена в сторону представителей органов власти, почти половина всех обращений (17%) были адресованы к данному региональному субъекту. Остальные региональные субъекты (СМИ, политические партии, бизнес, общественные организации и т.п.) заметно ему уступают: на долю каждого из них приходится от 2 до 5% всех обращений. Это говорит о том, что население не рассматривает их в качестве субъектов решения проблем.

Стоит отметить, что именно обращения к органам власти стали самым значимым критерием, характеризующим общую интенсивность обращений в рассматриваемых нами пяти профилях. Наибольшую активность здесь проявили представители регионально-ориентированных (40%) и федерально-ориентированных (39%). Именно в этих профилях был зафиксирован самый высокий уровень обращений к органам власти. Скорее всего, это связано с наличием высокого уровня доверия к власти: первых к федеральным органами власти, а вторых к региональным властным структурам. Меньше всего контактируют с органами

власти представители профиля «ядро» (32%). Уровень обращений к субъектам регионального развития представителей профилей сторонников и противников находится в пределах средних значений. По остальным субъектам регионального развития серьезных различий в выделенных нами профилях выявлено не было, отличия в ответах находятся в пределах 1-2%.

Таблица 2 - Уровень электоральной активности респондентов, %

Уровень выборов	всего	Группы отношений к деятельности ВУВ				
		ядро	федералы	противники	регионалы	сторонники
Президента РФ						
голосовал	69	69	71	60	68	79
не голосовал	31	32	29	40	32	21
Депутатов Госдумы РФ						
голосовал	48	47	52	38	44	58
не голосовал	52	53	48	62	56	42
Депутатов городского (областного) законодательного собрания						
голосовал	43	41	46	34	40	53
не голосовал	58	59	54	66	60	47
Депутатов местного самоуправления						
голосовал	44	43	43	37	42	57
не голосовал	56	57	57	63	58	43

Следующий показатель проявления субъектности населения - это его электоральная активность. Уровень электоральной активности также имеет принципиальное значение для оценки субъектности, поскольку объективно показывает степень развитости гражданской позиции. В целом можно отметить, что в зависимости от уровня проведения выборов показатель электоральной активности опрошенных респондентов находится в пределах 43-48%. Исключением являются выборы Президента РФ, здесь уровень активности оказался значительно выше и составил 69% (табл. 2).

Сравнительный анализ выделенных нами групп показывает, что чаще остальных (вне зависимости от уровня проведения выборов), ходят голосовать представители сторонников. Их активность выше, чем в остальных профилях примерно на 8-10%. Реже всего ходят голосовать противники. Электоральная активность в этом профиле ниже средних значений примерно на 8-10%. Данный показатель хорошо демонстрирует отличия в проявлении субъектности в данных группах (профилях), если сторонники, голосуя на выборах, выказывают свое доверие власти, то противники, наоборот, игнорируя голосование, показывают им свое недоверие. В остальных трех выделанных нами группах уровень электоральной активности находится примерно на одинаковом уровне и в целом повторяет средние значения.

Теперь оценим сформировавшийся потенциал субъектности населения посредством анализа собственной активности опрошенных респондентов. В качестве такого показателя выступает опыт участия в работе в общественных организациях.

Как можно увидеть из таблицы 3, в целом опрошенные респонденты не увлечены общественной работой. Чаще всего они отказывались от такого вида деятельности: 41% респондентов не имеют опыта и не желают этим заниматься. Очень незначительное число респондентов принимали в ней участие: 13% опрошенных заняты общественной работой в настоящее время, а еще 23% ранее занимались общественной деятельностью.

В выделенных нами профилях есть свои отличительные особенности по данному показателю. Включенных в общественную работу чаще всего можно встретить в группах сторонников и регионально ориентированных (16 и 15% соответственно), а наибольшим опытом общественной работы обладают федерально ориентированные (26%).

Таблица 3 - Участие в работе общественных организаций, %

Характер включенности	всего	Группы отношений к деятельности ВУВ				
		ядро	федералы	противники	регионалы	сторонники
да, участвую	13	11	12	11	15	16
нет, но участвовал раньше	23	21	26	18	23	24
нет, но хотел бы	13	11	14	12	13	12
нет, и не хочу	41	44	38	48	37	37
затрудняюсь ответить	11	13	11	11	12	10

Кроме того они же чаще других высказали свое желание участвовать в такой деятельности (14%). Больше всего отказов от участия в общественной работе выявлено среди противников, они реже других желают этим заниматься (48%). Так же как и представители профиля «ядро» (38%), но последние чаще затруднились с ответом на данный вопрос (13%).

Таблица 4 - Интерес к участию в работе инициативных групп, %

Характер отношения к работе в инициативных группах	всего	Группы отношений к деятельности ВУВ				
		ядро	федералы	противники	регионалы	сторонники
я в них участвую	7	5	7	7	8	8
я имею отношение к работе таких групп	7	5	9	7	9	8
я знаю, что такие группы есть, но не участвую	32	32	34	28	32	34
меня это не интересует	41	44	36	44	38	42
затрудняюсь ответить	13	13	14	14	14	9

Еще меньше, чем работа в общественных организациях респондентов интересует участие в деятельности инициативных групп (табл. 4). Их доля оказалась крайне мала. Только 7% опрошенных в настоящее время вовлечены в такую деятельность, а еще 7% имеют некоторое отношение к работе инициативных групп. Несмотря на это, треть респондентов (32%) знакома с такими группами, хотя и не участвует в них. Но чаще всего деятельность инициативных групп им не интересна (41%).

При рассмотрении различий в выделенных нами профилях отмечается схожая ситуация, что и в отношении участия в работе в общественных организациях. Самый большой опыт в такой деятельности имеют представители их группы регионально ориентированных и сторонников, (чуть меньше федерально ориентированные): они чаще включены в деятельность и более информированы о работе инициативных групп. Противники и представители профиля «ядро», меньше интересуются данным вопросом. Но если представители профиля «ядро» в принципе проявляет низкую активность (5%), то противники, помимо этого, еще и слабо информированы об их деятельности (28%).

Таким образом, результаты исследования показывают наличие определенного потенциала субъектности среди населения, хотя он и не очень высокий. Накопленный респондентами опыт социальной активности демонстрирует, что население в целом не стремится к взаимодействию ни с органами власти, ни тем более с любыми другими субъектами регионального развития, стараясь решать свои проблемы самостоятельно. А слабая вовлеченность в общественную работу и, в особенности, в деятельность инициативных групп говорит о весьма низком уровне общественной самоорганизации.

Можно также сделать промежуточный вывод о сформировавшемся потенциале субъектности в выделенных нами пяти профилях. В целом можно отметить, что в каждом из групп сформировался свой потенциал проявления субъектности, но он оказался различным не только по характеру, но и по уровню своего проявления. Наиболее высокий уровень проявления субъектности выделен среди сторонников и регионально ориентированных. Именно в этих группах зафиксирован самый большой опыт взаимодействия с субъектами региональ-

ного развития, выявлен более высокий уровень личной и электоральной активности. Все это говорит о формировании более серьезной активной жизненной позиции представителей данных профилей. Профиль противников имеет достаточно своеобразный характер проявления субъектности, они с недоверием относятся к властным структурам и поэтому не только не ходят на выборы, но и в принципе стараются с ними не взаимодействовать. Показатель их личной активности также оказался низким – они редко участвуют в общественной деятельности и еще реже в работе инициативных групп. Однако самый низкий уровень проявления субъектности зафиксирован в профиле «ядро». Здесь реже других обращаются в органы власти, занимаются общественной работой и участвуют в деятельности инициативных групп.

Общественные установки на взаимодействие с органами власти.

Выше были выделены общие показатели, описывающие опыт активной деятельности респондентов, который можно охарактеризовать как накопленный населением потенциал субъектности. Однако нам необходимо понять, как данный потенциал будет реализован в рамках возможного взаимодействия с органами власти по обсуждению социально значимых проблем, какие общественные установки будут доминировать в ходе совместного обсуждения. Анализ данного аспекта позволит оценить характер такого взаимодействия и определить уровень его функциональности (дисфункциональности), т.е. настроенности на конструктивное сотрудничество и диалог. Поэтому далее перейдем к такому аспекту рассмотрения субъектности как выявление готовности населения к взаимодействию с органами власти и оценке характера такого взаимодействия, т.е. какая стратегия поведения будет доминировать в их сознании в случае организации совместного обсуждения актуальных вопросов и проблем.

Говоря об установках на взаимодействие в первую очередь важно определить общий уровень готовности населения сотрудничать с органами власти, желание обсуждать с ними социально значимые проблемы.

Таблица 5 - Готовность участвовать в разработке программы совершенствования системы управления, %

	всего	Группы отношений к деятельности ВУВ				
		ядро	федералы	противники	регионалы	сторонники
готов	25	20	24	28	27	28
не готов	51	57	51	51	44	49
затрудняюсь ответить	24	24	25	21	29	24

Результаты исследования, проиллюстрированные в таблице 5, показывают, что четверть опрошенных респондентов готова включаться в разработку программы по совершенствованию системы управления (25%). Более половины из числа опрошенных не жалеют участвовать в такого рода деятельности (51%), а еще примерно четверть затруднились с ответом на данный вопрос (24%). Полученные распределения вполне соотносятся с результатами более ранних наших исследований по данной проблематике, хотя нужно признать, что за последние годы показатель готовности к участию несколько снизился. Так в исследованиях Центра социологии управления и социальных технологий ФНИС РАН за 2012-17 гг. он был выше и составлял 30-33%. [Россия, 2017; Тихонов, 2014]. Как же настроены выделенные профили в отношении своей готовности к участию. Более высокий уровень готовности к участию зафиксирован среди представителей сторонников, противников и регионально ориентированных (по 27-28% в каждой группе). Самую низкую готовность показали представители профиля «ядро» (20%), также среди них выявлена самая высокая доля тех, кто отказался от данного предложения (57%). Представители профиля федерально ориентированных находятся на уровне средних значений (24%), они заняли промежуточную позицию.

Анализируя вопрос готовности населения к участию, немаловажным остается проблема с каким настроем они собираются обсуждать с властью социально значимые проблемы. Поэтому еще одним важным аспектом является оценка готовности граждан к конструктивному сотрудничеству в рамках такого совместного обсуждения проблем, настроенности

на поиск компромиссного решения. Это позволяет сделать прогноз, каким образом будет проходить такое взаимодействие, какой характер оно будет носить – конструктивный или деструктивный.

Таблица 6 - Стратегии поведения социальных групп в рамках потенциального взаимодействия, %

Вид поведенческой стратегии	всего	Группы отношений к деятельности ВУВ				
		ядро	федералы	противники	регионалы	сторонники
конфронтация	38	36	39	41	35	41
уход от конфликта	25	25	26	25	25	24
компромисс	24	25	23	22	29	23
затрудняюсь ответить	13	14	12	13	12	12

Принятие любого социально значимого решения, которое затрагивает интересы разно уровневых субъектов, как правило, проходит в ситуации высокой социальной напряженности и возможно даже может сопровождаться эскалацией конфликта. В этой связи респондентам было предложено выбрать наиболее приемлемый для них вариант стратегии поведения в конфликтных ситуациях. Как можно увидеть из таблицы 6, опрошенные респонденты чаще всего в случае возникновения спорных ситуаций выбирают стратегию конфронтации и давления (38%). Остальные стратегии поведения отстают от лидирующей и примерно равны между собой: уход от конфликта и поиск компромисса выбрали соответственно 25% и 24% опрошенных респондентов. Следует отметить, что 13% респондентов не смогли ответить на данный вопрос. Если смотреть распределение полученных ответов в рассматриваемых нами профилях, то оказывается, что самыми непримиримыми в отстаивании своей позиции являются группы противников и сторонников, именно они чаще других выбирали стратегию конфронтации и давления (каждый по 41%). Более предрасположены к выбору компромиссного варианта решения проблем группа регионально ориентированных, здесь зафиксирован самый высокий уровень готовности к поиску компромисса (29%), а конфронтационный вариант поведения, наоборот, оказался самым низким (35%). Выбор конкретной стратегии поведения в конфликте среди представителей из группы «ядра» и федерально ориентированных в целом отражает средние значения.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в случае приглашения населения к совместному обсуждению актуальных и социально значимых проблем готовность к такой совместной работе присутствует. При этом надо сказать, такая готовность не обусловлена сформировавшимся отношением к будущему оппоненту (в данном случае к органам власти), поскольку наибольшую готовность проявили полярно настроенные к власти группы – сторонники и противники. Объединяет их выбор одной и той же стратегии поведения, обе эти группы настроены до конца отстаивать свою позицию, не собираясь идти на уступки. В этой связи отдельно стоит упомянуть группу регионально-ориентированных, которые при таком же высоком уровне готовности к обсуждению актуальных проблем в случае необходимости все же в большей степени намерены искать компромиссное решение. Даная группа оказалась наиболее конструктивной, а их поведение в большей степени носит функциональный характер. Оценивая готовность к участию представителей федерально-ориентированных и в особенности профиля «ядро», нужно сказать, что здесь зафиксирован самый низкий уровень заинтересованности в совместном обсуждении.

Потенциал субъектности в отношении реализации национальных проектов. Ранее мы рассмотрели и проанализировали общий потенциал проявления субъектности, проанализировали его характер и уровень проявления как в целом, так и в отдельных выделенных нами профилях. Однако для проверки сделанных нами предположений оценим возможности проявления субъектности населения в отношении конкретных проектов и программ социально экономического развития. В нашем случае в качестве такой программы выступают, утвержденные в рамках майского Указа Президента РФ, двенадцать национальных проектов. Поэтому далее остановимся на таком аспекте нашей проблематики как оценка субъектности на-

селения в отношении реализации национальных проектов, а также сформировавшихся установок для включения последних в мероприятия по их реализации.

И в первую очередь необходимо зафиксировать уровень готовности жителей опрошенных регионов к участию и поддержке реализации национальных проектов, их настроенности включаться в мероприятия по их реализации.

Таблица 7 - Готовность респондентов принять участие в поддержке 12 национальных проектов, %

Наличие готовности к поддержке	всего	Группы отношений к деятельности ВУВ				
		ядро	федералы	противники	регионалы	сторонники
Здравоохранение						
готов	55	51	57	55	55	58
не готов	29	32	27	31	29	27
з/о	16	17	16	14	16	15
Жилье и городская среда						
готов	51	47	52	52	51	51
не готов	34	34	32	34	33	34
з/о	16	19	16	14	16	15
Образование						
готов	50	47	51	49	52	53
не готов	33	35	31	35	31	30
з/о	17	18	19	16	18	17
Экология						
готов	48	45	48	49	51	50
не готов	35	37	33	35	33	34
з/о	17	18	19	16	16	16
Автомобильные дороги						
готов	46	41	46	46	46	48
не готов	37	40	35	38	36	35
з/о	18	19	19	16	17	17
Производительность труда и поддержка занятости						
готов	40	34	41	43	39	41
не готов	40	43	37	40	40	41
з/о	20	23	22	17	21	18
Культура						
готов	39	35	38	38	38	47
не готов	41	44	39	45	42	36
з/о	20	21	24	17	20	17
Демография						
готов	35	32	37	34	34	39
не готов	45	48	42	48	46	44
з/о	20	20	21	18	20	18
Наука						
готов	31	29	28	32	32	35
не готов	48	50	48	50	46	46
з/о	21	22	24	18	22	19
Малое и среднее предпринимательство						
готов	30	28	30	32	30	32
не готов	49	51	46	49	50	49
з/о	21	22	24	19	21	19
Цифровая экономика						
готов	23	21	20	26	25	25
не готов	53	55	54	53	49	55
з/о	24	25	26	20	26	20
Международная кооперация и экспорт						
готов	22	19	21	26	21	22
не готов	54	56	53	53	54	55
з/о	24	25	26	21	25	23

Результаты исследования, продемонстрированные в таблице 7, показывают дифференцированную готовность населения участвовать в мероприятиях по реализации национальных проектов. Наибольшую поддержку получили национальные проекты, отражающие ключевые потребности и интересы жителей регионов. Это такие проекты как Здравоохранение, Жилье, Образование, Экология и Автомобильные дороги. Данные проекты оказались наиболее востребованными среди опрошенных респондентов, они получили самые высокие проценты – примерно половина респондентов, заявила о своем намерении включаться в деятельность по их реализации (46-55%). Также весьма высокий процент готовности зафиксирован в отношении таких национальных проектов как Производительность труда и поддержка занятости, Культура, Демография, Наука, Поддержка малого и среднего предпринимательства - от 30 до 40%. Реже всего респонденты готовы поддержать два национальных проекта – Цифровая экономика и Международная кооперация и экспорт – 22-23%.

Поскольку потребность в участии продиктована, прежде всего, личной заинтересованностью и необходимостью решить наиболее насущные для человека проблемы, то полученные результаты позволяют говорить о текущем распределении потребностей и интересов населения, а также показывают, какие проблемы социально-экономического развития беспокоят их больше всего. Вопросы образования, здравоохранения, доступности жилья, экологические проблемы оцениваются жителями регионов как наиболее востребованные, они оказались наиболее чувствительны к ним и готовы в первую очередь принимать участие в их решении.

Сравнительный анализ приоритетности конкретного национального проекта в зависимости от принадлежности к тому или иному социальному профилю показал идентичное распределение, т.е. вне зависимости от профиля, приоритетность в поддержку конкретного национального проекта отражает общее полученное распределение. Однако если сравнивать уровень общественной поддержки, зафиксированный в каждом из профилей по каждому национальному проекту в отдельности, то обнаруживается следующая тенденция. Наибольшую активность и готовность включаться в мероприятия по реализации национальных проектов предъявила группа сторонников. Практически по всем национальным проектам в этой группе зафиксирован самый высокий уровень готовности к участию. В противовес этому, наименьшую активность предъявила группа представителей «ядра», в этом профиле оказалась самая низкая готовность включаться в реализацию практически по всем национальным проектам.

Отдельно стоит сказать про группу противников, их готовность к поддержке избирательна и касается национальных проектов, связанных в первую очередь с решением преимущественно экономических проблем, таких как проблема занятости населения, предпринимательская деятельность, цифровизация экономики и экспортная деятельности, а вот наука, демография и культура их наоборот интересует меньше остальных. Можно предположить, что это обусловлено тем, что в состав этой группы чаще входят жители регионов с низким уровнем материальной обеспеченности. Поэтому их больше, чем в других профилях интересует, как будут решаться данные вопросы.

Общественная активность регионально и федерально ориентированных групп граждан показала в целом одинаковые значения, которые оказались близки к средним. В каких-то проектах большую активность проявляют регионально ориентированные (например, экология), в других, наоборот федерально ориентированные (например, здоровье и демография). Это позволяет говорить о том, что в целом нет принципиальной зависимости степени поддержки конкретного национального проекта от симпатии к тому или иному уровню власти, поскольку в реализации национальных проектов принимает участие вся властно-управленческая вертикаль, сверху донизу.

Выявленная готовность к активной поддержке в свою очередь требует выбора наиболее приемлемых способов такого участия населения и взаимодействия с органами власти и по обсуждению реализации национальных проектов.

Таблица 8 - Способы взаимодействия населения с органами власти, %

	всего	Группы отношений к деятельности ВУВ				
		ядро	федералы	противники	регионалы	сторонники
изучение общественного мнения	39	38	41	35	37	47
подключение к обсуждению общественных организаций и заинтересованных групп	29	25	30	27	31	31
посредством информирования населения	30	30	30	27	33	34
не требуется специального вовлечения, население само проявит инициативу	7	6	8	6	8	6
затрудняюсь ответить	28	33	26	35	26	20

В целом респонденты, оценивая приемлемые способы коммуникации с властью в рамках реализации национальных проектов, предлагали задействовать различные формы и способы такого взаимодействия (табл. 8). Однако чаще других они предпочитали изучение общественного мнения (39%). Такие формы как информирование о ходе реализации национальных проектов и привлечение к обсуждению инициативных групп граждан и общественных организаций показывают примерно равные проценты (30% и 29% соответственно). При организации общественной поддержки национальных проектов подавляющее большинство респондентов ждут активных действий со стороны органов власти, надеясь на то, что она возьмет ее организацию в свои руки. Именно поэтому реже всего респонденты намерены проявить самостоятельную инициативу (7%), сами они не готовы организовывать такого рода мероприятия.

Наиболее активно настроены на взаимодействие по обсуждению национальных проектов сторонники, по всем предложенным формам коммуникации у них выявлена наибольшая доля положительных ответов: изучение общественного мнения - 47%, совместное участие в обсуждении - 31%, информирование - 34%. Так же весьма активную позицию занимают регионально ориентированные, по своим показателям они уступают только сторонникам. Единственный важный момент касается такой формы как изучение общественного мнения. Выбор в пользу данного способа они делали реже, чем в других профилях (37%). По-видимому, такая форма коммуникации их устраивает меньше всего.

Несколько другая картина с выбором конкретных способов взаимодействия с властью сложилась внутри профиля противников. Они не особенно приветствуют изучение общественного мнения (35%) и информирование (27%). Скорее всего, это связано с тем, что они не верят таким способам коммуникации, боясь манипуляций с данными и некорректной интерпретацией распространяемой информации. Так же в этом профиле чаще других затруднились с выбором конкретный способ такого взаимодействия (35%).

Не сильно стремятся к взаимодействию с властью и представители профиля «ядро», однако в отличие от противников их меньше всего интересует непосредственное участие в обсуждении национальных проектов, их вполне устраивает изучение общественного мнения и информирование. Наиболее приближенными к средним значениям оказалась группа федерально ориентированных, соотношение выбранных ими форм коммуникации практически повторяют общие показатели.

Степень поддержки национальных проектов, а также выбор конкретных способов и форм взаимодействия с органами власти позволяют оценить уровень и способы проявления субъектности населения. Однако серьезную проверку устойчивости субъектности дает показатель степени готовности населения в отстаивании своих интересов. Национальные проекты, как показали результаты исследования, действительно тесно связаны с реализацией жизненных стратегий жителей регионов, и они очень надеяться на их успешную реализацию.

Поэтому важно оценить характер общественных действий в ситуации, когда органы власти не смогут или не захотят выполнять национальные проекты в полном объеме.

Полученные данные, показанные в Таблице 9, демонстрируют неоднозначные результаты. В целом респонденты показали достаточно высокий уровень готовности отстаивать свои интересы в ситуации, если национальные проекты будут тормозиться или вообще прекратят свое существование. Так 36% опрошенных респондентов готовы к определенным формам реагирования в случае возникновения такой ситуации. С другой стороны примерно такая же доля респондентов не планируют никакой деятельности и не собираются что-то предпринимать в этом отношении (39%). Остальные респонденты не определились с ответом на данный вопрос (26%).

Таблица 9 - Готовность отстаивать выполнение национальных проектов, %

Способы реагирования на прекращение реализации национальных проектов	всего	Группы отношений к деятельности ВУВ				
		ядро	Федералы	противники	регионалы	сторонники
ничего не стал бы делать	39	43	38	39	34	39
постарался бы лично обратить на это внимание	11	9	12	9	14	13
нашел бы единомышленников	10	7	10	12	10	11
вмешался только, если это затронет меня лично	15	12	16	15	16	13
затрудняюсь ответить	26	29	24	25	26	24

Наибольшую готовность к такой активности проявили представители из группы регионально ориентированных (40%). Именно здесь зафиксирован самый высокий процент готовности к действиям по предотвращению возможного прекращения в регионах реализации национальных проектов. Самый низкий уровень такой готовности оказался среди представителей профиля «ядро» (28%), они чаще других не планируют ничего предпринимать, не собираются проявлять никакой активности. Остальные профили заняли промежуточную позицию и в целом отражают среднее значение.

Если рассматривать выбор конкретных способов реагирования по отстаиванию своих интересов, то регионально ориентированные чаще выбирали индивидуальную деятельность: они будут стараться лично обратить внимание властей на сложившуюся ситуацию, связанную с прекращением выполнения национальных проектов (14%). Противники же были более склонны к поиску единомышленников и общественной самоорганизации для предъявления коллективного протеста (12%). Федерально ориентированные чаще планируют реагировать на такое положение дел только в случае, если это коснется их лично, непосредственно затронет их интересы (16%). Среди сторонников не было выявлено явного доминирования в выборе того или иного способа реагирования.

Таким образом, национальные проекты в глазах населения получают весьма высокую поддержку и хотя такая поддержка дифференцирована и зависит от сферы социально-экономической деятельности, в рамках которой осуществляется тот или иной проект, однако их реализация тесно связана с решением актуальных, жизненно необходимых стратегических задач. Это обуславливает их высокую готовность к участию. При этом не имеет принципиального значения форма или способы такого участия. Однако осознавая, что национальные проекты это все же инициатива власти, население в первую очередь ожидает, что власть сама успешно справиться с их осуществлением, и не намерено проявлять личную инициативу. Хотя в ситуации прекращения их реализации жители регионов готовы реагировать определенным образом, требуя выполнения поставленных целей и задач в полном объеме.

Заключение. В целом как показали результаты исследования, население обладает определенным потенциалом субъектности. При этом такая субъектность выражается как в гражданской позиции (участие в выборах, обращения в органы власти), так проявляется и через

собственную личную активность (участие в работе общественных организаций и деятельности инициативных групп). Сложилась весьма неоднозначная ситуация относительно установок в отношении готовности к взаимодействию с органами власти с целью обсуждения социально значимых и актуальных вопросов. С одной стороны, зафиксирована определенная готовность к такому взаимодействию, а с другой, характер такой готовности настораживает, поскольку в общественном сознании превалирует конфронтационная стратегия поведения, нацеленная на продавливание собственной позиции, готовность к поиску компромисса присутствует, но она выражена в значительно меньшей степени.

Данное предположение находит свое подтверждение в рамках оценки сформировавшейся общественной поддержки в отношении реализации национальных проектов. Зафиксированная в исследовании готовность населения к включению в мероприятия по поддержке конкретного национального проекта обусловлена, в первую очередь, степенью актуализации в общественном сознании проблемы, на решение которой ориентирован данный национальный проект – чем выше такая актуализация, тем выше готовность к участию. Не смотря на такую готовность, само население ждет первого шага в этом направлении от властей, а самостоятельно проявлять инициативу оно не намерено. При этом жителей регионов вполне устраивает традиционные формы общественного участия (изучение общественного мнения, информирование, подключение к обсуждению инициативных групп). Необходимо понимать, что значимость реализации национальных проектов для населения весьма высока, проекты отражают интересы значительной части населения регионов, их приостановка или даже прекращения будет ассоциироваться в общественном сознании с нарушением их гражданских прав и коренных интересов. В случае прекращения реализации национальных проектов значительная часть готова отреагировать и обратиться к властям с требованием завершения утвержденных планов и программ.

Рассмотренные показатели проявления субъектности можно обнаружить в каждом из выделенных профилей. Однако они различаются как по уровню, так и способам своего проявления.

Так наибольшим потенциалом субъектности обладают представители профиля «сторонники». Внутри данной группы отмечается высокий уровень электоральной активности, опыт участия в общественной работе и интерес к деятельности инициативных групп. Положительное отношение к органам власти, доверие к ней, обусловила высокую готовность к включению в деятельность по разработке программы по совершенствованию системы управления. Осложнить продуктивное сотрудничество может превалирование конфронтационной стратегии поведения, ориентированной на «продавливание» собственных интересов. Здесь также зафиксирована самая высокая готовность в поддержке реализации национальных проектов. При этом их вполне устраивают дистанционные формы такой поддержки (изучение общественного мнения и информирование). Непосредственное участие их интересует меньше, а отстаивание интересов в случае прекращения реализации национальных проектов находится на среднем уровне.

Так же весомый потенциал субъектности продемонстрировал профиль регионально ориентированных. Внутри данного профиля зафиксирован самый высокий уровень социальной активности: опыт обращения к другим субъектам регионального развития, а также участие в общественной работе и деятельности инициативных групп. Электоральная активность находится в пределах средних значений. Их готовность к участию также является одной из самых высоких. Однако в отличие от профиля сторонники здесь зафиксирована большая настроенность на конструктивное взаимодействие и поиск компромиссного решения. Что касается поддержки национальных проектов, то в этой группе оказалась самая высокая готовность по общественному реагированию в случае приостановки их реализации. Выбор коммуникационных форм и способов больше сконцентрирован на непосредственном контактировании с органами власти с учетом организации эффективной системы информирования.

Отдельного внимания заслуживает профиль противников. Негативная оценка деятельности властей обусловила то, что представители данного профиля меньше всего участ-

вуют в выборах. Это проявление их гражданской позиции. Кроме того, данный профиль характеризуется низкой общественной активностью - они не имеют опыта и не желают участвовать в общественной работе и их не интересует деятельность инициативных групп. Они готовы принимать участие в совершенствовании системы управления, но ориентированы в первую очередь на конфронтационное взаимодействие с целью предъявления своих требований. Однако ситуация начинает меняться, когда речь заходит о готовности участвовать в поддержке национальных проектов. Представители данного профиля проявили достаточно высокую готовность, но она оказалась избирательной и касается отдельных национальных проектов, имеющих высокую экономическую ценность. Из всех предлагаемых форм и способов коммуникации они особо приветствуют непосредственное участие и совместное обсуждение с властью актуальных проблем. Возможно, это связано с тем, что ни результатам исследований общественного мнения, ни информированию они просто не доверяют. И хотя в целом готовность к отстаиванию интересов находится на среднем уровне, но они чаще других ориентированы на организацию коллективного протеста.

Теперь остановимся на профиле федерально ориентированных. Данный профиль в целом характеризуется средним уровнем проявления субъектности, сравнимый с общими значениями. Это касается обращений в органы власти, электорального поведения, участия в общественной деятельности и деятельности инициативных групп. Их интерес к участию в разработке программы по совершенствовании системы управления также находится в пределах средних значений. Общественная поддержка национальных проектов ничем не выделяется на фоне остальных профилей, также как и выбор наиболее приемлемых форм коммуникации с органами власти. Что касается проявления субъектности на фоне прекращения реализации национальных проектов, то они чаще всего готовы к такому реагированию, только в ситуации, если национальный проект непосредственно затрагивает их интересы.

Наименьший потенциал проявления субъектности зафиксирован среди представителей профиля «ядро». Внутри профиля обнаружен самый низкий уровень социальной активности: они реже других обладают опытом обращения к другим субъектам регионального развития, меньше всего заинтересованы в общественной работе и деятельности инициативных групп. Имеют средний уровень электоральной активности, который, скорее всего, связан не с проявлением своей гражданской позиции, а с выполнением определенных «рутинных» действий. Они чаще отказывались от предложения принять участие в разработке программы по совершенствованию системы управления и многие не смогли определиться с выбором стратегии поведения в рамках такого взаимодействия. Они меньше всех готовы к поддержке любых национальных проектов, при этом их вполне устраивает организации налаженной системы информирования о реализации национальных проектов, а вот непосредственное участие в обсуждении им не интересно. Они реже других готовы к отстаиванию своих интересов.

В заключении хотелось бы отметить, что разделение на социальные профили по критерию отношения населения к деятельности властно-управленческой вертикали уже непосредственно представляют собой особенности характера проявления субъектности населения. Результаты нашего исследования подтверждают данный тезис, поскольку выявленный характер отношений, будь то одобрение или критика, доверие отдельным уровням власти или, наоборот, их неприятие, обуславливают выбор действий, стратегии поведения, особенности социальной активности. Это необходимо обязательным образом учитывать при реализации любых социально значимых решений и не только касающихся реализации национальных проектов. Выявление и анализ особенностей проявления населением субъектности, определение возможных сценариев его поведения ведет нас к способности дать оценку степени управляемости социальными процессами, циркулирующими в рамках взаимодействия в системе власть-население.

Список литературы

1. Бурдье П. Социология социального пространства / Пер. с франц.; отв. ред. перевода

Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. — 288 с.

2. Дорган А.А. Развитие идей о способности субъекта к самостоятельному выбору и современная дискуссия о социальной субъектности // Знание. Понимание. Умение. Серия: Философия и современность. 2019. №2. С.82-94.

3. Мерзляков А. А. Проблема субъектности в социологии управления // Социологическая наука и социальная практика. 2018. № 4. С. 95-104.

4. Радченко Е.В., Ранг К.А. Понимание субъектности в философии и языкознании // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2012. № 2. С. 74-78.

5. Россия: реформирование властно-управленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регионов [монография] / [А. В. Тихонов и др.]; отв. ред. А. В. Тихонов. — Москва : ФНИСЦ РАН, 2017. — 432 с.

6. Старикова М.М. Социологический дискурс субъектных свойств личности (на примере западных социологических концепций) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2009. № 4 (16). С. 124–131.

7. Тихонов А.В., Богданов В.С., Мерзляков А.А. Опыт дистанционного анализа реализации кластерной политики в региональном и отраслевом аспектах // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2014. № 4(20). С. 52–65.

8. Тихонов А.А., Мерзляков А.А. Почестнев А.А. Феномен латентного групообразования в регионах с различным уровнем социокультурной модернизации // Социологические исследования. 2021. №10. С.129-136.

Сведения об авторах

Мерзляков Андрей Александрович, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии - обособленного подразделения Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук. merzliakov@mail.ru

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00345.

UDK 316.354:351/354

THE OBJECTIVITY POTENTIAL ASSESSMENT IN GROUPS WITH DIFFERENT ATTITUDES TO THE GOVERNMENT AND MANAGEMENT ACTIVITIES

Merzlykov A.A.

Institute of Sociology Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moskow

Abstract. The article raises the question of the possibility of sociological assessment of the potential of subjectivity of the population. On the basis of the identified social profiles that differentiate attitudes towards the activities of the authorities and administration, the author analyzes the features of the manifestation of the subjectivity of the population. To assess subjectivity, a number of indicators were identified. These are the experience of social activity accumulated by the population, as well as the formed attitudes towards interaction with the authorities to discuss topical issues. Special attention is paid to the possibility of manifestation of subjectivity in relation to the implementation of twelve national projects approved by the May Decree of the President of the Russian Federation. It is noted that the formed attitude towards the power-management vertical predetermines the peculiarities of the manifestation of subjectivity by the population. So, depending on the respondent's belonging to a certain social profile, both the level and the ways in which he manifests his subjectivity change.

Key words: subjectivity of the population, management of social group formation, national projects, attitude to the work of the power-management vertical.

References

1. Bourdieu P. *Sociologiya social'nogo prostranstva* [Sociology of social space] / Transl. from French; ed. translation by N.A. Shmatko. Moscow, Institute of Experimental Sociology. SPb., Aleteya, 2007. 288 p.

2. Dorgan A.A. Development of ideas about the subject's ability to make independent choice and modern discussion about social subjectivity [Razvitie idej o sposobnosti sub"ekta k samostoyatel'nomu vyboru i sovremennaya diskussiya o social'noj sub"ektnosti]. *Knowledge. Understanding. Skill. Series: Philosophy and Modernity*, 2019, No.2, pp.82-94.

3. Merzlyakov A.A. The problem of subjectivity in the sociology of management [Problema sub"ektnosti v sociologii upravleniya]. *Sociological science and social practice*, 2018, No.4, pp. 95-104.

4. Radchenko E.V., Rank K.A. Understanding subjectivity in philosophy and linguistics [Ponimanie sub"ektnosti v filosofii i yazykoznanii]. *Bulletin of the South Ural State University*, 2012, No.2, pp. 74-78.

5. Russia: reforming the power-management vertical in the context of the problems of socio-cultural modernization of regions [*Rossiya: reformirovanie vlastno-upravlencheskoj vertikali v kontekste problem sociokul'turnoj modernizacii regionov*]. [A. V. Tikhonov and others]; otv. ed. A. V. Tikhonov. Moscow, FNISTs RAN, 2017. 432 p.

6. Starikova M.M. Sociological discourse of subjective personality traits (on the example of Western sociological concepts) [Sociologicheskij diskurs sub"ektnyh svojstv lichnosti (na primere zapadnyh sociologicheskih koncepcij)]. *Bulletin of Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky. Series Social Sciences*, 2009, No.4(16), pp. 124-131.

7. Tikhonov A.V., Bogdanov V.S., Merzlyakov A.A. Experience of remote analysis of the implementation of cluster policy in the regional and sectoral aspects [Opyt distancionnogo analiza realizacii klasternoj politiki v regional'nom i otraslevom aspektah]. MIR (Modernization. Innovation. Development), 2014, No.4(20), pp. 52–65.

8. Tikhonov A.A., Merzlyakov A.A. Pochestnev A.A. The phenomenon of latent group formation in regions with different levels of socio-cultural modernization [Fenomen latentnogo grupoobrazovaniya v regionah s razlichnym urovnem sociokul'turnoj modernizacii]. *Sociological studies*, 2021, No.10, pp. 129-136.

Author`s information

Merzlykov Andrey Alexandrovich, Ph.D., Leading Researcher Institute of Sociology - Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. e-mail: merzliakov@mail.ru

This article was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation, project No. 19-18-00345.

УДК 323.3-055.2

К ВОПРОСУ ГЕНДЕРНОЙ СЕГРЕГАЦИИ, В КОНТЕКСТЕ РАЗДЕЛЕНИЯ ТРУДОВЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ РОЛЕЙ (СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ)

Середнев В.А.

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Арзамас

В статье автором анализируется сущность гендера, как социальной концепции, относительно биологических и социально сконструированных различий между мужчиной и женщиной. Сущность гендера, как концепции заключается в том, что с точки зрения социологии мужчиной или женщиной не рождаются, а становятся в ходе социализации. На данный феномен указывают, например, имеющие место в обществе социальные явления как ЛГБТ или гей-парады. Уделено внимание «мужским» и «женским» профессиям в контексте гендерной проблематики. В заключении, автор выводит свое определение, понятия гендера.

Ключевые слова: гендер, женщина, мужчина, мускулинность, пол, профессия, труд, фемининность

Следует отметить, что половозрастной характер имел место в разделение труда со времен исторического зарождения человечества, что предопределяло собой половую хозяйственную специализацию еще в догосударственную эпоху [21]. В нашем случае речь будет идти о гендере, который социологи рассматривают в большинстве своем, как различия между женщиной и мужчиной не в физическом или анатомическом смысле, а как способность общества формировать женские или мужские признаки в человеке [14, с.665]. То есть с точки зрения социологии, именно в концепции «гендера», женщиной или мужчиной не рождаются, а становятся, на что указывают и в том числе, имеющие место в обществе социальные явления как ЛГБТ или гей-парады. То есть принято считать, что «гендер» это не врожденное анатомическое свойство человека, а приобретенное им в процессе, как пубертатной инициации, так и социализации в обществе. Поскольку гендерная идентичность, представляет собой осознание субъекта, как представителя определенного пола. Гендерная идентичность связана с понятием *маскулинности* и *фемининности* и служит комплексом маркеров для отнесения себя к определенному полу [8]. В литературе, отмечается, что именно различные психические, соматические, а также поведенческие свойства того или иного человека, являются определяющими представлениями и критериями о маскулинности (мужественности) и фемининности (женственности), для индивидов, как мужчин так и женщин [30, с.176]. Немецкие физиологи Т. Бишоф [40] и анатом Н. Рюдингер [44;45] установили важную разницу между полами, которая влияет на физическую и психическую деятельность женщин и мужчин, – это строение головного мозга. Еще Аристотель, указывал на то, что даже не биологическое основание отделяет мужчину от женщины, а некий онтологический принцип [33, с.396-400]. Аристотель указывал, что женщина и мужчина имеют разную природу и не могут быть равными, при этом писал о женщине, как о слабом и несовершенном создании [4, с.34]. За свою физическую слабость, педантизм, мелочное высокомерие и онтологическое несовершенство, женщина принудит мужчину, расплатиться перед ней за это, и расплата должна будет сначала выражаться в преклонении мужчины перед женщиной и почитании ее, поскольку, видимо никто ненавидит женщин, как сами женщины [22, с.147-155]. Одним из основных отличий при взаимоотношении женщин и мужчин, является некое вкушение первых, а именно: самым выдающимся свойством женщины остается вкус, исключительная принадлежность женщин [17, с.233], как результат отсутствия абстрактного мышления [11, с.248]. Мы естественно не оспариваем умственный способности женщин, в контексте того, что у женщин не меньше ума, чем у мужчин, но поскольку, чувство вкуса это свойство, присуще по определению женщине, то ее ум прекрасен, но не глубок, как у мужчины. В этой связи мы солидарны с мнением, философа, А.Г. Спиркин, который указывал, что полезные для нас предметы, мы называем хорошими, так как от них получаем практическую пользу. Когда же человек получает от предмета удовольствие в процессе лишь одного его созерцания, что связано непре-

менно со вкусом. Соответственно, называет данные предметы прекрасными, в силу того, что они по определению, лишены практической ценности (предметы искусства, например картины) [29, с.696]. Поэтому, даже если указывать на то, что ценность, это всегда субъективно-объективная реальность, то для женщины эта реальность лишена моральной оценки [24, с.18-23] и любой поступок в профессиональной сфере совершается легко, без напряжения, а это связано с половой женской честью. С этим связано и из этого следует, что « …в женской жизни половые отношения играют главную роль… Для мужчины "это есть лишь пятно меньшего бесчестья": ибо у мужчины половая жизнь играет второстепенную роль, – у него есть еще много других и более важных занятий» [38, с.384]. Кроме того, немецкий социолог Г. Зиммель рассматривая различие в половой жизни мужчины и женщины, указывая при этом, что «половая жизнь мужчины переживается им только во время сексуального акта и, таким образом, существует для него только в его отношении к женщине. Половая жизнь женщины не может быть так просто отделена от ее остальной жизни… беременность, роды, кормление» [16, с.500]. Соответственно, мужские поступки, основанные на половой чести есть действия выполняемые из чувства долга и всегда требуют усилий и преодоления трудностей. Такие поступки совершаются согласно универсальному принципу «категорическому императиву», который основан на наличии воли человека, независимо от объекта желания. В патриархальном обществе (форма социальной организации, более рациональна на наш взгляд), где основываясь на анатомо-физиологических особенностях женского организма, женщине отведена роль матери и жены (супруги). Мужчине отведена роль носителя власти и морального авторитета и соответственно вершителя судеб, лидера в социальной и политической жизни общества.

Заметим, ряд авторов, ранее отмечали в своих работах разницу в уровне интеллекта мужчины и женщины. «… женщины в основной своей массе имеют средний уровень интеллекта, тогда как у мужчин средней интеллект встречается реже, зато чаще наблюдаются явления одаренности и умственной отсталости…» [41]. Данная точка зрения и в настоящее время поддерживается некоторыми учеными в области исследования гендера [5;42]. Говоря о деятельности разума, связанного на прямую с абстрактным мышлением, следует указать, что оно присуще более мужчине. Поэтому к серьезным противоречиям во взаимопонимании, между мужчиной и женщиной приводит то, что женщины не опираются на интуитивную логику [18].

Но как бы то не было и какие взаимоотношения между мужчиной и женщиной складывались в процессе жизнедеятельности, нужно помнить о великой миссии женщин на Земле, делая прежде всего акцент на то, что она, – мать, жена, хранительница не только домашнего очага, но и способна поддерживать огонь жизни на земле в целом. Поэтому если речь и вести о равенстве прав между женщиной и мужчиной, то следует указать, что оно заключается не в автоматическом уравнении их между собой, а в признании особенных прав и преимуществ, которых нет у мужчин [32,с. 73-74].

Отметим род деятельности в котором женщина никогда не трудится, а именно: священнослужитель. С точки зрения религия, женщина не может быть священнослужителем, исходя из принципа, – «человек, создан по образу и подобию Бога». То есть Иисус Христос не призывал ни одной женщины в число 12 апостолов и это была «воля Божия» [32, с.74]. Указывая на священника, как на род социальной деятельности, приходится говорить о религии, а религия, относится к культуре народа (наряду с такими признаками как язык и совместное проживание), поэтому мужчина в контексте дихотомии, представляется как, – культура, а женщина, как, – природа [12, с.20]. Именно поэтому по верному замечанию Э. Дюркгейма мужчины в отличие от женщин продукт культуры, т.е. общества, а женщина продукт природы, соответственно у мужчины желания, стремления, знания имеют общественное (коллективное) происхождение, у женщин же, то же самое в большей степени определяется ее организмом [15].

Следующая (другая) сфере человеческой деятельности, функцией которой является теоретическая систематизация знаний о действительности, а по сути дела в творческой дея-

тельности, которой является *наука*, женщины особо себя не зарекомендовали. Если кто-то нам пытается возразить, вступая в дискуссию, указывая на таких, например ученых, как С.Ковалевская, или М. Кюри и т.д. То нашим оппонентам не мешало, обратить внимание хотя бы на внешние антропологические данные указанных лиц, даже в этом элементе будет обнаружено много маскулинных признаков, присущих мужскому полу. Необходимо уточнить, что женское познание, в контексте науки, в отличие от мужского представляет собой более субъективное переживание действительности преобразовывая ее в реальность, что естественно имеет при этом эмоциональную окраску. «… мужское мышление характеризуется определенностью и абстрактностью и опирается на понятие объективности… что приводит к попытке выстраивания картины мира, подчиняющейся четким закономерностям» [3, с.31]. Ради науки, нужно (необходимо) жертвовать, многими социальными ценностями: определенной свободой, временем, порой семейными узами, а в науке, кроме того получением упреков и насмешек в обществе (даже в научном сообществе) во время попытки слома парадигм, устоявшихся в обществе. На данные виды «пожертвований» женщины в отличии от мужчин, не всегда готовы и реагируют очень болезненно. Женщины крайне негативно относятся, когда во время, занятий научными опытами в их адрес произносятся (обычно за их спиной) неприятные порой оскорбительные слова, которые есть расплата за попытку слома определенной научной парадигмы. Не приходится отрицать, что женщины все таки болтливее чем мужчины, более того коварнее и завистливее, а зависть у них часто, в отличие от мужчин переходит в ненависть. Женщины обидчивее мужчин, а это следствие того, что они более склонны к конформизму, чем к нонконформизму, дабы не быть осужденным, тем же научным сообществом, не говоря уж об «обществе обывателей». [13, с.207]. Мужчины, решившие посвятить себя науке, меньше обращают внимание или вообще не обращают (хотя встречаются, причиной тому на наш взгляд,– наличие определенной фиминности) на такие «комплементы».

Следует заменить, что люди левых идеологий [35, с.299; 6, с.299], с социалистическими [36, с.399] и коммунистическими [20, с.42-43] идеями, отрицающими религию, а соответственно природу человека, были за эмансипацию женщин, видя в ней (эмансипации) путь социального освобождения женщин, как они считали от эксплуатации. Западник по мировоззрению, с либеральными идеями, Н.Г. Чернышевский, основываясь на идеи французского утопического социализма и философии «здравого эгоизма» Л. Фейербаха, считал, что разделение людей по половым признакам, является проклятием человечества и ведет к несправедливости в регулировании общественных отношений. Он был убежден, что именно доминирование (физическое, интеллектуальное) мужчины над женщиной есть фундаментальная предпосылка исторической несправедливости, источник всех остальных форм угнетения, эксплуатации и подавления человека, человеком [12,, с.20]. Белинский же писал о мнимом превосходстве мужчин, которого не существует [7, с. 71]. Русский либерал Л.Н. Толстой рассматривал пол человека, как несовершенство человечества в целом, а цель человеческой жизни видел в преодолении пола [31, с. 129]. В русской философии в отличие от западной мысли своя оценка и дифференциация мужского (мускулинного) и женского (феминистского), а именно, как духовно-религиозный принцип. На Западе же как гносеологический и онтологический принцип. Один их крупнейших либеральных философов России, – В.С. Соловьев, которого принято считать певцом женственности (мы скептически относимся к его психическому здоровью) называет половую любовь высшей и абсолютной ценностью человеческого бытия. «Только такая любовь может создать истинного человека… не может быть только мужчиной или женщиной, а должен быть высшем единством обоих» [27, с.513]. В русской либеральной философии расставлены иные культурно-символические акценты, где традиции ассоциируются через любовь к женщине, которая есть божество и духовность, в европейской традиции, это всегда мужское начало [12, с.30].

В целом, либеральный Запад используя свою религию «прав и свобод человека», где выступает за свободу, «не для», а «от» [25, с.70-73], в том числе за отмену «пола», как «пережитка прошлого». Необходимо заметить, что культурное наследие России в корне отлича-

ется от западной цивилизации, по причине исторических культурных матриц. России, получила культурное наследие, как бывшая часть кочевой империи, а Запад (Европа), как культурное наследие Римской империи. Отсюда у России и Европы совершенно разные системы ценностей. Несмотря на это, сегодняшняя Европа, да и раньше, очень агрессивна в вопросе навязывания своих культурных ценностей. не только России. но и другим государствам и странам, что у нее успешно получается. Примером тому является тот факт, что «вторая половина XX века исследователями характеризуется как “женская революция”. На западе и в США были закреплены права женщин… Растет число женщин, занятых в сфере управления. В ряде стран женщина стала политической силой, с которой приходится считаться…» [32, с.95], соответственно либеральные ценности побеждают. Но как бы там не было в мире существуют противоположности: сладкий и горький, свой и чужой, добро и зло, мужчина и женщина и т.д. У нас нет сомнений в том, что существует специфическая, значительная разница в правах и обязанностях мужчин и женщин в контексте их социальных ролей. Разницу социальных ролей, необходимо рассматривать, через сам социальный пол, которым является, – гендер. В соответствии со своим биологическим полом, будь то мужчина или женщина, они должны соблюдать определенные правила поведения, присущи биологическому полу. Данные образцы поведения, ожидание обществом определенного поведения, есть не что иное, как - гендерная роль. Говоря о социальных стереотипах мужчин и женщин следует отметить, что в исследованиях ряда авторов рассматривают мужчин как доминантный тип личности, поэтому более агрессивный и в то же время предприимчивый, который может скрывать свои эмоции и принимать важные решения в ответственный момент. Типичная женщина же рассматривается как спокойная, имеющая такт в общении, нежная, понимающая чувства других людей, очень разговорчивая, отдающая много внимания своей внешности, очень религиозная и требующая своей защиты [1;2;23;43]. Обращаясь к традиционным ценностям и стереотипам, которые наполняют роль «идеальный мужчина», то следует указать, что ему присуще такие черты, как: физическую силу, отвага, твердый характер, ответственность за принятые решения, а так же способность обеспечивать жену, потомство и защищать их [3, с.48].

Отметим, что в обществе существуют стереотипы, на основе которых, формируются и существуют, «женские» и «мужские» профессии. Разумеется, что например мужчина, – водитель или хирург, всегда воспринимается как более профессиональный и опытный, чем женщина [3, с.49]. *Когда говорят о том, что в труде женщин и мужчин не должно быть отличия тот глубоко заблуждается, тот кто подгоняет идею всеобщего равенства между полами, тот не видит и не понимает сущности и предназначения как мужчины, так и женщины*. Если обратиться к истории, то стоит вспомнить, что в СССР, где исходили из идеи равенства, рабочих одевали в такую одежду, которая должна была подчеркнуть отсутствие разницы в трудовой деятельности между мужчиной и женщиной, в контексте их половой принадлежности. Соответственно произошла путница в половых ролях, что приводило к специфическим конфликтам и столкновениям связанных с природой заложенных половых ролей [3, с.49]. Женщина крутящая «баранку» автомобиля или в робе со сварочным аппаратом или кувалдой, вряд ли может вызвать половые чувства. Думается, что в настоящее время имеется такое явление как «деформация пола» и соответственно, представление о нем и наполнение его специфическими гендерными ролями. Женщина-мать, сегодня, это для современной молодежи, где-то далеко, на втором плане. Тип современной женщины, это женщина-руководитель, уверенная в себе и преданная своему делу. Понятно, что о традиционных ценностях, а именно о материнстве, как таковом, в этом случае вести речь вряд ли уместно. Всегда на протяжении истории, «лидерство» как понятие и лидерские качества ассоциировались с мужской частью общества (населения). Содержание понятие «лидер», претерпело изменение, с появлением женщин лидеров. В женщине лидере видится отсутствие здоровой женственности, с присутствием у женщин «гиперматериского комплекса», в виде защитной функции психики, которая вытесняет мужское и женское начало в личности женщины. Такие же качества, по мнению Т.Б. Василец, как стремление к контролю, властность, напористость,

инициативность, следует считать псевдомужскими [10], т.е. характерными для мужского пола, но не присущие ему всегда, так же как и женскому.

Либеральная идеология в противостоянии с традиционными воззрениями, искажает достоинство традиционной культуры общества, путем представления гендерных антиобразов. Например, женщина-мать, изображается как дурнушка, потерявшая красоту из-за рождения детей, которые являются обузой, а женщина – хозяйка на кухне в семье, как тупая курица, которую должен бросить муж. Женщина – девственница, как дурнушка и некрасивая от природы, поэтому она неудачница, которой сексуальность не дана природой и т.д. [3, с.51]. Другими словами, либеральная идеология нас подталкивает к тому, чтобы природные достоинства пола принимать за недостатки, тем самым пытаясь навязать отрицание дифференциации полов и уничтожив при этом групповую идентичность. Существование огромного количества различий, как в психологии, так и психофизиологии женщин и мужчин (восприятие, память, мышление, темперамент в целом, способность к анализу и синтезу информации) которые в своих комбинациях формируют не только комплекс традиционных "женских" и "мужских" характеров, но и должны проявляться в деятельности «мужских» или «женских» профессий.

Все замечали, что для женщин (без примеси мускулинных признаков) основными признаками характера являются пассивность, отсутствие стремлений к достижениям (мысли о сексе, превалируют, не до достижений, скорее всего качественный секс рассматривается как достижение); пассивность, конформность, зависимость (не до отстаивание своей точки зрения, дома ждут дети, муж и домашние хлопоты); высокая эмоциональность и отсутствие логики[34] (например, если женщина чем то раздражена или обижена, она не пытается объяснить свое поведение, а просто извергает из себя негативные эмоции). Мужчины более логичны во лжи и рассудительны, женщины же, как правило, настаивают на том, что говорят правду, практически не приводя доводов [26, с. 196].

Ведя речь о таких видах деятельности, как правотворчество и правосудие, следует заметить, что конформность (конформизм), не совсем подходящее характеристика личности для служения правосудию, поскольку конформизм предполагает, во-первых, некую податливость при давлении из вне и возможно принятия позиции большинства, поскольку мнение окружающих очень важно для человека обладающего конформностью. Во-вторых, конформная личность, перестает быть самим собой, она не способна на «слом парадигмы» существующей в обществе, а соответственно, никогда не будет способна принять важное решение при экстремальной ситуации, когда встает вопрос о судьбе человека, поскольку является пассивной, при принятии и рассмотрении существующего порядка вещей. В правотворчестве так же, сталкиваемся с вышеуказанной проблемой.

На наш взгляд, равенство необходимо принимать ни как тождество индивидов, а как пропорциональность социальных благ, в контексте заслуг индивидов [28, с. 253]. Более того, говоря о вышеуказанном следует отметить, что равенство, как любое явление на земле, имеет свою «пару», а именно: существует в единстве с неравенством. Именно противоположность,– «плюс» и «минус» обеспечивают движение, не только согласно второму закону термодинамики, где равенство обозначает мгновенную смерть, но и в социальной жизни (электрическое напряжение в электросети существует, потому что там имеет фаза «плюс» и «минус»; река течет, потому что один берег ниже другой выше, и т.д.). Существуют противоположности, которые несут, сами по себе, одна положительный заряд, а другая отрицательный, но при этом, все же обеспечивают общий результат. Тем более, ведя речь о справедливости или ее отсутствии, нельзя указывать на то, что равенство несет справедливость, а неравенство есть источник конфликтов и несправедливости. Может быть совсем наоборот, так как, по нашему убеждению, справедливость не может зависеть от какого то формального равенства (принцип формального равенства, закреплен в ч.3 ст. 17 Конституции РФ и определяет границы осуществление человеком своей свободы). Соответственно выравнивание стартовых возможностей между людьми, в том числе, женщинами и мужчинами, не может привести к истинному равенству, об этом пишут, во-первых, все мировые религии, а, во-вторых, извест-

ные философы прошлого и современности [39, с.453; 13, с. 215].

Особо подчеркнем, для того, чтобы даже юридически, а тем более фактически уровнять трудовые статусы женщин и мужчин, необходимо учитывать ряд (множество) факторов, которые могут носить необязательно правовой характер. Например, с самой природой и традиционными воззрения на нее, связано распределением обязанностей в семье между мужем (мужчиной) и женой (женщиной), которые не регулируются позитивным правом (уборка, приготовление пищи и т.д.), тем более вопрос связанный с репродуктивными функциями, не подлежит обсуждению (кто должен рожать ребенка, женщина или мужчина). Такие деления обязанностей между мужчинами и женщинами, нельзя объяснить с точки зрения рационального подхода, как нельзя с той же позиции и объяснить многие явления природы, для попытки объяснения которых в свое время была придумана религия и миф, как первый источник знания. Но мы убеждены, что никто из здравомыслящих людей не ставит под сомнения психологические различия между женщиной и мужчиной, а тем более анатомические и репродуктивные. В этой связи в научной литературе указывается, что «по результатам научных исследований можно отметить, например, что в среднем у мужчин лучше пространственное мышление, они …сильнее физически, более деловые и склонные к риску, конкурентоспособнее. Они лучше формируют новые идеи и воспринимают все новое, лучше предвидят события, общительнее, клоны к логическому анализу и в целом более талантливы…» [13, 207].

В настоящее время, рассматривая наше существование в социуме, более уместно, если кому-то это угодно, но явно не мужчинам, вести речь о "гендерном неравестве", как в отношении мужчин, т.е неком их ущемлении правах, по сравнению с женщинами. Например, ст.59 Конституции РФ, где идет речь о долге и обязанности защиты гражданином своего Отечества [46]. Хотя пол в норме не указан, обязательному призыву на военную службу подлежат только лица мужского пола. Среди женщин. служащих по контракту, основную массу представляют жены офицеров и прапорщиков, соответственно выбор у них как правило небольшой. Более того, в странах, где женщины служат в армии по призыву (Израиль), им запрещено участвовать в боевых действиях, либо на передовой фронта [13, с.212]. Поэтому легко напрашивается сам собой вывод, что вся эмансипация не имеет под собой желания со стороны женщин получить одинакового положения с мужчинами, а лишь имеется скорее всего желание женщины, внутренне сравняться с мужниной. То есть, сделать то, что получить невозможно оставаясь женщиной, а именно: достичь нравственную и духовную свободу, творческую силу и интересы по генотипу мужчины [11, с.82].

Кстати, с точки зрения позитивного права России, имеется существенная дифференциация в контексте уголовной ответственности и наказания женщин и это не только связано с наличием определенных условий, физиологических или психологических, но и с неким гуманным отношением к женщине в обществе вообще [19, с.87] (применении отсрочки исполнения наказания, согласно ст.82 Уголовного кодекса Российской Федерации) для беременной женщины и женщины, имеющей ребенка. Кстати, законом № 16- ФЗ от 21.02.2010 г. эта возможность распространена и на мужчину, имеющего ребенка).

В уголовно-процессуальном законодательстве, мы встречаемся с абсолютной гендерной симметрией, где определенные нормы регулируют процессуальные отношения противоположных полов. Например, ч.4 ст. 179, ч. 3 ст. 184, ч.2 ст. 290 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, предписывают участие лиц одного пола или врача при освидетельствовании лица, личном обыске и др. Про другие отрасли права, можно сказать, что они все таки – гендерно нейтральны.

Кстати в области правоприменения уголовного закона, гендер в большинстве случаев имея «женское лицо». Например, среди судей больше женщин, в связи с чем можно предположить, что споры о месте проживания ребенка решаются в пользу матери не только в силу законодательства и сложившейся правоприменительной практики, но и гендерной женской солидарности, как судейского выбора. Соответственно, по уголовным делам связанных с половой свободой и половой неприкосновенность (изнасилование, насильственные действия сексуального характера), ожидаема «мужская солидарность», где судьи мужчины, срок нака-

зания выносят в большинстве своем меньше, чем женщины.

Итак, мы приходим к выводу, что коммуникативный и деловой стиль мужчин и женщин различаются, так как обладают различными механизмами речевого воздействия, образуя свои речевые сообщества [7, с.48]. Для женщин половая жизнь и семья всегда важнее нравственного императива, а слова долг, закон, при проецировании на себя, просто красивые слова, которым она не придает глубокое моральное значение [11 с.248]. Мы не представляем, как женщина при решении каких либо, например семейных проблем, при общении с мужчинами не только употребляют слова долг, честь, Родина, патриотизм, но и знают их этимологию.

Мы понимаем, что гендер является социологической концепцией, т.е. создается, государством, а не дается биологически и навсегда как анатомический (человеческий) пол. Соответственно, у каждого государства, в зависимости от социальной политики и отношения к политическим идеологиям, имеется свой гендерный уклад и режим, как отражение властных отношений [9, с.101-102].

В связи с вышеизложенным, мы полагаем, что гендер- это искусственно созданная социальная концепция этократического принуждения в системе межличностных отношений, посредством гендерных контрактов, которые создают, утверждают, и воспроизводят представления о правах и обязанностях мужчин и женщин, в соответствии с социальной политикой и государственной идеологией.

Список литературы

1. Агеев В. С. Психология межгрупповых отношений. М.: Изд-во МГУ. 1983. 144 с.

2.Агеев В. С. Психологические и социальные функции полоролевых стереотипов // Во пр. психологии. 1987. № 2. С. 152-158

3. Андроникова О.О. Гендерная дифференциация в психологии: Учеб. пособие. М.: Вузовский учебник: ИНФРА- М, 2014. 262 с.

4. Аристотель. Политика. Т.3. М., 1983. 830 с.

5. Багрунов В.П. Половые различия в видовой и индивидуальной изменчивости психики человека: Автореф. дис. … канд. психол. наук. Л., 1981. 27 с.

6. Бебель А. Женщина и социализм. М., 1959. 180 с.

7. Белинский В. Полное собрание сочинений Т.12.

8. Большой толковый психологический словарь. Т.1. А-О: Пер. с англ. А.Ребер.- М.: АСТ: Вече, 2001. 591 с.

9. Брайсон В. Гендер и политика времени. Феминистская теория и современные дискуссии. Киев, 2011. 247 с.

10. Василец Т.Б. Мужчина женщина тайна сакрального брака. Очерки по инициационной терапии. СПб.: Речь, 2010. 496 с.

11. Вейнингер О. Пол и характер/ Отто Вейнингер; пер. с нем. В.О. Лихтенштадт. М.: Астрель, 2012. 509 с.

12. Гендерология и феминология : Учебное пособие/ Р.Г. Петрова. 6-е изд.- М.: Издательство- торговая корпорация «Дашков и К», 2014. 229 с.

13. Гендер в законе: монография.- Москва: Проспект, 2015. 480 с.

14. Гидденс Э. Социология. М., 1999. 703 с.

15. Дюркгейм Э. Самоубийство. М.: Мысль, 1996. 316 с.

16. Зиммель Г. Созерцание жизни// Избранное. М.: Юрист, 1996. Т.2. 607 с.

17. Кант И. Соч. Т.4. Ч.1. М., 1965. 260 с.

18. Кон И.С. Мальчик отец мужчины. М.: Время, 2009. 704 с.

19. Кругликов Л.Л. Чернышкова Л.Ю. Уравнивающий и распределяющий аспекты справедливости в сфере уголовно-правовой охраны и ответственности женщин. М.: Юрлитинформ, 2013. 210 с.

20. Ленин В.И.. Полн. собр. соч., т. 31. 662 с.

21. Мор Т. Утопия. М. : Наука, 1978. 417 с.

22. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла.. Казус Вагнера. Антихрист. Ессе Homo. Человеческое слишком человеческое. Злая мудрость /Фридрих Ницше. Минск: Харвест, 2012. 879 с.

23.Репнина Т. А. Анализ теорий полоролевой социализации в современной западной психологии // Вопросы психологии. - 1987. № 2. С. 158-165

24. Середнев В.А. Идея дифференциации морально-этических принципов в оперативно-разыскной деятельности // Журнал «Оперативник (сыщик)» общероссийское периодическое вневедомственное научно-практическое издание № 2(47), 2016. С.18-23.

25. Середнев В.А. К вопросу противостояния: идеология «прав человека» против идеологии «прав гражданина» // Философия права, 2017, № 4 (83). С. 70-73.

26. Середнев В.А. К вопросу психологического портрета лиц, оказывающих конфиденциальное содействие субъектам, осуществляющим оперативно-разыскную, разведывательную и контрразведывательную деятельность // Юрист- ПравоведЪ 2018 № 4 (87). С.193-198.

27. Соловьев В.С. Соч.: в 2 т.М., 1988. Т.2. 822 с.

28. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Питирим Сорокин; [Общ. ред., сост. и предисл., А. Ю. Согомонова]. М. : Политиздат, 1992. 542 с.

29. Спиркин А.Г. Философия: учебник / А.Г. Спиркин. 2-е изд. М.:Гардарики, 2010. 736 с.

30. Суковатая В. Гендерный анализ религий и феминистская теология: к постановке проблемы//GROSSVITA. 2011. № 2. С. 176.

31. Толстой Л.Н. Собр. Соч., м., 1985. Т.11. 503 с.

32. Феменология и гендерная политика: Учебник/ Е.М. Зуйкова, Р.И.Ерусланова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Издателско- торговая корпорация «Дашков и К», 2015. 297 с.

33. Философия: Учеб./ Под ред. В.Д. Губина. М.: тон, 1997. 828 с.

34. Фридан Б. Загадка женственности. М.: Прогресс, 1994. 494 с.

35. Фурье Ш. Изб. Соч. Т.1- М., 1951. 428 с.

36. Чернышевский Н.Г. Что делать ? Из рассказов о новых людях. М.: Художественная литература, 1985. 399 с.

37. Шаров К.С. Мужчины и женщины в вербальной коммуниации: проблемы гендерлекта // Вопросы философии. 2012. № 7. С. 48.

38. Шопенгауэр А. Избранные произведения. М.: Просвещение, 1992. 477 с.

39. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. 527 с.

40. Bischoff T. Entwickelungsgeschichte der Säugethiere und des Menschen. 1842.

41. Ellis H. Man and women: a study of human secondary sexual characters. N.-Y., Seribners, 1904.

42. Lynn R. Sex differences in intelligence and brain size: a developmental theory, Intelligence, 27, 1-12. 1999.

43. Mc Kee J. P., Sherriffs A. C. The differential evaluation of males and females // J. of Personality, 1957, № 25.

44. Rüdinger N. Anatomie des peripherischen Nervensystems des menschlichen Körpers, München 1870, 2 T.

45. Rüdinger N. Topographisch-chirurgische Anatomie des Menschen, München, 1870-1878.

Сведения об авторе

Середнев Владимир Анатольевич, преподаватель кафедры истории, обществознания и права Арзамаского филиала ННГУ Национального исследовательского Нижегородского государственного университета. Россия, 607220, Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. К. Маркса, д. 36. Тел.: 89871143098, e-mail: naganov1910@mail.ru

UDK 323.3-055.2

ON THE ISSUE OF GENDER SEGREGATION IN THE CONTEXT OF DIVISION OF LABOR AND SOCIAL ROLE (SOCIO-PHILOSOPHICAL ASPECT)

Serednev V.A.

Arzamasskij filial NNGU im. N.I. Lobachevskogo, Arzamas

In the article, the author analyzes the essence of gender as a social concept in relation to biological and socially constructed differences between a man and a woman. The essence of gender as a concept lies in the fact that, from the point of view of sociology, a man or a woman is not born, but becomes in the course of socialization. This phenomenon is indicated by social phenomena taking place in society such as LGBT or gay pride parades. Attention is paid to “male” and “female” professions in the context of gender issues. In conclusion, the author deduces his definition, the concept of gender.
Keywords: *gender, woman, man, muscularity, gender, profession, labor, femininity*

References

1. Ageev V. S. Psihologiya mezhgruppovyh otnoshenij. M.: Izd-vo MGU. 1983. 144 s.
2.Ageev V. S. Psihologicheskie i social'nye funkcii polorolevyh stereotipov // Vopr. psihologii. 1987. № 2. S. 152-158
3. Andronikova O.O. Gendernaya differenciaciya v psihologii: Ucheb. posobie. M.: Vuzovskij uchebnik: INFRA- M, 2014. 262 s.
4. Aristotel'. Politika. T.3. M., 1983. 830 s.
5. Bagrunov V.P. Polovye razlichiya v vidovoj i individual'noj izmenchivosti psihiki cheloveka: Avtoref. dis. … kand. psihol. nauk. L., 1981. 27 s.
6. Bebel' A. Zhenshchina i socializm. M., 1959. 180 s.
7. Belinskij V. Polnoe sobranie sochinenij T.12.
8. Bol'shoj tolkovyj psihologicheskij slovar'. T.1. A-O: Per. s angl. A.Reber.- M.: AST: Veche, 2001. 591 s.
9. Brajson V. Gender i politika vremeni. Feministskaya teoriya i sovremennye diskussii. Kiev, 2011. 247 s.
10. Vasilec T.B. Muzhchina zhenshchina tajna sakral'nogo braka. Ocherki po iniciacionnoj terapii. SPb.: Rech', 2010. 496 s.
11. Vejninger O. Pol i harakter/ Otto Vejninger; per. s nem. V.O. Lihtenshtadt. M.: Astrel', 2012. 509 s.
12. Genderologiya i feminologiya : Uchebnoe posobie/ R.G. Petrova. 6-e izd.- M.: Izdatel'stvo- torgovaya korporaciya «Dashkov i K», 2014. 229 s.
13. Gender v zakone: monografiya.- Moskva: Prospekt, 2015. 480 s.
14. Giddens E. Sociologiya. M., 1999. 703 s.
15. Dyurkgejm E. Samoubijstvo. M.: Mysl', 1996. 316 s.
16. Zimmel' G. Sozercanie zhizni// Izbrannoe. M.: Yurist, 1996. T.2. 607 s.
17. Kant I. Soch. T.4. Ch.1. M., 1965. 260 s.
18. Kon I.S. Mal'chik otec muzhchiny. M.: Vremya, 2009. 704 s.
19. Kruglikov L.L. Chernyshkova L.Yu. Uravnivayushchij i raspredelyayushchij aspekty spravedlivosti v sfere ugolovno-pravovoj ohrany i otvetstvennosti zhenshchin. M.: Yurlitinform, 2013. 210 s.
20. Lenin V.I.. Poln. sobr. soch., t. 31. 662 s.
21. Mor T. Utopiya. M. : Nauka, 1978. 417 s.
22. Nicshe F. Po tu storonu dobra i zla.. Kazus Vagnera. Antihrist. Esse Homo. Chelovecheskoe slishkom chelovecheskoe. Zlaya mudrost' /Fridrih Nicshe. Minsk: Harvest, 2012. 879 s.
23.Repnina T. A. Analiz teorij polorolevoj socializacii v sovremennoj zapadnoj psihologii //Vopr. psihologii. 1987. № 2. S. 158-165
24. Serednev V.A. Ideya differenciacii moral'no-eticheskih principov v operativno-razysknoj deyatel'nosti // Zhurnal «Operativnik (syshchik)» obshcherossijskoe periodicheskoe

vnevedomstvennoe nauchno-prakticheskoe izdanie № 2(47), 2016. S.18-23.

25. Serednev V.A. K voprosu protivostoyaniya: ideologiya «prav cheloveka» protiv ideologii «prav grazhdanina» // Filosofiya prava, 2017, № 4 (83). S. 70-73.

26. Serednev V.A. K voprosu psihologicheskogo portreta lic, okazyvayushchih konfidencial'noe sodejstvie sub"ektam, osushchestvlyayushchim operativno-razysknuyu, razvedyvatel'nuyu i kontrrazvedyvatel'nuyu deyatel'nost' // Yurist- Pravoved" 2018 № 4 (87). S.193-198.

27. Solov'ev V.S. Soch.: v 2 t.M., 1988. T.2. 822 s.

28. Sorokin P.A. Chelovek. Civilizaciya. Obshchestvo / Pitirim Sorokin; [Obshch. red., sost. i predisl., A. Yu. Sogomonova]. M. : Politizdat, 1992. 542 s.

29. Spirkin A.G. Filosofiya: uchebnik / A.G. Spirkin. 2-e izd. M.:Gardariki, 2010. 736 s.

30. Sukovataya V. Gendernyj analiz religij i feministskaya teologiya: k postanovke problemy//GROSSVITA. 2011. № 2. S. 176.

31. Tolstoj L.N. Sobr. Soch., m., 1985. T.11. 503 s.

32. Femenologiya i gendernaya politika: Uchebnik/ E.M. Zujkova, R.I.Eruslanova. 3-e izd., pererab. i dop. M.: Izdatelsko- torgovaya korporaciya «Dashkov i K», 2015. 297 s.

33. Filosofiya: Ucheb./ Pod red. V.D. Gubina. M.: ton, 1997. 828 s.

34. Fridan B. Zagadka zhenstvennosti. M.: Progress, 1994. 494 s.

35. Fur'e Sh. Izb. Soch. T.1- M., 1951. 428 s.

36. Chernyshevskij N.G. Chto delat' ? Iz rasskazov o novyh lyudyah. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1985. 399 s.

37. Sharov K.S. Muzhchiny i zhenshchiny v verbal'noj kommuniacii: problemy genderlekta // Voprosy filosofii. 2012. № 7. S. 48.

38. Shopengauer A. Izbrannye proizvedeniya. M.: Prosveshchenie, 1992. 477 s.

39. Yaspers K. Smysl i naznachenie istorii. M., 1991. 527 s.

40. Bischoff T. Entwickelungsgeschichte der Säugethiere und des Menschen. 1842.

41. Ellis H. Man and women: a study of human secondary sexual characters. N.-Y., Seribners, 1904.

42. Lynn R. Sex differences in intelligence and brain size: a developmental theory, Intelligence, 27, 1-12. 1999.

43. Mc Kee J. P., Sherriffs A. C. The differential evaluation of males and females // J. of Personality, 1957, № 25.

44. Rüdinger N. Anatomie des peripherischen Nervensystems des menschlichen Körpers, München 1870, 2 T.

45. Rüdinger N. Topographisch-chirurgische Anatomie des Menschen, München, 1870-1878.

Author`s information

Serednev Vladimir Anatolyevich, Lecturer of the Department of History, Social Studies and Law of the Arzamas branch of the National Research University of Nizhny Novgorod State University. Russia, 607220, Nizhny Novgorod region, Arzamas, st. K. Marx, 36. Tel.: 89871143098, e-mail: naganov1910@mail.ru

УДК 316.48

ДИСКУРС ПРИРОДЫ КОНФЛИКТА В КЛАССИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Сычева Е.Ю., Кусова Л.Н., Тимофеева В.А.

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск

В статье рассматриваются актуальные вопросы теоретической социологии о природе конфликта. Прослеживается генезис понятия, проанализированы различные точки зрения классиков социологической мысли на конфликт, рассмотрены функции конфликта в освещении представителей нескольких научных парадигм. Представлены взгляды К. Маркса, Р. Дарендорфа, Г. Зиммеля, Л. Козера и других мыслителей 19-20 веков. Приведены результаты контент-анализа статьи Георга Зиммеля «Человек как враг». Обоснована актуальность обращения к классическому знанию в теории конфликта и востребованность основных положений в современном социуме.

Ключевые слова: *конфликт, дискурс, Р. Дарендорф, Л. Козер, Г. Спенсер, Г. Зиммель, К. Маркс, контент-анализ*

Актуальность нашего исследования проистекает из того, что история любой науки насыщена именами маститых учёных, разнообразными концепциями, которые порой диаметрально противоположны друг другу, изобилует научными парадигмами, каждая из которых со специфической точки зрения рассматривает объект и предмет одной и той же области знания. Не является исключением и социология [32]. Очень важным представляется рассмотрение различных подходов в истории данной науки к природе конфликта, поэтому актуальным является наше обращение к дискурсу конфликтологических теорий на протяжении 19-20 веков.

Нужно отметить, что об интересе к классическим взглядам на то или иное социальное явление свидетельствует обращение многих современных социологов к изучение наследия столпов социологической мысли, таких как Карл Густав Юнг [4], Т. Парсонс [5], Пьер Бурдье [9], К. Поппер и К. Маркс [29], а также обобщенные обзоры той или иной научной парадигмы [8; 30; 31].

Общественная жизнь человека полна сложностей и противоречий [24; 27], которые нередко приводят разногласиям и столкновениям интересов как между двумя людьми, так и между социальными группами разных размеров [38; 39; 28]. Исходя из этого, можно сказать, что конфликт является одним из важнейших элементов, в первую очередь, социальной жизни [2; 3; 21; 23].

Очень важны положения различных теорий конфликтологов для такой области общественных отношений, как управленческая сфера [12; 16; 14; 15]. Очень часто в вертикали «государство-социум» складываются напряженные отношения, порой приводящие к конфликтам, поэтому необходимо изучать механизмы, которые сглаживают противоречия (например, управленческий дискурс [36; 37; 19]), устанавливают партнерские отношения в процессе коммуникации [7; 22; 40].

Такое явление, как конфликт, зародилось вместе с обществом, то есть конфликт существует ровно столько, сколько существует человек. Это связано с тем, что конфликт возникает непосредственно в процессе взаимодействия людей, в процессе их общения [10]. Говоря простыми словами, конфликт – это столкновение противоположных целей, позиций субъектов общества. Данному явлению посвящена отдельная научная дисциплина – конфликтология.

В социологии конфликт рассматривается в качестве элемента общественных отношений. Это помогает увидеть фактическую роль конфликта в жизнедеятельности «общественного организма», а также позволяет дать более широкое, многостороннее толкование конфликта как формы социальной аномалии (отклонения от нормы) [1; 33].

Противоречия и столкновения различного рода характерны обществу в силу социально-экономической природы [13; 17; 18; 25]. Исследовать конфликт начали еще в древности,

например, китайские философы, древнегреческие мыслители, затем Николло Макиавелли, Адам Смит, Георг Гегель, Макс Вебер, Карл Маркс и Фридрих Энгельс.

В XX веке были созданы три наиболее популярные теории конфликта:

- Теория конфликтной модели общества Р. Дарендорфа;
- Теория позитивно-функционального конфликта Л. Козера;
- Общая теория конфликта К. Боулдинга.

Так, Томас Гоббс (1588-1679 гг.) был одним из первых, кто рассмотрел конфликт. Им была создана концепция «война всех против всех» и объяснена как естественное состояние. В конце XX века Герберт Спенсер (1820-1903 гг.) пришел к выводу, что в процессе естественного отбора общество получает лучших из лучших. А его современник Карл Маркс (1818-1883 гг.) выразил иной взгляд на проблему, поднятую Спенсером. Он полагал, что поведение в обществе может быть лучше объяснено через процесс конфликта. Также Маркс большое внимание уделял борьбе различных общественных классов.

Помимо вышеназванных ученых, большой вклад в развитие конфликтологических теорий внесли такие социологи, как Георг Зиммель, Макс Вебер, Эмиль Дюркгейм, Толкотт Парсонс и другие. К примеру, Георг Зиммель (1858-1918 гг.) является основоположником конфликтологии и первым ввел понятие «конфликт».

Целью данной научной статьи является исследование и анализ основных конфликтологических концепций в социологии.

В соответствии с выделенной целью, можно сформулировать следующие задачи:

- изучить теоретические понятия конфликта;
- рассмотреть классификации и характеристики конфликта;
- изучить основные теории изучения конфликтов;
- провести анализ современного состояния развития социологических теорий конфликтов;
- провести сравнение и анализ теорий конфликта.

Объект исследования – конфликт как социальное явление.

Предметом исследования являются социологические теории конфликтов.

Стоит начать с того, что понятие «социальный конфликт» в современной конфликтологической науке употребляется широком и узком смыслах. В широком смысле социальный конфликт тождественен общественному конфликту. В этом значении он включает в себя все виды конфликтов, происходящих в обществе. В узком смысле – изучает всего одну из сфер общественной жизни, а именно социальную сферу, не затрагивая сферы экономики, политики и так далее.

Немецкий социолог Георг Зиммель считал, что в обществе конфликт – это процесс неизбежный и универсальный, поскольку является стимулятором изменений и развития общества в лучшую сторону.

В своей работе «Функции социального конфликта» (1956) американский социолог Льюис Козер определяет его «как борьбу за ценности или претензию на ограниченные в количестве статус, власть и ресурсы. В этой борьбе целями оппонентов являются нейтрализация, нанесение ущерба или устранение противников» [26, с. 250].

Р. Макк и Р. Снайдр, американские социологи, выделили ряд необходимых условий (признаков) конфликта (рис. 1).

В процессе своего существования конфликт проходит 3 фазы (рис. 2).

Исходя из этого, можно сказать, что конфликт – это процесс развития взаимодействия субъектов (сторон конфликта) от конфронтации к коммуникации.

Любой конфликт имеет характеристики двух видов: временные и пространственные. Первая характеристика отвечает за длительность, частоту и повторяемость конфликта. Вторая – за средства и действия, используемые участниками борьбы, подов и условия возникновения, а также результат конфликта.

Конфликт может выполнять функции разного характера, а именно: деструктивного (негативного) и конструктивного (положительного).

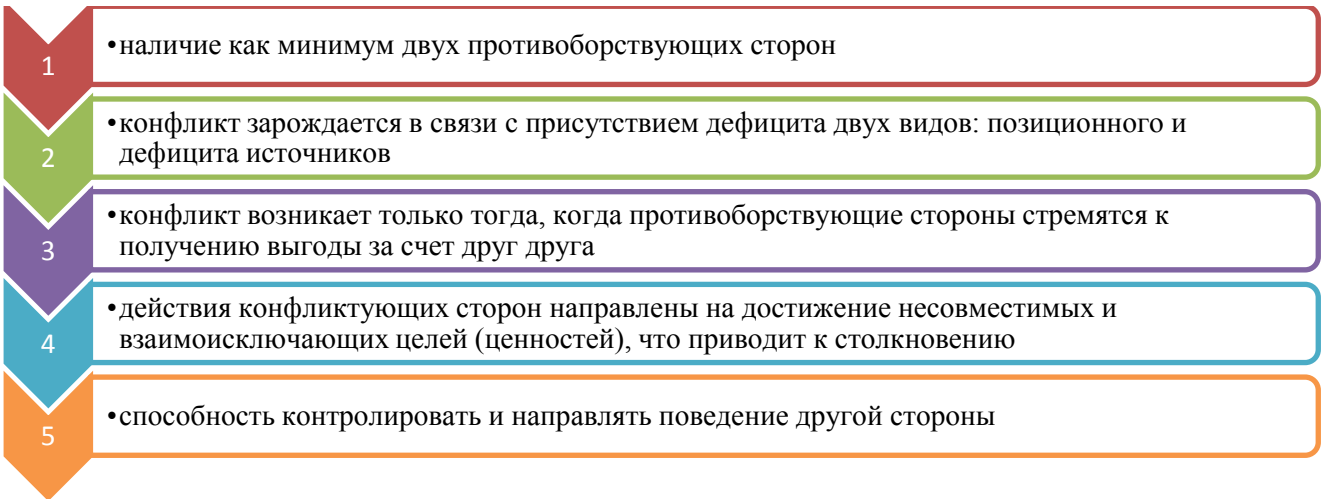

Рисунок 1 – Признаки конфликта по Р. Макку и Р. Снайдру

Конфликт может выполнять функции разного характера, а именно: деструктивного (негативного) и конструктивного (положительного).

Функции деструктивного характера проявляются в том, что конфликт может оказать на общность воздействие разрушительного рода; способен снизить уровень достижимости целей противоборствующих сторон; сопровождается снижением уровня взаимоотношений в социальной общности, обострением враждебности у участников конфликта по отношению друг к другу.

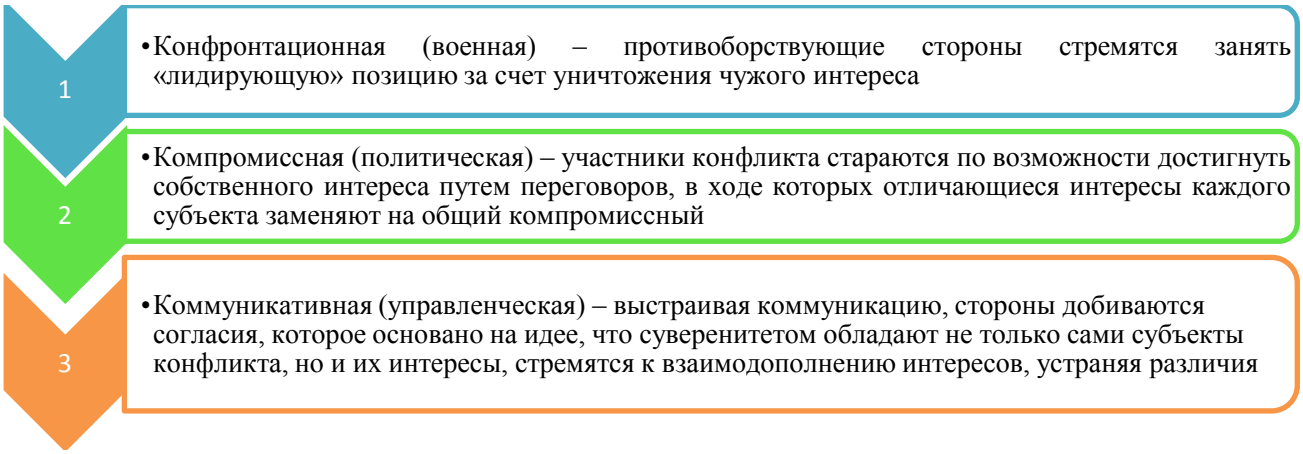

Рисунок 2 – Фазы конфликта по Р. Макку и Р. Снайдру

К конструктивным функциям конфликта относится достижение поставленной цели; улучшение внутренней солидарности в группе, участвующей в конфликтных действиях; упрочнение единства членов группы; выявление или смена лидеров в соперничающих социальных общностях.

Таким образом, в процессе взаимодействия групп и индивидов, цели, интересы и потребности которых не совпадают, может зародиться социальный конфликт, то есть явление, в котором противоборствующие стороны стремятся предотвратить удовлетворение интересов конкурента, помешать ему реализовать его цели и, вопреки противодействию противника, достичь осуществления собственных интересов и целей.

Впервые социальная теория обратила внимание на конфликт в середине XIX – начале XX вв. По мнению ряда авторов, основателями «конфликтологической теории» считаются Герберт Спенсер (1820–1903 гг.), Карл Маркс (1818–1883 гг.) и Георг Зиммель (1858–1918 гг.). Рассмотрим положения теорий каждого из социологов.

Герберт Спенсер (1820–1903 гг.), английский социолог, рассматривал проблему конфликта с точки зрения социал-дарвинизма. Он считал, что конфликт является стимулом об-

щественного развития.

Концепция Спенсера носит исключительно социологический характер и основывается на принципе борьбы за жизнь. Он считал, что состояние противостояния является универсальным и гарантирует баланс не только в пределах отдельного общества, но и между социумом и природой.

Гербертом Спенсером были выделены два главных типа общества: воинственный; промышленный. Именно борьба второго типа является благом для общества, поскольку в результате увеличивается интеллектуальный и моральный уровень социума в целом, а также объем его социального богатства.

Не менее интересная концепция была представлена немецким философом и социологом XIX века Карлом Марксом (1818–1883 гг.). Общество в марксистской теории социального детерминизма рассматривается с точки зрения материализма и представляет собой целостную интегральную структуру, состоящую из четырех подсистем (социальной, экономической, политической, духовной), между которыми существует объективная причинно-следственная зависимость. Главной и определяющей из них является экономическая подсистема, которая базируется на материальном производстве.

В основе социальной системы находятся экономические интересы и связанные с ними производственные отношения, которые составляют базис общества. У рабочих и капиталистов, ключевых субъектов капиталистического производства, коренные интересы совершенно противоположны, кроме того они непримиримы. Маркс приходит к выводу, что конфликтность такого общества, коренящаяся в его экономической основе, считается не только всеобщей, но и неустранимой в рамках такого общества. Элементы общественного сознания, например, классовая структура, культура, идеология и тому подобное, являются отражением экономического базиса и воспроизводят в специфической форме противоречия, свойственные ему. Это говорит о том, что эти элементы пронизаны социальными конфликтами [34].

В марксистской теории конфликта основным действием является борьба классов. Господство частной собственности – это главная ее причина, на которой основываются «антагонистические общественно-экономические формации».

Следовательно, социальный конфликт, с точки зрения марксизма:

- всегда связан с несовместимостью интересов, которыми оперируют конфликтующие стороны;
- он считается наиболее резкой и открытой формой выражения общественного противоборства.

В отличие от Карла Маркса, Георг Зиммель считал, что конфликт «не всегда и не обязательно приводит к разрушениям; напротив, он может выполнять важнейшие функции сохранения социальных отношений и социальных систем» [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**11, с. 46].

Георг Зиммель (1858–1918) – немецкий социолог, который считается первым, кто ввел термин «социология конфликта» в научный оборот. Он считал, что «конфликт очищает воздух».

Согласно теории социального конфликта Георга Зиммеля, конфликт неизбежен, и эта черта является частью человеческой природы. Агрессивность, изначально свойственная людям, «априорный инстинкт борьбы», первичная необходимость во враждебности – все это является ведущим источником возникновения противостояния. Источником общественных конфликтов выступает противоречие между формами социальной жизни и индивидами, которые составляют социум.

Главным отличием конфликтологической социологии Г. Зиммеля от теории Карла Маркса является «вера в то, что конфликт может приводить к социальному объединению и, обеспечивая выход враждебности, усиливать социальное единогласие» [11]. Зиммель заявляет, что устойчивые общественные структуры в целом имеют возможность преодолевать внутренние конфликты.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что, согласно теории Георга Зим-

меля, конфликт определяется как форма общественного единения, осуществляющая функции стабилизации и интеграции.

Таким образом, все из вышеуказанных ученых в своих научных работах, рассматривая общество, затрагивают его «конфликтное» устройство. Они считают, что борьба в социуме – это явление неизбежное. Иначе говоря, не бывает бесконфликтного общества. Общество в этих трудах рассматривается как система, которая на постоянной основе происходит через всевозможные изменения.

Изучая социологические концепции социального конфликта, следует остановиться на трёх фундаментальных теориях следующих ученых: Льюиса Козера, Ральфа Дарендорфа и Кеннета Боулдинга.

Для анализа современного состояния развития социологических теорий конфликта нами были выбраны концепции, предложенные Льюисом Козером (1912-2003 гг.) и Ральфом Дарендорфом (1929-2009 гг.). Прежде чем анализировать выбранные теории, стоит вспомнить их основные положения (рис. 3).

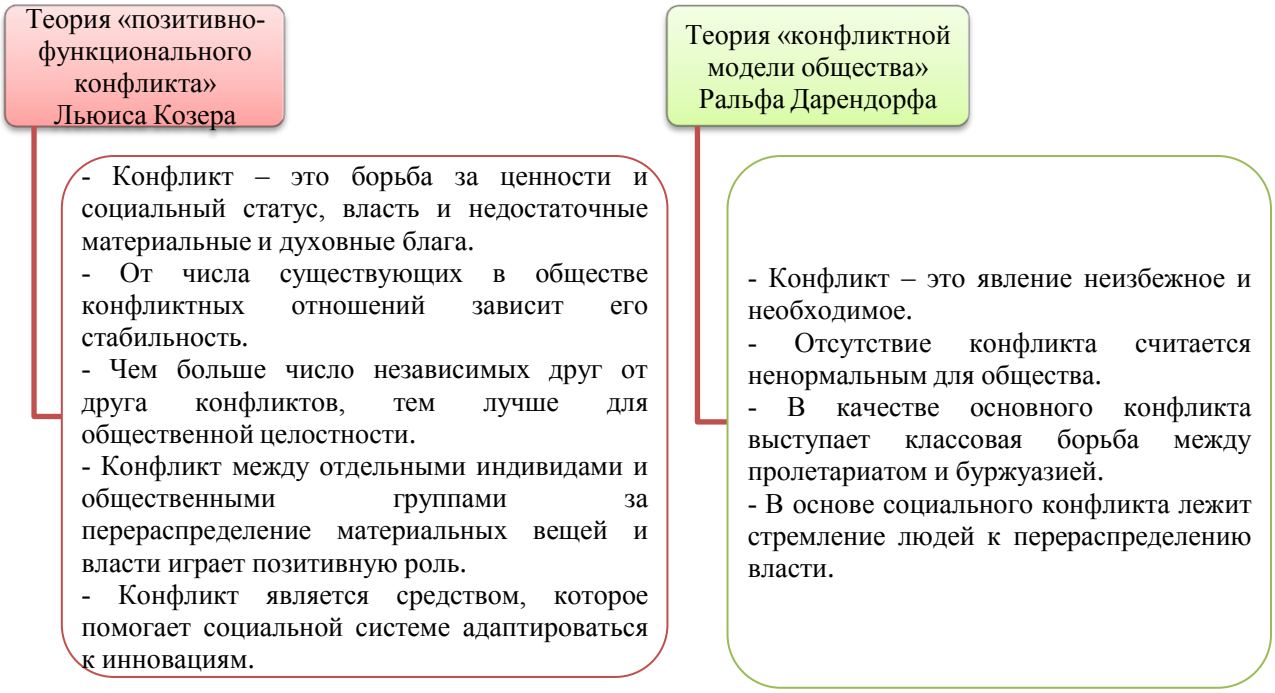

Рисунок 3 - Основные положения конфликтологических теорий Льюиса Козера и Ральфа Дарендорфа

Автором теории «позитивно-функционального конфликта» является Льюис Козер (1913-2003 гг.), немецкий и американский социолог, который считается одним из основоположников социологии конфликта. В своей работе «Функции социального конфликта» (1956) он заложил основы современной западной социологии конфликта и обосновал положительную роль противоборства в обеспечении стабильности социальных систем.

Согласно Козеру, стабильность всего общества находится в зависимости от числа существующих в нем противоборствующих отношений. «Чем больше различных конфликтов пересекается в обществе, тем более сложным является его деление на группы, тем труднее создать единый фронт, делящий членов общества на два лагеря, которые не имеют никаких общих ценностей и норм» [26, с. 75]. Таким образом, чем больше число конфликтов независимых друг от друга, тем лучше для целостности общества.

Таким образом, в теории «позитивно-функционального конфликта» конфликт рассматривается как средство, помогающее социальной системе адаптироваться к инновациям. Адекватное разрешение конфликта увеличивает гибкость и устойчивость общественной системы к подобным конфликтам.

В работе «Социальные классы и классовый конфликт в индустриальном обществе»

(1957) немецкий социолог Ральф Дарендорф (1929-2009 гг.) описал свою теорию социального конфликта, которая получила название «конфликтная модель общества» [35]. Роль основного конфликта в теории Дарендорфа играет классовая борьба между пролетариатом и буржуазией.

Немецкий социолог утверждал, что главной причиной возникновения конфликтов является перераспределение власти, на котором и основываются все сложные организации. Согласно данной концепции, владеющие властью люди способны добиваться выгоды от людей, обладающих меньшей властью, с помощью определенных средств, среди которых ключевым выступает принуждение [35].

Таким образом, согласно конфликтологической теории Ральфа Дарендорфа, основу конфликтов человеческих интересов составляют не экономические причины, а стремление людей к перераспределению власти.

Общим тезисом для этих теорий является то, что конфликт – это принципиально неразрешимые противоречия, всегда существующие в обществе.

Льюис Козер развивал теоретическое направление о функциях конфликта (конфликтный функционализм). Он подверг критике Ральфа Дарендорфа, поскольку тот не уделял должного внимания положительным функциям конфликта. Следуя за Георгом Зиммелем, Козер считал, что противоборство помогает поддерживать постоянство и жизненность общественной системы.

Согласно теории Козера, общественная жизнь просто невозможна без социальных изменений. Расхождение интересов нельзя устранить, поскольку справедливое распределение материальных средств и власти, равные статусы – это то, чего добиться в реальном обществе невозможно. К столкновению интересов, к социальной напряженности, к возникновению противоречий приводит совокупность взаимодействия между людьми и социальных изменений, что в последствие приводит к конфликту. Следовательно, конфликт – это результат изменений внутри общества. Так же из этого следует, что как изменения, так и конфликт – это необходимые и естественные явления для любой социальной системы [26].

Ральф Дарендорф отторгает модель, представленную Льюисом Козером, в которой преобладают элементы стабильности, устойчивости и интеграции. Сам же предлагает теорию, в которой общество представляется как подвижная, изменчивая и динамическая система, и приходит к выводу, что конфликт выступает движущий силой изменений, но он не должен быть насилием или гражданской войной [35].

Исходя из анализа и теоретической основы, можно выделить ряд общих черт выбранных нами теорий конфликта:

1. Конфликт неминуем.
2. Конфликт носит как отрицательный, так и положительный характер.
3. Одной из основных причин конфликта является борьба за власть.
4. К конфликту приводит социальное неравенство.

Следует сказать, что конфликтологические теории, разработанные Льюисом Козером и Ральфом Дарендорфом, имели и критическую направленность. Их теории противопоставлялись таким теориям, как марксистская концепция классовой борьбы, которая в середине XX века господствовала в социалистических странах, и теориям социального отношения и «человеческих отношений», которые были популярны на Западе.

Таким образом, исходя из всего выше сказанного, можно вывести небольшую сравнительную таблицу вышеупомянутых конфликтологических теорий (рис. 4).

Анализируя все конфликтологические концепции, которые были описаны нами выше, можно сказать, что каждый из ученых рассуждает по-своему и делает акцент на разных аспектах изучения конфликта. Так например, Георг Зиммель, также как и его современник, Льюис Козер, делает акцент на изучении позитивных функций конфликта: интегративную и стабилизирующую функции. Карл Маркс и его последователь Ральф Дарендорф акцентировали внимание на классовой борьбе, где основной причиной конфликта является борьба за перераспределение власти и ресурсов. Но, не смотря на это, в основе каждой из теорий лежит

одинаковая база. Она заключается в том, что для каждого из социологов конфликт, в первую очередь,– это неизбежный и необходимый для общества процесс.

Рисунок 4 - Сравнение теорий Л. Козера и Р. Дарендорфа

Анализируя теоретическую основу и рассматривая мнение Джонатана Тернера о данных концепциях, можно вывести сравнительную таблицу. Можно наглядно увидеть как черты сходства, так и различия между конфликтологическими теориями Карла Маркса и Георга Зиммеля (рис. 5).

Таким образом, исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что данные конфликтологические теории имеют больше различий, чем сходств. Также на основании вышеприведенной таблицы можно сказать, что представляет конфликт для каждого из ученых:

- Для Георга Зиммеля, конфликт – это неизбежный процесс; форма общественного единения, исполняющая функции интеграции и стабилизации.

Для Карла Маркса, конфликт – это неизбежное для любой социальной структуры явление, которое характеризуется дефицитом и несправедливым распределением материальных благ, ресурсов и власти.

Рассмотрим контент-анализ статьи Георга Зиммеля «Человек как враг» (проведен В.А. Тимофеевой, руководитель – Е.Ю. Сычева).

Георг Зиммель (1858-1918 гг.) – немецкий философ и социолог, один из основоположников социологии конфликта, создатель теории анализа социального взаимодействия. За годы научной деятельности ученым было написано около 200 статей и свыше 30 книг по теоретической проблематике, в число которых входит выбранное нами произведение – статья «Человек как враг» (1907) [20]. Она была напечатана во втором номере «Социологического журнала» в 1994 году.

После проведения социологического анализа основных проблем, рассматривающихся в статье Г. Зиммеля «Человек как враг», определим количественный аспект представления «враждебности» в данной работе. Для этого мы воспользуемся дополнительным методом исследования, а именно контент-анализом.

Цель исследования – анализ социологического аспекта изучения конфликта в работе Г. Зиммеля.

Задача исследования – проанализировать характер изучения «враждебности» в работе Г. Зиммеля.

Предмет исследования – основополагающие аспекты изучения «враждебности», рассматриваемые в работе Г. Зиммеля.

Рисунок 5 - Сравнение теорий конфликта К. Маркса и Г. Зиммеля

В таблице 1 представлены конкретные слова, которые принимаются нами за единицу анализа. При подсчете данных слов мы можем провести анализ каждого аспекта изучения «враждебности», что позволит обратить внимание на характер зарождения конфликта. В качестве единиц счет используем количество слов, то есть частоты их проявления.

Таблица 1 - Классификатор контент-анализа

Единица анализа	Единицы счета
Конкретное слово	«враждебность»; «антипатия», «дух противоречия», «оппозиция», «оппозиционный инстинкт», «борьба», «вражда», «враждебный настрой», «недоверие», «отвращение», «спор», «ненависть», «антагонизм», «война», «конфликт»; «доверие», «любовь», «душа», «влечение».

Зиммель рассматривал «враждебность» (8 единиц счета) с разных сторон. Например, в одном случае, враждебность может привести к борьбе или войне, то есть носит отрицательный характер, а в другом – к доверию или даже любви, соответственно носит положительный характер.

Большое внимание Зиммель уделял рассмотрению «враждебности» с отрицательной точки зрения. Описанию этого аспекта было посвящено 60 единиц счета текста статьи, которые показывают негативные проявления и последствия вражды. Определяющими словами негативной стороны враждебности являются: «антипатия», «дух противоречия», «оппозиция», «оппозиционный инстинкт», «борьба», «вражда», «враждебный настрой», «недоверие», «отвращение», «спор», «ненависть», «антагонизм», «война», «конфликт». Особую значимость социолог придавал таким процессам/явлениям как борьба (9 единиц счета), спор (7 единиц счета), антагонизм (6 единиц счета), война (5 единиц счета), конфликт (3 единиц счета). Данные в процентном соотношении представлены ниже (рис. 6). Исходя из вышесказанного, можно сказать, что характер враждебности напрямую зависит от человеческих действий, от человеческих чувств и ощущений. В конфликт может перерасти та враждебность, которая будет вызывать людей (сторон враждебных действий) ненависть, отвращение, недоверие.

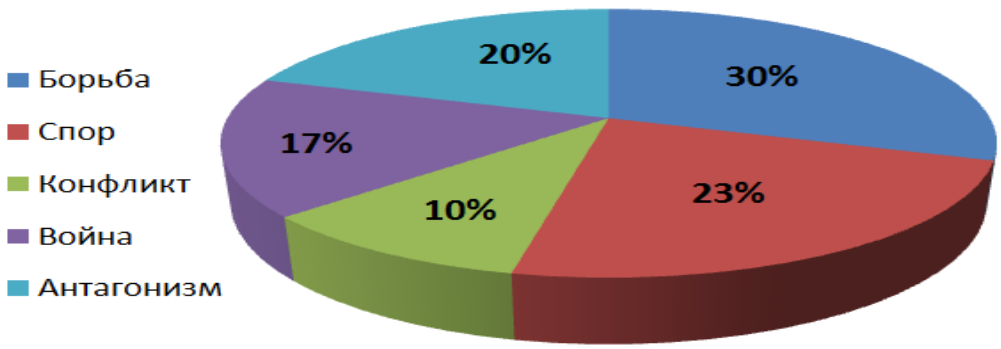

Рисунок 6 - Диаграмма «Отрицательные проявления враждебности»

Не меньше внимания автор уделяет враждебности с противоположным характером. Описанию этого аспекта было посвящено 27 единиц счета текста произведения, которые показывают положительные проявления и последствия вражды. Определяющими словами позитивной стороны враждебности являются: доверие (1 единица счета), любовь (10 единиц счета), душа (11 единиц счета), влечение (5 единиц счета). В соответствии с приведенными данными можно вывести диаграмму с результатами (рис. 7).

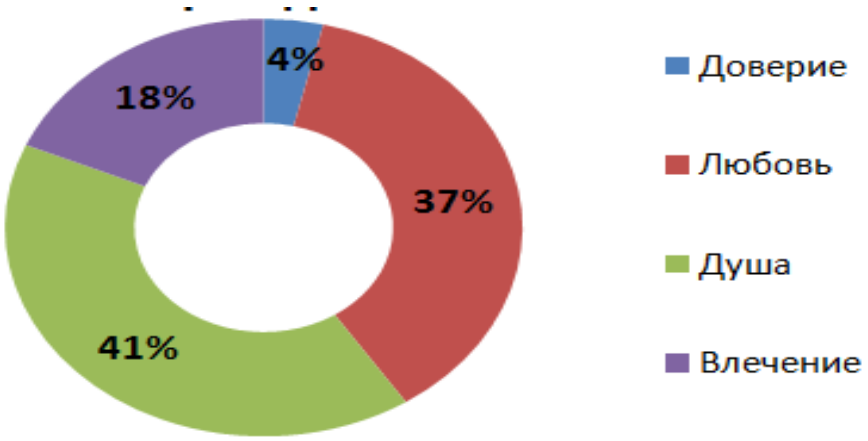

Рисунок 7 - Диаграмма «Положительные проявления враждебности»

Хотелось бы отдельное внимание уделить «влечению», поскольку социолог упоминает в своей работе два вида влечения. В статье говорится о влечении любви и влечении ненависти. Каждое из них носит спонтанный характер, но в разной степени и объясняется это поразному. Влечение любви подтверждает свою спонтанность тем, что «в юности оно невероятно физиологически обострено» [20]. А влечение ненависти, в свою очередь, «только в виде исключения имеет такие острые стадии, которые могли бы позволить равным образом осознать ее субъективно-спонтанный характер» [20].

Описание и анализ враждебности Георгом Зиммелем заложили основы современной социологии конфликта. Обширная вражда в виде войн разных размеров, религиозной и классовой ненависти, межнациональные конфликты – все это очевидно. И Зиммель приходит к выводу, что вражда может быть объяснена и подчинена регулированию. Она может быть сокращена до минимума, но не может быть полностью ликвидирована.

В своей статье Зиммель приводит достаточно примеров вражды в разных сферах жизни, например, в экономике, политике, религии, семейных отношениях и даже в любви. Вражда между людьми абсолютно естественна. Автор замечает, что человеческая душа имеет потребность как в любви, так и в ненависти.

Таким образом, содержанием статьи «Человек как враг» Георг Зиммель хотел показать не только конфликтность и враждебность, которая исходит от человеческой природы, но и необходимость использования положительной стороны этого явления в своих интересах.

Подводя итоги, можно сказать, что каждая концепция и научная работа, рассмотренная нами, по-своему уникальна и несет свою ценность. Анализ теорий конфликта Льюиса Козера и Георга Зиммеля, проведенный нами, дал возможность лучше понять их суть, а также вывести их различия. Сравнивая теории основоположников конфликтологии, Карла Маркса и Георга Зиммеля, мы смогли проанализировать их основные положения и выявить ряд сходств и различий между ними. И еще один метод социологического исследования, которым мы воспользовались, был контент-анализ. С его помощью мы смогли оценить мнение Георга Зиммеля о понятии «враждебность».

Итак, нами были исследованы и проанализированы основные социологические конфликтологические концепции.

Вначале мы изучили теоретическую основу по тематике работы, а именно было изучено понятие «конфликт», его основные характеристики, условия и фазы его существования и функции. Исходя из рассмотренных нами материалов, можно сказать, что «социальный конфликт есть предельный случай обострения социальных противоречий, выражающийся в многообразных формах борьбы между индивидами и социальными общностями, направленный на достижение экономических, социальных, политических, духовных интересов и целей, нейтрализацию или устранение действительного или мнимого соперника и не позволяющей ему добиться реализации его интересов» [6, с. 232].

Далее в рамках решения одной из задач мы рассмотрели основные теории основоположников конфликтологического подхода социологии (Герберт Спенсер, Карл Маркс, Георг Зиммель) и теории, которые считаются фундаментальными в конфликтологии современности (Льюис Козер, Ральф Дарендорф, Кеннет Боулдинг). Анализ этих концепций позволяет сказать, что для каждого из социологов основополагающим является тезис о том, что социальный конфликт неминуем.

Далее были проанализированы социологические теории конфликта. Описывается анализ двух фундаментальных теорий конфликта – теория «позитивно-функционального конфликта» Льюиса Козера и теория «конфликтной модели общества» Ральфа Дарендорфа. Это исследование позволило нам глубже изучить суть теорий.

Нами был проведен сравнительный анализ теорий основоположников конфликтологической науки, Карла Маркса и Георга Зиммеля (марксистского учения о конфликте и конфликтологического функционализма). Оба ученых, изучая конфликт, акцентирует внимание на разных аспектах изучения. Так Маркс изучает классовую борьбу в обществе, а Зиммель исследует позитивные функции конфликта.

Следующим шагом нашего социологического исследования было проведение контент-анализа статьи «Человек как враг», автором которой является немецкий социолог, Георг Зиммель. В ходе контент-анализа мы рассмотрели и подвергли анализу два характера проявления «враждебности»: негативный и позитивный. Кроме того нами было уделено внимание такому понятию, как «влечение», которое также рассматривается в статье.

Таким образом, в результате проделанной работы можно сделать вывод, что выдвинутая нами цель была достигнута и все сформулированные ранее задачи решены.

Список литературы

1. Анисимова С.Г. Введение в теорию аномии: категориально-позитивный анализ / С.Г. Анисимова, А.К. Мамедов // Евразийский фонд социальных исслед. Москва, 2010. 226 с.

2. Ахременко А.Д. Молодежный спортивный экстремизм как социальное явление / А.Д. Ахременко, Е.Ю. Сычева // Научный журнал Дискурс. 2019. № 7 (33). С. 97-111.

3. Ахременко А.Д. Спортивный экстремизм: информированность молодежи о данном социальном явлении и отношении к нему / А.Д. Ахременко, Е.Ю. Сычева // Научный журнал Дискурс. 2019. № 7 (33). С. 112-129.

4. Бабосов Е.М. Теоретическое наследие классиков социальной мысли: Карл Густав Юнг / Е.М. Бабосов, А.К. Мамедов. Москва, 2019. 160 с.

5. Бабосова Е.С. Развитие неопарсианства на рубеже XX-XXI в. / Е.С. Бабосова, Ма-

медов А.К., Н.А. Панич // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 3. С. 5-23.

6. Бабосов Е.М. Социология: учебник / Е.М. Бабосов. Минск: ТетраСистемс, 2011. 285 с.

7. Волнистая М.Г. Социальный капитал коммуникативного поля научного сообщества / М.Г. Волнистая, А.К. Мамедов // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2018. № 3. С. 89-95.

8. Воронов К.А. Дискурс войны и мира в истории социологической мысли: социокультурный аспект / К.А. Воронов, С.А. Шилина // Псковский военно-исторический вестник. 2018. № 4. С. 338-341.

9. Воронов К.А. Теоретический экскурс: политическое поле и определение омнибусного факта в социологической концепции Пьера Бурдье / К.А. Воронов, Е.Ю. Лупенкова // В книге: Практический дискурс высшей школы. Сборник докладов Международной научно-практической конференции. 2016. С. 7-10.

10. Воронов К.А. Этико-социологический аспект опасности ксенофобии / К.А. Воронов, В.В. Кузеванова, Е.В. Харлашина, С.А. Шилина // Научный журнал Дискурс. 2018. № 5 (1). С. 108-116.

11. Георг Зиммель. [Электронный источник]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Зиммель,_Георг (дата обращения 25.04.2021)

12. Гостенина В.И. Социальные тренды управления и технологии критического дискурса в условиях российской реальности / В.И. Гостенина, С.А. Шилина, Е.Ю. Лупенкова, Т.Е. Лифанова // Ежегодник НИИ фундаментальных и прикладных исследований. 2015. Т. 2. № 1. С. 147-158.

13. Гостенина В.И. Социокультурные, экономические и управленческие факторы формирования статуса региона (на примере Брянской области) / В.И. Гостенина, А.П. Корюкин, Е.Ю. Лупенкова и др. // Ежегодник НИИ фундаментальных и прикладных исследований. 2012. № 3 (3). С. 117-128.

14. Гостенина В.И. Управление вербальным социолингвистическим кодом субъекта власти в коммуникативном процессе/ В.И. Гостенина, С.А. Шилина. Москва, 2008. 208 с.

15. Гостенина В.И. Управленческие факторы формирования статуса региона (на примере Брянской области) / В.И. Гостенина, А.Г. Киселёв, С.А. Шилина // Власть. 2013. № 2. С. 082-085.

16. Гостенина В.И. Управленческий дискурс как технология социального взаимодействия субъекта власти и социума / В.И. Гостенина, А.Ю. Качалков, С.А. Шилина // Власть. 2015. № 8. С. 128-133.

17. Епремян Т.В. Дискурс социального пространства города в условиях цифровизации / Т.В. Епремян, С.А. Шилина // В сборнике: Дискурс социальных проблем в социокультурном, образовательном, языковом пространстве в период пандемии коронавируса. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Брянск, 2021. С. 25-31.

18. Епремян Т.В. Отношение читателя печатных СМИ к дискурсу рекламного медиатекста: социологическое исследование / Т.В. Епремян // В сборнике: Текст в языковом, историческом, философском пространстве. Сборник научных трудов. Отв. ред. В.В. Никульцева; Московский финансово-юридический университет МФЮА. 2019. С. 234-247.

19. Епремян Т.В. Управленческие технологии дискурса социальной рекламы / Т.В. Епремян, С.А. Шилина // В сборнике: Журналістыка - 2020: стан, праблемы і перспектывы. Матэрыялы 22 -й Міжнароднай навукова- практычнай канферэнцыі. Мінск, 2020. С. 383-386.

20. Зиммель Г. Человек как враг // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 114-119.

21. Киричёк П.Н. Журналистика в универсуме культуры: конфликт традиций и новаций / П.Н. Киричёк // В сборнике: IV Моисеевский чтения. Доклады и материалы Общероссийской (национальной) научной конференции. 2021. С. 282-287.

22. Киричек П.Н. Информационная культура в арсенале управленца / Киричёк П.Н. // В сборнике: Инновационные технологии в управлении. сборник научных статей. Москва, 2016. С. 4-10.

23. Киричек П.Н. Конфликт контента и формата прессы в медиарынке / П.Н. Киричек // В сборнике: Журналистика – Медиалогия – Наставничество. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию проф. Б.В. Стрельцова и 100-летию Белорусского государственного университета. Под общей редакцией Н.А. Федотовой. Редколлегия: О.М. Самусевич (гл. ред.) [и др.]. Минск, 2021. С. 157-162.

24. Киричек П.Н. Культура и социальные противоречия / П.Н. Киричек // Духовная сфера общества. 2012. № 9. С. 17-22.

25. Киричёк П.Н. Память о войне в контексте современности / П.Н. Киричёк // Псковский военно-исторический вестник. 2019. № 5. С. 67-70.

26. Козер Л.А. Функции социального конфликта / Пер. с англ. О.А.Назаровой; Под общ. ред. Л.Г.Ионина. Москва: Идея-Пресс, Дом интеллектуал. книги, 2000. 205 с.

27. Лупенкова Е.Ю. Ценностные ориентации российского электората: управленческий анализ : на примере Брянской области : диссертация ... кандидата социологических наук : 22.00.08 / Е.Ю. Лупенкова // Российский университет дружбы народов (РУДН). Москва, 2013. 178 с.

28. Мамедов А.К. Ближний Восток: цивилизационный разрыв в контексте социокультурного диссенсуса / А.К. Мамедов // В сборнике: Диалог культур и вызовы современной эпохи. Материалы Бакинского форума, посвященного памяти Гейдара Алиева. 2019. С. 199-206.

29. Мамедов А.К. Логика социального познания (Поппер VS Маркс) / А.К. Мамедов // Социология. 2016. № 3. С. 8-19.

30. Мамедов А.К. Научное знание: классическое наследие и мода / А.К. Мамедов // Экономика. Социология. Право. 2018. № 1 (9). С. 91-100.

31. Мамедов А.К. Проблема оснований социального знания (полемические заметки) / А.К. Мамедов // Экономика. Социология. Право. 2016. № 3 (3). С. 68-80.

32. Мамедов А.К. Реальность будущего или кризис социальных теорий? / А.К. Мамедов А.К. // Социология образования. 2011. № 2. С. 17-25.

33. Мамедов А.К. Социальное неравенство: новая онтология и вариативность в информационную эпоху / А.К. Мамедов // В сборнике: Философия и социальные науки в современном мире. Материалы международной научной конференции к 30-летию факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета. 2019. С. 11-15.

34. Маркс К., Энгельс Ф. К критике политической экономии // Собр. соч., изд. 2, т. 13. Москва: Политиздат, 1959. 771 с.

35. Теория социального конфликта Ральфа Дарендорфа. [Электронный источник]. URL: https://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=599537 (дата обращения 31.05.2021)

36. Шилина С.А. Коммуникативные технологии в системе отношений государства и общества // Власть. 2013 № 2 С. 043-046.

37. Шилина С.А. Политический дискурс как разновидность управленческого дискурса: подходы к определению и интерпретации / С.А. Шилина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2017 17 (1). С. 116-123.

38. Шилина С.А. Регулирование межличностных конфликтов в системе муниципального управления / С.А. Шилина, А.В. Ячменева // В книге: Практический дискурс высшей школы. Сборник докладов Международной научно-практической конференции. 2016. С. 149-151.

39. Ячменева А.В. Современные технологии управления при регулировании межличностных конфликтов в системе муниципального управления / А.В. Ячменева, С.А. Шилина // В сборнике: Управление социально-экономическими системами и правовые исследования: теория, методология и практика. Материалы международной научно-практической конференции. 2017. С. 527-532.

40. Gostenina V.I. Discursive and visual management technologies in urban sociology / V.I. Gostenina, R.K. Karneev, G.V. Makarova, S.L. Melnikov // Opcion. 2019. T. 35. № Special Edition 24. C. 122-135.

Сведения об авторах

Сычева Екатерина Юрьевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальной работы ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»; e-mail: lupenkova@yandex.ru. Адрес: 241023, Россия, г. Брянск, ул. Бежицкая, 14. Телефон: 89192902864, рабочий: 58-05-20 доб. 1231

Кусова Людмила Николаевна – студент направления подготовки «Социология» ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»; e-mail: mila.kusova2000@yandex.ru. Адрес: 241023, Россия, г. Брянск, ул. Бежицкая, 14. Телефон: 89107164328, рабочий: 58-05-20 доб. 1231

Тимофеева Виктория Александровна – студент направления подготовки «Социология» ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»; e-mail: victoryatimofeeva@yandex.ru. Адрес: 241023, Россия, г. Брянск, ул. Бежицкая, 14. Телефон: 89532832567, рабочий: 58-05-20 доб. 1231

UDK 316.48

THE DISCOURSE OF THE NATURE OF CONFLICT IN CLASSICAL SOCIOLOGY

Sycheva E.Y., Kusova L.N., Timofeeva V.A.

Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky, Bryansk

The article deals with topical issues of theoretical sociology about the nature of conflict. The genesis of the concept is traced, various points of view of the classics of sociological thought on conflict are analyzed, the functions of conflict in the coverage of representatives of several scientific paradigms are considered. The views of K. Marx, R. Darendorff, G. Simmel, L. Kozer and other thinkers of the 19th and 20th centuries are presented. The results of the content analysis of Georg Simmel's article "Man as an enemy" are presented. The relevance of the appeal to classical knowledge in the theory of conflict and the relevance of the main provisions in modern society are substantiated.
Keywords: conflict, discourse, R. Darendorf, L. Kozer, G. Spencer, G. Simmel, K. Marx, content analysis

References

1. Anisimova S.G. Vvedenie v teoriyu anomii: kategorial'no-pozitivnyj analiz / S.G. Anisimova, A.K. Mamedov // Evrazijskij fond social'nyh issled. Moskva, 2010. 226 s.
2. Ahremenko A.D. Molodezhnyj sportivnyj ekstremizm kak social'noe yavlenie / A.D. Ahremenko, E.YU. Sycheva // Nauchnyj zhurnal Diskurs. 2019. № 7 (33). S. 97-111.
3. Ahremenko A.D. Sportivnyj ekstremizm: informirovannost' molodezhi o dannom social'nom yavlenii i otnoshenii k nemu / A.D. Ahremenko, E.YU. Sycheva // Nauchnyj zhurnal Diskurs. 2019. № 7 (33). S. 112-129.
4. Babosov E.M. Teoreticheskoe nasledie klassikov social'noj mysli: Karl Gustav YUng / E.M. Babosov, A.K. Mamedov. Moskva, 2019. 160 s.
5. Babosova E.S. Razvitie neoparsianstva na rubezhe XX-XXI v. / E.S. Babosova, Mamedov A.K., N.A. Panich // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2015. № 3. S. 5-23.
6. Babosov E.M. Sociologiya: uchebnik / E.M. Babosov. Minsk: TetraSistems, 2011. 285 s.
7. Volnistaya M.G. Social'nyj kapital kommunikativnogo polya nauchnogo soobshchestva / M.G. Volnistaya, A.K. Mamedov // ZHurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Sociologiya. 2018. № 3. S. 89-95.
8. Voronov K.A. Diskurs vojny i mira v istorii sociologicheskoj mysli: sociokul'turnyj aspekt / K.A. Voronov, S.A. SHilina // Pskovskij voenno-istoricheskij vestnik. 2018. № 4. S. 338-

341.

9. Voronov K.A. Teoreticheskij ekskurs: politicheskoe pole i opredelenie omnibusnogo fakta v sociologicheskoj koncepcii P'era Burd'e / K.A. Voronov, E.YU. Lupenkova // V knige: Prakticheskij diskurs vysshej shkoly. Sbornik dokladov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. 2016. S. 7-10.

10. Voronov K.A. Etiko-sociologicheskij aspekt opasnosti ksenofobii / K.A. Voronov, V.V. Kuzevanova, E.V. Harlashina, S.A. SHilina // Nauchnyj zhurnal Diskurs. 2018. № 5 (1). S. 108-116.

11. Georg Zimmel'. [Elektronnyj istochnik]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/ Zimmel',_Georg (data obrashcheniya 25.04.2021)

12. Gostenina V.I. Social'nye trendy upravleniya i tekhnologii kriticheskogo diskursa v usloviyah rossijskoj real'nosti / V.I. Gostenina, S.A. SHilina, E.YU. Lupenkova, T.E. Lifanova // Ezhegodnik NII fundamental'nyh i prikladnyh issledovanij. 2015. T. 2. № 1. S. 147-158.

13. Gostenina V.I. Sociokul'turnye, ekonomicheskie i upravlencheskie faktory formirovaniya statusa regiona (na primere Bryanskoj oblasti) / V.I. Gostenina, A.P. Koryukin, E.YU. Lupenkova i dr. // Ezhegodnik NII fundamental'nyh i prikladnyh issledovanij. 2012. № 3 (3). S. 117-128.

14. Gostenina V.I. Upravlenie verbal'nym sociolingvisticheskim kodom sub"ekta vlasti v kommunikativnom processe/ V.I. Gostenina, S.A. SHilina. Moskva, 2008. 208 s.

15. Gostenina V.I. Upravlencheskie faktory formirovaniya statusa regiona (na primere Bryanskoj oblasti) / V.I. Gostenina, A.G. Kiselyov, S.A. SHilina // Vlast'. 2013. № 2. S. 082-085.

16. Gostenina V.I. Upravlencheskij diskurs kak tekhnologiya social'nogo vzaimodejstviya sub"ekta vlasti i sociuma / V.I. Gostenina, A.YU. Kachalkov, S.A. SHilina // Vlast'. 2015. № 8. S. 128-133.

17. Epremyan T.V. Diskurs social'nogo prostranstva goroda v usloviyah cifrovizacii / T.V. Epremyan, S.A. SHilina // V sbornike: Diskurs social'nyh problem v sociokul'turnom, obrazovatel'nom, yazykovom prostranstve v period pandemii koronavirusa. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. Bryansk, 2021. S. 25-31.

18. Epremyan T.V. Otnoshenie chitatelya pechatnyh SMI k diskursu reklamnogo mediateksta: sociologicheskoe issledovanie / T.V. Epremyan // V sbornike: Tekst v yazykovom, istoricheskom, filosofskom prostranstve. Sbornik nauchnyh trudov. Otv. red. V.V. Nikul'ceva; Moskovskij finansovo-yuridicheskij universitet MFYUA. 2019. S. 234-247.

19. Epremyan T.V. Upravlencheskie tekhnologii diskursa social'noj reklamy / T.V. Epremyan, S.A. SHilina // V sbornike: ZHurnalistyka - 2020: stan, prablemy i perspektyvy. Materyyaly 22 -j Mizhnarodnaj navukova- praktychnaj kanferencyi. Minsk, 2020. S. 383-386.

20. Zimmel' G. CHelovek kak vrag // Sociologicheskij zhurnal. 1994. № 2. S. 114-119.

21. Kirichyok P.N. ZHurnalistika v universume kul'tury: konflikt tradicij i novacij / P.N. Kirichyok // V sbornike: IV Moiseevskij chteniya. Doklady i materialy Obshcherossijskoj (nacional'noj) nauchnoj konferencii. 2021. S. 282-287.

22. Kirichek P.N. Informacionnaya kul'tura v arsenale upravlenca / Kirichyok P.N. // V sbornike: Innovacionnye tekhnologii v upravlenii. sbornik nauchnyh statej. Moskva, 2016. S. 4-10.

23. Kirichek P.N. Konflikt kontenta i formata pressy v mediarynke / P.N. Kirichek // V sbornike: ZHurnalistika – Medialogiya – Nastavnichestvo. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvyashchennoj 95-letiyu prof. B.V. Strel'cova i 100-letiyu Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Pod obshchej redakciej N.A. Fedotovoj. Redkollegiya: O.M. Samusevich (gl. red.) [i dr.]. Minsk, 2021. S. 157-162.

24. Kirichek P.N. Kul'tura i social'nye protivorechiya / P.N. Kirichek // Duhovnaya sfera obshchestva. 2012. № 9. S. 17-22.

25. Kirichyok P.N. Pamyat' o vojne v kontekste sovremennosti / P.N. Kirichyok // Pskovskij voenno-istoricheskij vestnik. 2019. № 5. S. 67-70.

26. Kozer L.A. Funkcii social'nogo konflikta / Per. s angl. O.A.Nazarovoj; Pod obshch. red. L.G.Ionina. Moskva: Ideya-Press, Dom intellektual. knigi, 2000. 205 s.

27. Lupenkova E.YU. Cennostnye orientacii rossijskogo elektorata: upravlencheskij analiz : na primere Bryanskoj oblasti : dissertaciya ... kandidata sociologicheskih nauk : 22.00.08 / E.YU. Lupenkova // Rossijskij universitet druzhby narodov (RUDN). Moskva, 2013. 178 s.

28. Mamedov A.K. Blizhnij Vostok: civilizacionnyj razryv v kontekste sociokul'turnogo dissensusa / A.K. Mamedov // V sbornike: Dialog kul'tur i vyzovy sovremennoj epohi. Materialy Bakinskogo foruma, posvyashchennogo pamyati Gejdara Alieva. 2019. S. 199-206.

29. Mamedov A.K. Logika social'nogo poznaniya (Popper VS Marks) / A.K. Mamedov // Sociologiya. 2016. № 3. S. 8-19.

30. Mamedov A.K. Nauchnoe znanie: klassicheskoe nasledie i moda / A.K. Mamedov // Ekonomika. Sociologiya. Pravo. 2018. № 1 (9). S. 91-100.

31. Mamedov A.K. Problema osnovanij social'nogo znaniya (polemicheskie zametki) / A.K. Mamedov // Ekonomika. Sociologiya. Pravo. 2016. № 3 (3). S. 68-80.

32. Mamedov A.K. Real'nost' budushchego ili krizis social'nyh teorij? / A.K. Mamedov A.K. // Sociologiya obrazovaniya. 2011. № 2. S. 17-25.

33. Mamedov A.K. Social'noe neravenstvo: novaya ontologiya i variativnost' v informacionnuyu epohu / A.K. Mamedov // V sbornike: Filosofiya i social'nye nauki v sovremennom mire. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii k 30-letiyu fakul'teta filosofii i social'nyh nauk Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. S. 11-15.

34. Marks K., Engel's F. K kritike politicheskoj ekonomii // Sobr. soch., izd. 2, t. 13. Moskva: Politizdat, 1959. 771 s.

35. Teoriya social'nogo konflikta Ral'fa Darendorfa. [Elektronnyj istochnik]. URL: https://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=599537 (data obrashcheniya 31.05.2021)

36. SHilina S.A. Kommunikativnye tekhnologii v sisteme otnoshenij gosudarstva i obshchestva // Vlast'. 2013 № 2 S. 043-046.

37. SHilina S.A. Politicheskij diskurs kak raznovidnost' upravlencheskogo diskursa: podhody k opredeleniyu i interpretacii / S.A. SHilina // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sociologiya. 2017 17 (1). S. 116-123.

38. SHilina S.A. Regulirovanie mezhlichnostnyh konfliktov v sisteme municipal'nogo upravleniya / S.A. SHilina, A.V. YAchmeneva // V knige: Prakticheskij diskurs vysshej shkoly. Sbornik dokladov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. 2016. S. 149-151.

39. YAchmeneva A.V. Sovremennye tekhnologii upravleniya pri regulirovanii mezhlichnostnyh konfliktov v sisteme municipal'nogo upravleniya / A.V. YAchmeneva, S.A. SHilina // V sbornike: Upravlenie social'no-ekonomicheskimi sistemami i pravovye issledovaniya: teoriya, metodologiya i praktika. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. 2017. S. 527-532.

40. Gostenina V.I. Discursive and visual management technologies in urban sociology / V.I. Gostenina, R.K. Karneev, G.V. Makarova, S.L. Melnikov // Opcion. 2019. T. 35. № Special Edition 24. C. 122-135.

Author`s information

Sycheva Ekaterina Yuryevna. - Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology and Social Work of the Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky; e-mail: lupenkova@yandex.ru. Address: 241023, Russia, Bryansk, Bezhitskaya str., 14. Phone: 89192902864, work: 58-05-20 ext. 1231

Kusova Lyudmila Nikolaevna - student of the field of study «Sociology» of the Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky; e-mail: mila.kusova2000@yandex.ru. Address: 241023, Russia, Bryansk, Bezhitskaya str., 14. Phone: 89107164328, work: 58-05-20 ext. 1231

Timofeeva Victoria Aleksandrovna - student of the direction of training «Sociology» of the Bryansk State University named after Academician I.G. Petrov-skogo; e-mail: victoryatimofeeva@yandex.ru. Address: 241023, Russia, Bryansk, Bezhitskaya str., 14. Phone: 89532832567, work: 58-05-20 ext. 1231

ПРАВО

УДК 347.471.2

ХРАНЕНИЕ ВЕЩЕЙ В ЛОМБАРДЕ КАК ОДИН ИЗ ВИДОВ ЛОМБАРДНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Сахарова Ю.В.

Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского, г. Брянск

Статья посвящена исследованию особенностей хранения в ломбарде, как профессионального вида хранения. В статье рассмотрены вопросы оформления сохранной квитанции, отдельные аспекты страхования ломбардом предмета договора, а также право ломбарда на реализацию невостребованной поклажедателем вещи. Исследован спорный вопрос оценки принятых на хранение вещей. Проведенное исследование позволило автору сформулировать предложения по изменению статьи 919 Гражданского кодекса Российской Федерации и Федерального закона от 19.07.2007 № 196-ФЗ «О ломбардах».

Ключевые слова: ломбард, ломбардная деятельность, хранение, сохранная квитанция, страхование, невостребованные вещи

Одним из видов ломбардной деятельности выступает профессиональное хранение вещей в ломбарде. Согласно ГК РФ, хранение вещей в ломбарде относится к специальным видам хранения, общие положения которого регулируются статьями 919, 920 Гражданского кодекса Российской Федерации [1]. В качестве хранителя в специальных видах хранения выступают специальные субъекты, в данном случае ломбард.

Договор хранения в ломбарде вещей, принадлежащих гражданину, является публичным договором (статья 919 ГК РФ, статья 9 Федерального закона от 19.07.2007 № 196-ФЗ «О ломбардах» [2] (далее – Закон о ломбардах)). Из этого следует обязанность ломбарда принять вещь на хранение, обязанность ломбарда по страхованию вещей, принимаемых на хранение и недопустимость изменения условий договора хранения по требованию стороны договора хранения – поклажедателя. Ломбард как профессиональный хранитель обязан на равных условиях оказывать услуги по хранению вещей любому гражданину, обратившемуся за услугой хранения в ломбард, за исключением случае, когда есть законные основания для отказа принять вещи на хранение.

При приеме вещей на хранение следует учитывать положение статьи 2 Закона о ломбардах, по смыслу которой ломбарду разрешено принимать как в залог, так и на хранение вещи (движимое имущество) принадлежащие гражданам и предназначенные для личного потребления, за исключением вещей, изъятых из оборота, либо ограниченных в обороте законодательством Российской Федерации.

Особенностью хранения в ломбарде является то, что хранение вещей может носить как самостоятельный характер, так и участвовать в комплексных правоотношениях потребительского кредитования и залога вещей. Хранение вещей в ломбарде как вид ломбардной деятельности является отдельной самостоятельной сделкой и отличается от хранения вещей, как части залоговой сделки в обеспечение предоставленного займа. На различия между сделками по хранению вещей в ломбарде, вытекающих из сделки по залогу вещей, и сделками непосредственного хранения вещей в ломбарде указывает и Ю.В. Соколов, рассматривая хранение вещей в ломбарде как часть залоговой сделки вещей в ломбарде при получении заемщиком потребительского займа [4, с. 186]. В первом случае хранение сделка имеет акцессорный характер – для обеспечения сохранности вещи, переданной в залог для обеспечения обязательств, во втором случае – самостоятельный, отдельный вид предпринимательской деятельности ломбарда.

Ломбард в отношениях, возникающих по поводу хранения вещи, выступает как профессиональный хранитель, предоставляющий услуги хранения физическим лицам на возмездной основе, как один из видов своей деятельности (статья 886 ГК РФ). В легальном оп-

ределении ломбарда хранение выделено как отдельный вид ломбардной деятельности (статья 2 Закона о ломбардах). Следует учитывать, залог вещей опосредован договором займа, а договор займа в ломбарде не является публичным договором в отличие от договора хранения в ломбарде. Указания на публичность договора займа нет в статье 358 ГК РФ и Законе о ломбардах.

На хранение вещей как отдельный вид ломбардной деятельности указывает и прямо обозначенный в Законе о ломбардах отдельный субъектный состав (хранитель – поклажедатель), подразделение вещей на заложенные или сданные на хранение, отдельные правила хранения вещей в ломбарде в отличие от правил кредитования в ломбарде, отдельный льготный срок по договору хранения в отличие от льготного срока по договору займа.

Как пишет Ю.В. Соколов «…отличительной чертой описываемыми сделками является цель ее совершения» [4, с. 187]. Хранение заложенной вещи в ломбарде при предоставлении потребительского займа важно постольку, поскольку обеспечивает сохранность залога. В случае хранения как самостоятельной возмездной сделки основной целью выступает обеспечение сохранности вещи, передаваемой на хранение и возврат вещи поклажедателю в целости и сохранности, за что ломбард получает соответствующее вознаграждение.

Правила хранения вещей в ломбарде определяет Глава 3 Закона о ломбардах (статья 9) с учетом общих положений ГК РФ. По условиям договора хранения гражданин – поклажедатель сдает ломбарду на хранение принадлежащую ему вещь, а ломбард обязуется осуществить на возмездной основе хранение принятой вещи. Существенными условиями договора хранения являются наименование данной на хранение вещи, сумма ее оценки, произведенной в соответствии со статьей 5 Закона о ломбардах, срок ее хранения, размер вознаграждения за хранение и порядок его уплаты. Заключение договора удостоверяется выдачей ломбарда поклажедателю именной сохранной квитанции. С этого момента договор считается заключенным. Закон не содержит требования о форме договора хранения вещей в ломбарде, но указывает, что заключении договора хранения удостоверяется выдачей ломбардом поклажедателю именной сохранной квитанции в двух экземплярах по одному для каждой из сторон. Таким образом, выдача ломбардом именной сохранной квитанции приравнивается к заключению договора в простой письменной форме. Сохранная квитанция является бланком строгой отчетности, форма которого утверждается в порядке, установленном Правительством Российской Федерации.

Требования к содержанию сохранной квитанции определяет пункт 4 статьи 9 Закона о ломбардах. Здесь среди прочего следует выделить, что сохранная квитанция должна содержать сумму оценки сданной на хранение вещи и срок ее хранения, технологические условия хранения вещи, а также информацию о том, что поклажедатель в случае реализации не востребованной им вещи имеет право получить от ломбарда сумму, вырученную от продажи невостребованной вещи, или сумму ее оценки (наибольшую из указанных сумм) за вычетом расходов на ее хранение.

Закон о ломбардах устанавливает, что сохранная квитанция может содержать и иные соответствующие законодательству положения. Представляется целесообразным, что здесь, к качестве «иных положений» должны быть отражены императивные нормы о запрете использования и распоряжения сданными на хранение вещами, об обеспечении ломбардом условий сохранности сданных на хранение вещей и об исключения доступа к ним посторонних лиц, о запрете в местах хранения сданных на хранение вещей иных вещей. Аналогичные положения в отношении хранения заложенных вещей следует приводить и в «иных положениях» залогового билета.

Исходя из требований статьи 2 Закона о ломбардах, ломбарды в каждом своем территориально обособленном подразделении должны иметь оборудованные и охраняемые хранилища, обеспечивающие сохранность вещей, отсутствие воздействия на них вредных воздействий, исключение доступа к ним посторонних лиц. Ломбарды несут ответственность за утрату и повреждение сданных на хранение вещей, заложенных вещей, за исключением действий непреодолимой силы. Здесь применимы нормы статьи 901 и 358 ГК РФ.

При этом в случае, если поклажедатель не востребовал вещь, ломбарды обязаны соблюдать условия хранения, обеспечивающие сохранность сданной вещи, плоть до момента реализации такой вещи (статья 11 Закона о ломбардах).

Особенностью хранения вещи в ломбарде является законодательно установленная (статья 919 ГК РФ, статья 6 Закона о ломбардах) обязанность ломбарда страховать в пользу заемщика или поклажедателя за свой счет риск утраты и повреждения вещи, принятой в залог или на хранение, на сумму, равную сумму ее оценки. При этом не допускается понуждение заемщика или поклажедателя к страхованию вещи за его счет, а заложенная или сданная на хранение вещь должна быть застрахована на протяжении всего периода ее нахождения в ломбарде. Требование страхования, принятого на хранение или в залог имущества направлено на защиту клиентов ломбарда. В то же время как указывает судебная практика, на ломбард не возлагается обязанность страховать риск изъятия заложенной или сданной на хранение вещи в соответствии уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации [5].

Общей чертой, как договора хранения, так и договора займа выступает право ломбарда реализации невостребованной поклажедателем или заемщиком вещи. В соответствии со статьей 920 ГК РФ, если вещь, сданная на хранение в ломбард, не востребована поклажедателем в обусловленный соглашением с ломбардом срок, ломбард обязан хранить ее в течение двух месяцев с взиманием за это платы, предусмотренной договором хранения. По истечении этого срока невостребованная вещь может быть продана ломбардом. В соответствии со статьей 12 Закона о ломбардах вещи считаются невостребованными в случаях если:

1) заемщик не исполнил обязательство перед ломбардом по договору займа по истечению месячного льготного срока (через месяц после установленного договором займа срока возврата займа и процентов);

2) поклажедатель не востребовал сданную на хранение вещь по истечению двухмесячного льготного срока (через два месяца после окончания срока хранения, установленного договором хранения и указанного в сохранной квитанции).

Целью реализации невостребованной вещи является удовлетворение требований ломбарда к заемщику (залогодателю) или поклажедателю в размере, определяемом в соответствии с условиями договора займа или договора хранения на день продажи невостребованной вещи.

Ломбарды обращают взыскание на невостребованные вещи в бесспорном порядке на основании исполнительной надписи нотариуса. Как следует из пункта 2 статьи 12 Закона о ломбардах, исполнительная надпись нотариуса для обращения взыскания обязательна для взыскания невостребованных вещей по договору хранения. Обращение взыскания без исполнительной надписи нотариуса возможно только в отношении невостребованных вещей, являющихся предметом залога по договору займа, при условии, что в этом договоре займа предусмотрена возможность такого порядка обращения взыскания, и получено согласие заемщика-залогодателя.

Порядок реализации невостребованных вещей установлен статьей 13 Закона о ломбардах. Здесь следует обратить внимание что, если сумма оценки невостребованной вещи превышает 300 000 (триста тысяч) рублей, ее реализация осуществляется только путем продажи с открытых торгов. Открытые торги по продажи невостребованной вещи проводятся в форме открытого аукциона, в порядке, установленном статьями 447-449 ГК РФ, при этом начальной ценой реализации невостребованной вещи является суммой ее оценки, указанная в залоговом билете или сохранной квитанции.

Если сумма оценки невостребованной вещи меньше 300 000 (триста тысяч) рублей, форма и порядок ее реализации определяются решением ломбарда, если иное не установлено договором займа или договором хранения. При этом Закон о ломбардах прямо не указывает порядок действий при реализации ломбардом невостребованной вещи с сумой оценки менее 300 000 (триста тысяч) рублей – кому и как продавать невостребованную вещь в данном случае преимущественно решает ломбард. Например, это может быть договор-купли продажи,

заключенный с физическими или юридическими лицами.

Сделка по реализации невостребованной вещи не носит предпринимательский характер и не является видом ломбардной деятельности, поскольку она имеет цель удовлетворения требований ломбарда к поклажедателю или заемщику (залогодателю).

После того как невостребованная вещь была реализована в правоотношениях как ломбард – поклажедатель, так и ломбрад – заемщик (залогодатель) возможны несколько вариантов действий. В случае, если сумма, вырученная от реализации невостребованной вещи недостаточна для удовлетворений требования ломбарда к заемщику или поклажедателю, то такие требования погашаются. В случае, если после продажи невостребованной вещи сумма обязательств заемщика или поклажедателя оказалась ниже суммы, вырученной при реализации невостребованной вещи, либо суммы ее оценки, ломбард обязан возвратить заемщику или поклажедателю разницу между суммой оценки невостребованной вещи и суммой обязательств заемщика или поклажедателя в случае, если сумма, вырученная от реализации невостребованной вещи, не превышает сумму ее оценки; либо разницу между суммой, вырученной от реализации невостребованной вещи, и суммой обязательств заемщика или поклажедателя в случае, если сумма, вырученная при рализации невостребованной вещи, превышает сумму ее оценки.

При этом в соответствии с пунктом 5 статьи 13 Закона о ломбардах право поклажедателя, как и заемщика на получение от ломбарда денежных средств, составляющих разницу между суммой обязательств этих лиц перед ломбардом и суммой, вырученной от реализации невостребованной вещи (или суммой оценки невостребованной вещи), сохраняется в течение трех лет со дня продажи такой вещи. Ломбард обязан предоставить поклажедателю или заемщику соответствующий расчет размера этих средств.

Достаточно жесткое и императивное регулирование ломбардной деятельности оставляет спорным вопрос оценки принятых на хранение вещей. В соответствие со статьей 5 Закона о ломбардах оценка вещи, передаваемой в залог или сдаваемой на хранение, производится по соглашению сторон в соответствии с ценами на вещи такого рода и качества, обычно устанавливаемыми в торговле в момент и месте ее принятия в залог или на хранение.

Если в сделке займа, сумма оценки предмета залога, произведенной «по соглашению сторон», по сути, является суммой займа, то в отношении самостоятельной сделки хранения такой подход (оценка «по соглашению сторон») может ущемлять права поклажедателя посредством занижения ломбардом оценки сдаваемой на хранение вещи.

Сумма оценки, как было указано выше, влияет на порядок реализации невостребованных вещей, на размер страховых выплат, на начальную сумму реализации невостребованной вещи с открытых торгов, на обязательства ломбарда перед поклажелателем, возникающие после продажи невостребованной вещи. Таким образом, вопрос оценки сданной на хранение вещи, является весьма важным для поклажедателя.

Законодатель указывает, что вещь должна быть оценена ломбардам в соответствии с ценами на аналогичные вещи, «обычно устанавливаемыми в торговле». Рыночная стоимость вещи прямо в Законе о ломбардах не упоминается. При этом в правоотношениях по страхованию сданной на хранение вещи допускается независимая оценка ее рыночной стоимости по инициативе страховщика в соответствии с Федеральным законом от 29.07.1998 № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» [3] (далее – Закон об оценке), поскольку в соответствии со статьей 945 ГК РФ страховщик при заключении договора страхования имущества имеет право произвести осмотр страхуемого имущества, а при необходимости – назначить экспертизу в целях установления его действительной стоимости. Закон об оценке на этот случай указывает в статье 7, что если в договоре об оценке объекта оценки не определен конкретный вид стоимости объекта оценки, установлению подлежит рыночная стоимость данного объекта. Указанное правило подлежит применению и в случае использования в нормативном правовом акте терминов определяющих вид стоимости объекта оценки, в том числе терминов «действительная стоимость», «разумная стоимость», «эквивалентная стоимость», «реальная стоимость» и других. В соответствии со статьей 5 Закона об оценки к

объектам оценки относятся отдельные материальные объекты (вещи).

Рыночную стоимость Закон об оценке (статья 3) определяет как наиболее вероятную цену, по которой данный объект оценки может быть отчужден на открытом рынке в условиях конкуренции, когда стороны сделки действуют разумно, располагая всей необходимой информацией, а на величине цены сделки не отражаются какие-либо чрезвычайные обстоятельства, то есть когда:

– одна из сторон сделки не обязана отчуждать объект оценки, а другая сторона не обязана принимать исполнение;

– стороны сделки хорошо осведомлены о предмете сделки и действуют в своих интересах;

– объект оценки представлен на открытом рынке посредством публичной оферты, типичной для аналогичных объектов оценки;

– цена сделки представляет собой разумное вознаграждение за объект оценки и принуждения к совершению сделки в отношении сторон сделки с чьей-либо стороны не было;

– платеж за объект оценки выражен в денежной форме.

Поклажедателю должно быть предоставлено право либо соглашаться с оценкой ломбарда, либо произвести оценку рыночной стоимости сдаваемой на хранение вещи с привлечением независимого оценщика в соответствии с Законом об оценке. Для реализации своего права поклажедатель может заключить договор на проведения оценки принадлежащих ему вещей, сдаваемых на хранение в ломбард (статья 9 Закона об оценке). В случае если ломбард не согласен с оценкой рыночной стоимости сдаваемой на хранении вещи, выполненной по инициативе поклажедателя, отношения сторон должны регулироваться статьей 13 Закона об оценке. Названная статья Закона об оценке указывает, что спор о достоверности величины рыночной стоимости объекта оценки, в том числе и в связи с имеющимся иным отчетом об оценке этого же объекта, подлежит рассмотрению судом, арбитражным судом в соответствии с установленной компетенцией, третейским судом по соглашению сторон спора или договора или в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, регулирующим оценочную деятельность.

В связи с вышеизложенным, для защиты интересов поклажедателя и баланса сторон в правоотношениях ломбард – поклажедатель целесообразно внести соответствующие изменения в статью 919 ГК РФ и Закон о ломбардах:

– в пункт 3 статьи 919 ГК РФ добавить абзац следующего содержания:

«Поклажедатель вправе за свой счет провести оценку рыночной стоимости вещи, сдаваемой на хранение в ломбард, в соответствие с федеральным законом, регулирующим оценочную деятельность, а ломбард вправе согласиться с выполненной по инициативе поклажедателя оценкой рыночной стоимости вещи, сдаваемой на хранение, либо оспорить ее в установленном законом порядке».

– Статью 5 Закона о ломбардах изложить в следующей редакции:

«1. Оценка вещи, передаваемой в залог или на хранение, производится по соглашению сторон в соответствии с ценами на вещи такого рода и качества, обычно устанавливаемыми в торговле в момент и месте ее принятия в залог или на хранение.

2. Поклажедатель вправе за свой счет провести оценку рыночной стоимости вещи, сдаваемой на хранение в ломбард, в соответствие с Федеральным законом «Об оценочной деятельности в Российской Федерации». В случае несогласия ломбарда с выполненной по инициативе поклажедателя оценкой рыночной стоимости вещи, сдаваемой на хранение, ломбард вправе оспорить такую оценку в порядке, установленном законодательством Российской Федерации».

Таким образом, хранение вещей в ломбарде может носить как самостоятельный характер, так и участвовать в комплексных правоотношениях потребительского кредитования и залога вещей. Хранение, выступая отдельным видом ломбардной деятельности, регламентировано нормами ГК РФ о хранении и залоге вещей в ломбарде, и Законом о ломбардах. При этом договор хранения вещей в ломбарде является публичным договором.

Общей чертой, как договора хранения, так и договора займа выступает право ломбарда реализации невостребованной поклажедателем или заемщиком (залогодателем) вещи в целях удовлетворения требований ломбарда к поклажедателю или заемщику (залогодателю).

Рассмотренные в работе правовые аспекты хранения вещей в ломбарде выявили спорный вопрос оценки сдаваемых на хранение вещей, требующий законодательного решения.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : Федеральный закон от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 08.07.2021) // Собрание законодательства РФ. – 1994. - № 32. - Ст. 3301.

2. О ломбардах : Федеральный закон от 19.07.2007 N 196-ФЗ (ред. от 13.07.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.07.2021) // Российская газета. – 2007. - № 164.

3. Об оценочной деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.07.1998 № 135-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. - № 31. – Ст.3813.

4. Соколов, Ю.В. Договор хранения вещей в ломбарде как часть залоговой сделки в отношении вещи, передаваемой в залог в ломбарде / Ю.В. Соколов // Вестник Университета. 2014. - № 7. - Текст: непосредственный.

5. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 23.12.2014 № 09АП-42372/2014 по делу № А40-58921/14. – Текст электронный // Консультант Плюс [сайт]. - URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения 10.09.2021). – Режим доступа: свободный.

Сведения об авторах

Сахарова Юлия Владимировна - доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского», к.ю.н., доцент, 1887342@mail.ru.

UDK 347.471.2

ON THE ISSUE OF CHANGING THE LEGISLATIVE REGULATION OF PAWNSHOP ACTIVITY

Sakharova J. V.

Bryansk State University named after Academician I. G. Petrovsky, Bryansk

The article is devoted to the study of the features of storage in a pawnshop as a professional type of storage. The article deals with the issues of registration of a safe receipt, certain aspects of insurance by a pawnshop of the subject of the contract, as well as the right of a pawnshop to sell a thing unclaimed by the pawnbroker. The controversial issue of the assessment of things accepted for storage is investigated. The conducted research allowed the author to formulate proposals to amend Article 919 of the Civil Code of the Russian Federation and Federal Law № 196-FZ of 07.19.2007 "On Pawnshops".

Keywords: *pawnshop, pawn shop activity, storage, safe receipt, insurance, unclaimed items*

References

1. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) : Federal'nyj zakon ot 30.11.1994 N 51-FZ (red. ot 28.06.2021, s izm. ot 08.07.2021) // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 1994. - № 32. - St. 3301.

2. O lombardah : Federal'nyj zakon ot 19.07.2007 N 196-FZ (red. ot 13.07.2020) (s izm. i dop., vstup. v silu s 10.07.2021) // Rossijskaya gazeta. – 2007. - № 164.

3. Ob ocenochnoj deyatel'nosti v Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 29.07.1998 № 135-FZ (red. ot 31.07.2020) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. – 1998. - № 31. – St.3813.

4. Sokolov, YU.V. Dogovor hraneniya veshchej v lombarde kak chast' zalogovoj sdelki v

otnoshenii veshchi, peredavaemoj v zalog v lombarde / YU.V. Sokolov // Vestnik Universiteta. 2014. - № 7. - Tekst: neposredstvennyj.

5. Postanovlenie Devyatogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 23.12.2014 № 09AP-42372/2014 po delu № A40-58921/14. – Tekst elektronnyj // Konsul'tant Plyus [sajt]. - URL: http://www.consultant.ru/ (data obrashcheniya 10.09.2021). – Rezhim dostupa: svobodnyj.

Author`s information

Sakharova Julia Vladimirovna - Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Bryansk State University named after ak. I. G. Petrovsky, Candidate of Law, Associate Professor, 1887342@mail.ru

ЭКОНОМИКА. СОЦИОЛОГИЯ. ПРАВО.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Эл № ФС77-65142 от 28.03.2016 г.

Главный редактор журнала:
доктор экономических наук, профессор
О.В. Бабич

Адрес учредителя:
ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
241036, г. Брянск, Бежицкая, 14.

Адрес редакции и издателя:
РИО ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского».
241036, г. Брянск, Бежицкая, 14.

Дата выхода журнала в свет 29.12.2021 г. **16+**